

ПИОНЕР

Март

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“. 1938.

3

Героям Советского Союза Папанину, Кренкелю, Ширшову и Федорову

Дорогие товарищи!

От имени всех членов «Компаса» крепко, крепко жмем Вам всем руки, которые высоко и смело держали над Северным полюсом красный флаг нашей родины.

Ваши книги, Ваши рассказы станут настольными книгами каждого члена «Компаса», увлекательными учебниками мужества, настойчивости, любви к нашей родине.

Мы все также мечтаем сделать географические открытия, прославить нашу страну, как прославили ее Вы.

Мы особенно рады, что на полюсе был член совета нашего общества товарищ Кренкель. В радиogramме с полюса он обещал нам рассказать о героическом пути дрейфующей станции. С нетерпением ждем от Эрнста Теодоровича обещанных им рассказов на страницах журнала «Пионер».

*Географическое общество „Компас“
при журнале „Пионер“*

П И О Н Е Р

Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й   Д Е Т С К И Й   Ж У Р Н А Л
Ц Е Н Т Р А Л Ь Н О Г О   К О М И Т Е Т А   В Л К С М

Рисунок пионера Юры Лиманова

*Кренкель сообщает по радио на „Таймыр“: „В вашу сторону
побежал медведь...“*

№ 3

М а р т 1938 г.

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Приговор народа

Мы дышим свежим и чистым воздухом нашей свободной советской земли, мы живем, мы учимся, мы работаем — все мы дети одной матери — нашей родины, нашей Советской страны.

И мы столько дней, сколько шел процесс «право-троцкистского блока», слушали, как кучка самых отъявленных негодяев из всех, существовавших на свете, торговала нашей родиной, нашей матерью. Мы слышали, как кучка самых гнусных тварей, которых стыдно называть людьми, делала нашу прекрасную родину между японскими, немецкими и польскими фашистами, за нашей спиной собиралась открыться ворота врагу, вытоптать нашу страну фашистскими сапогами, залить ее кровью советских людей, отравить ее чистый воздух душливыми газами, вернуть гнусный и бесчеловечный строй капитализма, свергнутый двадцать лет назад.

Мы слышали на процессе, как политические бандиты и доктора-убийцы вместе составляли яды и отравляли наших лучших людей, которых любил весь советский народ, — товарищей Куйбышева и Менжинского — бесстрашных и мужественных бойцов за дело социализма.

Это они умертвили Горького — писателя, родного всему человечеству, правдивое слово которого слушал весь мир.

Это они, людское отребье, умертвили Сергея Мироновича Кирова, это у них уже были приготовлены пули для отца нашего народа — Иосифа Виссарионовича Сталина. Это они ядовитыми испарениями пытались отравить Николая Ивановича Ежова. Какая выдержка у прокурора, у судей! Как это удается им так спокойно задавать вопросы этим гадинам, глядеть на них, дышать с ними одним воздухом в зале суда? Гадины пойманы, теперь они нестрашны народу. Выдержанно, спокойно, перекрестным вопросом прокурор загоняет каждого в свой угол. Они уже не могут отпираться, он заставляет их выкладывать свои гнусности. Сколько их?

Они спускали под откос поезда, уничтожали горы продуктов. Они подбрасывали в масло битое стекло и ржавые гвозди, чтобы рвать внутренности советским людям.

Сколько лютой ненависти, сколько бесстрашной злобы во всех преступлениях, со-

вершенных этой бандой контрреволюционеров!

После первых двух процессов: Каменева — Зиновьева и Пятакова — Радека — всем нам казалось, что на свете не может быть преступлений, подлее тех, которые там были раскрыты. Но даже вскрытые там преступления бледнеют перед тем, что раскрыл нам последний процесс.

Мы узнали, что Бухарин 20 лет тому назад собирался не только арестовать Ленина, но и убить его, убить Сталина и Свердлова. Мы узнали, что пуля эсерки Каплан была послана рукой Бухарина. И этот выродок притворялся другом Ленина.

Мы узнали, что враг народа — фашистский шпион и убийца Троцкий — стал шпионом немецкой разведки семнадцать лет назад, еще при жизни Ленина.

Нет таких преступлений против народа, которых бы не совершила шайка право-троцкистских бандитов. Вот эти преступления:

Измена, самая подлая, самая гнусная: все они изменяли своей родине, сговарившись с ее врагами.

Предательство, начиная от Иванова, Зубарева и Зеленского, предававших царской охранке революционеров, и кончая Рыковым и Бухариным, предавшими фашистам весь народ.

Вредительство: они разрушали то, что мы строили, они хотели голодом задушить нашу страну, они уничтожали продукты целыми поездами, заражали скот чумой, заражали болезнями семена.

Убийства — убийства выстрелами из-за угла, убийства руками врачей! Подумать только, что Менжинский ждал исцеления от той руки, которая его убила! Подумать только — Горький любил костры, и этим воспользовались убийцы, чтобы подвести его к краю могилы! Разве слово «убийца» достаточно, чтобы определить всю мерзость их преступлений? Человеческий язык еще не избрел такого слова, которое могло бы определить всю безмерную низость этих людей.

Раньше таких называли «азефами», по имени известного до революции провокатора Азефа, но они превзошли его в мерзости, теперь есть другие слова для определения самых подлых на свете людей: троцкий, бухарин, ягода, рыков.

И вот они сидят, вся шайка, на скамье подсудимых. Нет только Троцкого. Но черная тень его во всех процессах занимала свое место на скамье подсудимых. Он не расстрелян физически, как Зиновьев, Каменев, Пятаков и другие, но он, выгнанный из страны и заклеянный народом как враг трудящихся, дважды расстрелян презрением и ненавистью народа на прошедших процессах и в третий раз — теперь. Ему не встать никогда, никогда не добиться своей цели, сколько бы гнусностей он ни затевал. Он вне закона для нашего народа и для трудящихся всех стран.

И вот его сообщники: три провокатора царской охраны — Иванов, Зубарев, Зеленский; врачи-отравители — Левин, Плетнев, Казаков; платные шпионы германской разведки — Бессонов, Чернов; изменники-троцкисты — Крестинский, Розенгольд, Раковский. Тут же и «правые»... — кто сейчас видит разницу между «правыми» и «левыми» в этой компании убийц? Они переплелись друг с другом так же, как переплелись их преступления. Вот они так называемые «правые»: Бухарин, готовивший убийство Ленина, Сталина и Свердлова; Ягода, расчистивший дорогу убийце Кирова, подославший отравителей к Горькому; Рыков, вместе со всеми составлявший планы убийства Сталина, Молотова, Кагановича, Ежова. И вот еще имена изменников: Гринько, Файзулла Ходжаев, Икрамов, Шарангович, — продававших наши союзные республики в розницу Польше, Германии, Англии.

Мы не хотим дышать с ними одним воздухом. Как смеют они называться людьми! Что общего между высоким званием человека в нашей стране и этими тварями?

Это Горький сказал, что человек — звучит гордо. Они убили Горького, но разве им под силу убить его могучее слово? Ведь оно и после его смерти будит человечество на борьбу с угнетателями, на борьбу с фашистами, за дело Ленина — Сталина.

Это Горький сказал: «Если враг не сдается, — его уничтожают».

Мы уничтожили этих бешеных от бесильной злобы врагов и так поступим со всеми, кто будет мешать жить людям нашей страны и попытается вернуть старое, тысячу раз проклятое время.

Для вас, родившихся после Октября, городской, жандарм, околоточный, царь — все это призраки старого мира, о них вы знаете понаслышке, по рассказам, по книгам, по картинам в кино. Их давно нет, и

пристав Васильев, вызванный на процесс, многим показался призраком, ожившим чучелом, мертвецом, восставшим из гроба.

Но порядки капитализма все еще царят на пяти шестых земного шара, и хотя почва под старым миром трясется, но там городские еще стоят на перекрестках, а участках сидят околоточные, армиями командуют фашистские генералы, а ими, в свою очередь, командуют капиталисты.

За этот мир и цепляются все наши враги — от провокатора Иванова до изменника Бухарина и шпиона Троцкого.

Вы не видели живого городского, но старая полицейская собака — провокатор Зеленский — был жив до последнего времени, подбрасывал нам в масло стекло и ездил за границу договариваться со своими хозяевами.

Вы не видели живого околоточного, фабриканта-капиталиста, охотничьего купца, но вот перед вами на процессе прошли их помощники, которые, надев маску, долгое время обманывали нас и продавали нас старому миру капитализма.

Все эти Бухарины, Рыковы, Розенгольцы — все это секретная армия капиталистического мира, которую мы победили, хотя она и действовала за нашей спиной. Это стоит выигранного сражения и большого сражения. Слава его победителю — советской разведке и сталинскому наркому Николаю Ивановичу Ежову!

Перед вами, ребята, прошел этот процесс. Никогда не забывайте о нем.

Пройдет несколько лет, вы станете взрослыми и сильными людьми. Каждый из вас займется любимым и полезным делом. Вы будете строить и укреплять свою страну, как это делают теперь ваши отцы и старшие братья под руководством партии Ленина — Сталина.

Придет время, и родина доверит вам оружие для охраны своих границ; придет время и для вас вступить в бой с капиталистическим миром, который не перестает и тайно и явно готовить против нас войну.

Процесс «право-троцкистского блока» показывает вам, на что способны наши враги. Нет таких средств, перед которыми они остановились бы в борьбе против нашей родины.

Будьте готовы к борьбе, ребята, растите смелыми, мужественными и правдивыми перед своей родиной, перед партией, комсомолом и своей пионерской организацией!

Ваши бои впереди, растите честными и смелыми бойцами!

Смерть предателям!

В истории было совершено много преступлений, но я никогда не слыхала о таких злодействах, какие совершили наши враги — троцкисты и бухаринцы. Это самые отвратительные люди, которые когда-либо существовали. Их даже нельзя назвать людьми: они хуже самого злого зверя. Они ненавидели настоящих, хороших людей и мечтали их убить. Они убили дорогих товарищей Кирова, Менжинского, Куйбышева и великого писателя Алексея Максимовича Горького. Когда советский народ хоронил этих замечательных большевиков и люди плакали, враги радовались, злобно хихикали и поздравляли друг друга.

У них не было ни одной хорошей мысли. Всю жизнь они притворялись, скрывали свои черные мысли и вредили. Они хотели, чтобы весь народ голодал, чтобы фашисты разграбили нашу страну и убили всех, кто стоит за коммунистическую партию. Даже на суде, когда весь мир узнал о их выступлениях, они продолжали притворяться и изворачиваться. Какие подлые и гнусные замыслы были в их головах! Они хотели убить товарища Сталина, самого дорогого и любимого человека всех народов.

Когда Николай Иванович Ежов пришел в Наркомвнудел, они испугались, что он вскроет их замыслы. Так и случилось. Дни и ночи Николай Иванович распутывал страшные преступления, и враги предстали перед судом. Враги хотели убить Николая Ивановича, опрыскивали его комнаты страшным ядом. Большое счастье для всех нас, что это им не удалось.

В нашей стране живут честные люди, и все мы горячо любим товарища Сталина. С каждым днем у нас жизнь становится все лучше и лучше. Троцкисты и бухаринцы ненавидели народ, мечтали превратить нашу страну в кровавое поле деятельности фашистов.

...Не удалось! Теперь мы знаем всю низость троцкистов и правых. Такие люди не должны жить на свете.

Смерть предателям!

Валя Васильева

Подлые убийцы

Сергей Миронович Киров был очень веселым, хорошим человеком. Он радовался, что у нас стала хорошая жизнь и говорил, что ему очень хочется жить. А враги убили его. Они напали из-за угла и убили самого хорошего человека на свете.

В кабинете Сергея Мироновича, на столе, лежит простреленная фуражка. Когда я смотрел на простреленную фуражку, мне хотелось самому расправиться с убийцами.

В кабинете, на стене, висит большая карта Ленинградского края. Сергей Миронович любил этот край. Он любил ходить по широким ровным улицам Ленинграда, часто ездил в Хибины. В Хибинах суровый климат, там холодно, но Сергей Миронович ничего не боялся.

В Хибинах начали строить большие заводы. Сейчас там выросли многоэтажные здания, а среди них стоит маленький домик. В этом домике жил Сергей Миронович.

Киров хотел, чтобы всем жилось хорошо. Он мог бы жить еще долго и сделал бы много хорошего для всех людей, если бы подлые троцкисты не убили его. Мы никогда не простим фашистам и их наемникам убийства Сергея Мироновича!

Наум Ольбинский

Смелый буреветник

Когда умер Алексей Максимович Горький, я плакал, потому что я очень люблю его. А сейчас я узнал, что он убит. Алексей Максимович был похож на смелого буреветника. Он никогда не прятался и шел прямой дорогой. Он любил всех нас, и мы все горячо любили его.

Его убили подлые люди; они боялись говорить открыто, что не любят его, и прятались по темным углам.

Мурик Ваксмахер

Фашисты убивают детей

В Советском Союзе живет много испанских ребят. Фашисты убили их отцов, матерей, братьев и сестер. В Советском Союзе этих ребят встретили как родных.

Вместе с испанскими ребятами я была в «Артене». Они рассказывали о том, как фашисты мучают испанский народ.

Когда фашисты захватили Малагу, они стали убивать всех, кто сочувствовал коммунистам. Они убивали даже маленьких ребят. Ромедиос рассказывала мне, как они бежали из Малаги, потому что фашисты хотели убить их мать и избивали детей. У Висента фашисты убили двух братьев; одному было всего 8 лет. Ребята рассказывали, как фашистские самолеты сбрасывали бомбы на мирные города. В Валенсии фашисты бомбили школу и убили многих ребят.

Фашисты сжигали людей, обливая их керосином.

Фашисты мечтают уничтожить советский народ. Они хотели бы убить всех, кто любит Сталина. Но весь народ любит Сталина.

Никогда фашистам не быть на нашей территории!

Мой папа — летчик. Он умеет летать быстро и высоко. Таких летчиков, как мой папа, много. Они могут полететь куда угодно и никогда не пустят врага в Советский Союз.

Тала Ефремова

Наш Дальний Восток

Дальний Восток — это прекрасный суровый край. Не даром фашисты хотят его захватить. Но это им никогда не удастся. Я была на Дальнем Востоке. Там глубокие озера и непроходимые леса. Но люди в тайге знают каждый кустик. Они стреляют очень метко. Я видела, как старик-охотник с одного выстрела убил высоко летевшую птицу. Маленькие ребята бьют без промаха.

Пусть японцы не пробуют напасть на нас. Они узнают, как любит народ свою родину и как он ее защищает. Троцкисты продавали японцам наше Приморье, но они забыли: не они, подлые и трусливые люди, решают судьбу нашей страны. Советский народ и на Дальнем Востоке, и на Украине, и во всей стране сам строит свою жизнь.

«Амур мой широкий,

Байкал мой глубокий —

Наш Дальний Советский Восток!» — поется в песне.

И никогда, ни за что не видеть фашистам нашего Дальнего Востока!

Галя Шергова

Черемыш, брат героя

Лев Кассиль

Рис. Б. Винокурова

В классе новенький!

В новичке не было ничего примечательного. Мальчик, как мальчик. Невзрачный такой. Лобастый и накоротко стриженный. Но с виду не тихий. Смотрит напрямик, ровно, без отвода глаз. Уставится, так не переглядишь, сам сморгнешь.

Пришел он в школу вместе с детдомовскими. Однако одет в свое. Гимнастерка на военный лад. Но заметно, что пошита на другого. Рукава заворочены. Воротник вокруг шеи, как обруч на палке. На воротнике голубые полоски.

— Под летчика вырядился!.. Нацепил петлички! — фыркнул толстый пучеглазый Федя Плинтусов, которого в классе звали просто — Плинтус.

На партах хихикнули. Новенький внимательно посмотрел на толстяка и вдруг смешно надул щеки. Плинтус моргнул, зацоупел и разинул рот. Но тотчас, поперхнувшись, закрыл его.

— Скушал на здоровье, — сказал новичок, усаживаясь на заднюю парту, где было свободное место рядом с молчаливым Колей Званцевым — тоже из детского дома.

Тихенький Званцев почему-то сразу заважничал и поглядывал теперь на класс так, будто узнал что-то очень интересное... Звонок уже был. Но в классе еще не угмонились. Крик и возня. Ребята делали вид, что им дела нет до новичка. На него будто и внимания не обратили. Но всем хотелось показать себя новенькому с лучшей стороны. Поэтому девочки бегали вокруг парт, старательно визжа. А мальчики, схватившись у доски, тузили друг друга с преувеличенным рвением. Упрямый новичок должен был видеть, что попал в класс отчаянный.

Но тут в двери, с прискоком, сам себя нахлестывая ремнем, влетел высокий чернявый мальчик. Между носом и оттопыренной верхней губой у него были зажаты две гусиные кисточки для красок. Они торчали как усы. Чернявый воображал себя Чапаевым. Он и плечи даже держал так, словно за ними распласталась на скаку бурка.

— По коням! — закричал Чернявый.

И все кинулись за парты: Вошла учительница. Волосы у нее были седые и тяжелили голову большим узлом на затылке, но сама она двигалась легко, и походка у

нее была девичья. Класс вскочил ладно и вдруг. По тому, с каким удовольствием и треском выполнен был закон встречи, можно было догадаться, что учительница строга, но любима.

— Доброе утро, ребята! — сказала учительница таким молодым голосом, что новичок вскинул на нее удивленные глаза.

— Здравствуйте, Евдокия Власьевна! — хором закричал класс. — А в классе новенький...

— Знаю, знаю. Садитесь! — Она стояла, опершись ладонями о край своего стола и закинув голову (словно волосы оттягивали ее назад), оглядывала класс. — Садитесь, садитесь, — повторила она.

Все опустились на места. Но когда Евдокия Власьевна стала спрашивать новенького, чтобы занести в журнал и новичок поднялся на задней парте и назвал себя, весь класс всколыхнулся.

— Черемыш, — негромко, но внятно произнес новичок. — Черемыш Геннадий, — отчетливо повторил он.

И за исключением детдомовских, которые теперь торжественно оглядывали класс, все разом обернулись к задней крайней парте. Черемыш?!

— У, какая у тебя фамилия знаменитая, — сказала Евдокия Власьевна, — не родственник тому? — она показала пальцем на потолок.

— Это мой брат, — ответил мальчик, потупившись, и так зарумянился, что даже стриженная макушка его порозовела сквозь колочий белесоватый стержень волос.

— Вот как?! В самом деле! Родной брат! Это хорошо! Это хорошо! Таким братом гордиться можно. И не только тебе, всем нам. Ну, ребята, надо будет подтянуться. А то, если наш Черемыш так же быстро и высоко заберется в науках, как его знатный брат — в небе, так вам за ним не угнаться. Ну, а теперь довольно шуметь. Тишина! Плинтусов, сядь! Где твоё место? Как это ты успел на задней парте очутиться? Это что за новоселье?

Багровощекий увалень оказался застигнутым во время перебежки. Плинтусу не терпелось расспросить новичка о его прославленном брате, и он решил незаметно подсесть к Черемышу.

— Я теперь тут навсегда буду сидеть, Евдокия Власьевна! — закричал Плинтус.

— Почему же вас там трое на парте?

— Потому что, Евдокия Власьевна... новенький, вот, Евдокия Власьевна, место занял... А я еще на той неделе сюда собирав-

ся переселить, Евдокия Власьевна... Ничего, нам, Евдокия Власьевна, втроем не тесно, мы как-нибудь.

— Марш, марш восвояси! — сказала Евдокия Власьевна, хлопая рукой по столу. — Живо отсаживайся. Плинтусов, это я тебе говорю. Что ты Званцева выселяешь с его законного места? Это ты там лишний.

Плинтус с неохотой покинул парту Черемыша и Званцева и, переваливаясь, побрел восвояси.

— Скопление мятежников рассеяно, — громким шопотом возвестил чернявый, тот, что изображал Чапаева, — вынужденная посадка! — заметил он, когда Плинтус зло плюхнулся на свою парту. По партам побежали смешки.

— Лукашин! — вмешалась Евдокия Власьевна. — Может быть, мы обойдемся без твоих примечаний?

Затихло. Но через минуту Званцев получил записку от настойчивого Плинтуса: «Колька! Давай меняться впересядку. Ты на мое место, а я на то. Тебе же выгода. У вас парта со скрипом: как урок, так двинуться нельзя. А с моего места даже пожарную каланчу напротив видно. Жду ответа. Ф. П.»

Но Званцев, обычно такой сговорчивый, на этот раз только язык показал...

— Ладно, ладно, — погрозил ему Плинтус. — припомнишь, как...

Но тут его вызвала Евдокия Власьевна. Сопя и багровея, поплелся он к карте.

Черемыш тем временем поглядывал в окно. Тихий городок лежал за стеклами. Белесоватое, северное небо. Свежие бревенчатые срубы. Кирпичное здание с флагом и портретами вождей на фронтоне. Райсовет. Высокие ели — прямо на улице растут. Везли лес. Бревна, мачтовые сосны, огромные рыжие стволы, ползали на разъятых дрогах: от передка, где сидел, правя, возчик, до задних колес — чуть не верста!..

Город, видно, был невелик. Лес смотрел уже из-за ближних домов.

От окна новичка отвлек солнечный зайц. Заяц вспрыгнул на парту, скользнул по гимнастерке, соскочил на стену. Потом радужное пятнышко мазнуло Черемыша по макушке, и все увидели, как в стриженных ершистых волосах забегали на мгновение оранжевые, красные, зеленые, фиолетовые искорки. Сзади тихо засмеялись. Новичок оглянулся и зажмурился: зайчик, слепя, задел его глаз, вильнул, заметался, совсем погас. Но поздно, уже попался! Черемыш, уколотый лучом в глаз, заметил зеркальце

в руках маленькой ученицы. Она быстро отвернулась, насмешливо сморщив нос и перевернув озорными, колючими плечиками. Это она донимала новичка... Солидная же соседка, староста класса, осуждающе качала головой.

Вообще нелегко было в этот урок сохранить порядок в классе. Все украдкой то и дело поглядывали на новичка. Шутка ли сказать: родной брат Климентия Черемыша! Кто бы мог подумать, такой с виду неказистый, а брат...

И когда Евдокия Власьева вызвала неадекватного Плинтуса к доске, а тот заблудился в сибирских реках, беспомощно водя пальцем по одной из толстых синих прожилок на карте, новичок поднял руку.

— Ин-ди-гир-ка, — отчеканил новичок.

— Правильно, Черемыш, — улыбнулась Евдокия Власьева, — твоему брату она верно хорошо известна, как раз на трассе была...

И все посмотрели на карту. Карта была потрепанная, старая, со следами потайного карандаша, слабо начертанного наименования «немых» городов и рек, с отставшей кое-где от полотна запузырившейся и лопнувшей бумагой, которая образовала горы и возвышенности там, где значилась равнина.

Все посмотрели на эту, десятки раз виденную, уже заученную карту и словно впервые разглядели ее. Стали видны бесконечные глухие дали тайги, километры, километры, километры просторов и нескончаемые льды, и ветры, и расстояния...

И надо всем этим провел в небе свой самолет Климентий Черемыш, знаменитый советский летчик.

Все посмотрели на карту и ужаснулись, как велика была земля, как труден был подвиг... И это совершил брат вон того стриженного мальчика, что сидит теперь на задней парте рядом с Колькой Званцевым. Тоже Черемыш, только Геннадий, Гешка. И с виду совсем обыкновенный мальчик.

Брат того самого...

— Вы знаете, — сказала Евдокия Власьева, — входя после урока в учительскую. — Новичок-то у нас в пятом «Б», ну, знаете, из детского дома, Черемыш. Так, оказывается, брат того самого Черемыша — летчика.

Даже учителя все заинтересовались новичком. Они как бы невзначай проходили мимо Гешки и приглядывались.

— Только, пожалуйста, не выделяйте, не выпячивайте его, сделайте одолжение, — твердил директор Кирилл Степанович. — Хуже нет этого, тем более, что он парень, видно, еще не испорченный, скромница, и это очень хорошо.

— Удивляюсь немножко, — говорила Евдокия Власьева, — все-таки брат такого знатного человека и живет почему-то в детском доме. Неужели старший брат не может его при себе, в Москве, держать?

Тут директор заявил, что отношения Гешки с его знатым братом — дело частное. Мальчик — сирота. Переведен в местный детский дом из города В. В прежней школе поведение и успехи его были отменные, а вмешиваться в личную жизнь героев директор не намерен.

Весть о том, что в пятом классе «Б» будет теперь учиться родной брат летчика Черемыша, быстро обошла всю школу. У дверей пятого класса «Б» вертелись, юлили мошкаркой пронирыливые первокурсники. Сметая их на ходу, делая равнодушные лица, в класс заглядывали солидные парни из девятых и десятых классов. Всем хотелось поглядеть на брата героя.

— Это ты того Черемыша брат? — спрашивали сотый раз Гешку.

— Вот ловко, брат!.. А!..

— Ты вон кто, оказывается... А мы сразу не догадались.

Толстый Плинтус не знал, как заглядеть свою утреннюю шутку насчет голубых петличек. Теперь всем было понятно, откуда у новичка гимнастерка пилота.

— Это здорово, что ты к нам поступил, — бубнил Плинтус, — у нас ребята один к одному... елка к елке, лес строевой.

Староста класса Аня Баратова сама подошла к новичку.

— А вы сами тоже летали когда-нибудь? — спросила Аня.

— Приходилось, — ответил Черемыш. — На «П-5».

— Эх, вот бы мне полетать хоть крошечку! — воскликнула маленькая Рита — та, что задирала Гешку зайчиком от зеркала.

— О, — передразнил ее лупоглазый Плинтус, — а сама бы скорее вниз запро-силась.

— И ничего подобного бы, — не запросилась! Это спервоначалу только наверху страшно кажется...

— Лихачество на небольшой высоте может привести к тому, что вашим друзьям придется отнести цветы на вашу могилу, — сказал Гешка.

Он выпалил это без единой запинки, как заведенный. Даже не передохнул ни разу. Аня — староста — с уважением глядела на него. Где ей было догадаться, что Гешка жарит наизусть из книжки «Ваши крылья»? Там эта фраза была напечатана курсивом.

У Плинтуса только глаза еще больше выпучились. Он был подавлен злобещей ученостью новичка.

— А Плинтуса даже самолет не поднимет, — сказала Аня.

Аня Баратова была рослая девочка. Правда, она была лишь на полголовы выше Гешки, но ему показалось, что Аня смотрит на него свысока. Однако он не ответил глаза. Его заинтересовала анина прическа — баранчиком, как назвал Гешка про себя. Косы у Ани были свернуты по бокам головы в виде наушников. Прическа эта показалась Гешке ужасно смешной. Найдя у старосты класса эту слабую сторону, Гешка успокоился и почувствовал снова свое превосходство. Его все обступили и спрашивали о брате. Аня тоже поинтересовалась, почему он не живет в Москве, у Климентия.

— На то есть почему, только долго объяснять, — сказал, замаявшись, Гешка, и все увидели, что Гешка что-то скрывает. — С квартирой у него еще не налажено. Это раз. Дома он почти не бывает, летает все... Да и так, вообще... Но он мне часто письма пишет.

И Гешка вынул из сумки надорванный конверт с письмом. На конверте был московский штемпель, и внизу ребята прочитали обратный адрес: «Москва, Авиагородок. Кл. Черемыш».

Все хотели непременно потрогать драгоценный конверт. Восхищались почерком.

— Красиво пишет, с толстым нажимом, — оценил Плинтус. — А про чего он пишет? Прочти...

Все возмутились, замахали на него руками.

— Вот дурной Плинтус!.. Плинтус — свинтус!.. — сказала Аня.

Но Гешка, видя и цена эту деликатность новых товарищей, сам вынул из конверта письмо и, загнув листок, показал конец его:

«Прости, что я тебе редко пишу, Геша: сейчас работаем ночи напролет. Сдаем новое правительственное задание. С комнатой обещают мне в скором времени наладить. Этот год еще поживи так, а потом пора и снять тебя с государственного кош-

та. Ну, учись хорошенько. Будь здоров, браток. Кл. Черемыш».

— Счастливы! — говорили ребята и с завистью поглядывали на мальчика, стараясь отыскать в нем печать славного родства.

Военлет Черемыш

Не было в классе, не было в школе, не было во всем городе Северянске, да и во всей стране не было человека, который бы не знал, кто такой Климентий Черемыш. Военный летчик, майор Черемыш, Герой Советского Союза, прославился еще на Дальнем Востоке. Тогда Красная Армия дала немногословный, но грозный и поучительный урок японским наймитам, манчжурам и бандитам, пытавшимся перейти наши границы.

Оглушительным ударом ответила на дерзость врага Особая Дальневосточная Красная Армия. Среди отличившихся в этой операции был и молодой военлет Климентий Черемыш.

Его привезли в Москву. Он был ранен. Знаменитый хирург вынул у него из груди пулю. А потом в ослепительный, незабываемый и торжественный кремлевский вечер на зажившей груди у Черемыша появился первый орден. Года три Климентий был летчиком-испытателем. Он водил в небо на первый воздушный экзамен новые боевые машины. Затем стало известно, что он награжден вторым орденом «за особые заслуги в деле укрепления оборонной мощи страны и образцовое выполнение особого правительственного задания». Так было написано в газете.

Вскоре имя его прогремело по всей стране в сверхрекордном, сверхдальнем арктическом перелете. Он получил звание Героя Советского Союза, стал одним из самых лучших летчиков Красного Воздушного Флота, одним из самых знатных людей в стране.

Вся страна повторяла короткие и веселые радиogramмы Климентия с борта самолета: «Мотор как часы. Летим как по-пианному. Прочее соответственно».

«Прочее соответственно»... Так кончалась все сообщения с самолета. Эти два слова обозначали, что люди крепки, настроение отличное, приборы точны — все обстоит как нельзя лучше.

Он был неутомим. Он брался за самые трудные, самые ответственные задания. Он, если требовалось, летел в самые глухие и далекие углы страны, вывозил заболевших

зимовщиков с островов, с кораблей, зажатых льдами. Ставил рекорды скорости. Он работал весело и быстро. Отмахивался от назойливой славы, но радовался, когда слышал, с какой гордостью и любовью произносилось его имя на народе. А в дни больших народных праздников его бешено ревущий, почти неуглядимый самолет первым врывается в праздничное небо над Красной площадью. Забравшись на огромную высоту, красный курузный самолетик, похожий на оперенный бочонок, стремглав свергался вниз, куралесил, кувыркался и снова шестиметровым швыркком по отвесу возносился вверх. Воздух вокруг был полон гремящего воя. Мотор с дискантового минора переходил на басовый мажор. А на земле люди, задирая кверху головы и ежась, дивились неистовому искусству высшего пилотажа, великим мастером которого был Климентий Черемыш.

Вот какой брат был у Гешки.

Класс и его родственники

Все завидовали ему. Мальчики вообще любят хвастаться своими старшими братьями. И каждый хотел иметь чем-нибудь примечательного старшего брата. Это была поголовная мечта.

— Вот у меня брат, — слышалось то и дело в классе. — У меня брательник, знаешь, он на заводе самый первый. Его к Октябрю велосипедом премировали.

И даже толстый Плинтус, старший брат которого был замечателен лишь тем, что превосходил по объему младшего, похвалялся:

— Это что! Вот у меня брат, так он может три батона, две халы и кило ситного зараз с'есть!

Другие рассказывали, что у них братья — инженеры, врачи, пограничники. У Коли Званцева брат был художник. У Ани Баратовой старшая сестра — химичка в Ленинграде. Но все это, конечно, не уменьшало славы Гешки Черемыша, старший брат которого был прославлен на весь мир. Тут уж и спорить было нечего... Просто, вот так уж, повезло парню из пятого класса «Б» в третьей северянской средней школе-десятилетке.

Пятый класс «Б» гордился Гешкой. Действительно, не в каждом классе учится брат такого героя. Для всей страны был летчик-майор Климентий Черемыш, а для гешкиных одноклассников — «Черемыша из нашего класса брат... Гешкин брат...»

И когда почтальон Валенюк проходил

утром мимо школы, ребята выбегали навстречу ему и кричали:

— А Черемышу нет?

— Есть заказное спешное, — неизменно отвечал почтальон, — только еще чернила не просохли. В Москве лежит — сохнет.

Но изредка действительно оказывалось письмо из Москвы. Ребята вносили в класс, вырывая друг у друга из рук конверт, в обратном адресе которого значилось: «Кл. Черемыш».

Гешка никогда не читал письма в классе. Он уносил к себе, в детский дом, и там, в укромном уголке за печкой, прочитывал.

— Ну, что пишет? — интересовались на другой день ребята. — Никуда не летит?

Но Гешка отмалчивался. Так каждое письмо окутывалось некоей тайной. И вообще ребята чувствовали, что в отношениях между Гешкой и его знатым братом есть какая-то натяжка, какой-то секрет, который Гешка ни за что никому не выдавал. Впрочем, он охотно рисовал для ребят цветными карандашами портреты своего брата. У него была богатейшая коллекция фотографий знаменитого летчика. Он аккуратно вырезал их из журналов.

У Климентия на портретах был просторный лоб и широко поставленные глаза. От этого меж бровей, над переносицей, выпирал выпуклый треугольник и глаза смотрели упрямо, широким и зорким оглядом. Климентий Черемыш, коренастый и смуглый, улыбался на фото, выглядывая из люка самолета, приветствовал кого-то, разговаривал с Ворошиловым, и на одной картинке даже сам Сталин его обнимал! И слава брата была так неотделима от Гешки, что даже Евдокия Власьевна говорила иногда на уроках:

— Черемыш, Черемыш, сиди как следуе! Ай-ай-ай... Стыдно! А еще брат героя. Не подобае тебе...

Иногда это становилось даже скучным. Хочешь, не хочешь, а надо хорошо заниматься. Неловко, если брат героя и вдруг будет отстающим. Нельзя было участвовать во многих проделках ребят. Неудобно. Скажут: брат такого героя, а хулиган. Фамилию позоришь... Ничего не поделаешь, раз уж вышел из такой геройской семьи, так «прочее соответственно» должно быть, изволь и сам соответствовать высокому родству!

Вольные хоккеисты

Но Гешка Черемыш завоевал уважение товарищей в школе не только своей фа-

милей. Одной фамилией ничего бы он не добился. Первые дни, правда, все ахали. А потом понемножку привыкли. Брат—так брат. Что уж тут такого?! Но едва открылся в городе каток, слава Гешки снова заремела по классам. На коньках «негурочка» он обогнал самого Лукашина. А Лукашин слыл чемпионом школы от первого класса «А» до шестого «Б». И бежал он на настоящих норвежских коньках.

К тому же Гешка оказался добрым хоккеистом. А в городе Северянске, близком к морозным краям нашей страны, зима была ранняя и долгая и все очень уважали хоккей. Летучая и искристая игра, она переносит на лед дикие повадки и летний азарт футбола! На скользком полупрозрачном поле борьба за маленький пробковый мяч, полная высверков стали, в вихре льдистой пыли, стука клюшек, пожалуй, еще жарче, еще бесшабашнее чем в футболе.

И вот Гешка Черемыш оказался замечательным хоккеистом. Он играл нападающим на правом краю и обладал редким умением бить с ходу точно по воротам. Никто не умел так внезапно, на бегу отставив одну ногу в сторону, резвух лезвием лед, с полного разгона застопорить на месте, завертевшись, приседая, словно штопором ввинчиваясь в лед, мгновенно взять обратный разбег.

Кроме того Гешка уснащал разговоры на катке множеством летных выражений.

— «Клюшку на себя!» — командовал Гешка. — «Веди мяч по курсу!» — распоряжался он. — «Заходи на удар. Сажай на три точки... Есть! В притирочку!»

Это нравилось хоккеистам. Игра приобрела боевую значительность. Гешку на катке оценили.

Зима в Северянске наступала рано, и в то время как в Москве еще доигрывались на взмокшей траве стадионов осенние матчи в футбол, в Северянске, на подмерзших прудах и лужах, уже появились вольные, здоровые и дикие хоккеисты, гоняя по льду все, что попадалось под клюшку, будь то старая калоша или смерзшаяся навозная лепеха.

Старшеклассники играли в юношеских командах города.

Но в школе были две свои «вольные» хоккейные команды. В первой капитаном стал вскоре Геша Черемыш, во второй... Вторая команда была «девчачья», как ее называли в школе. Организовала ее Аня Баратова. Аню Баратову дразили в школе мальчишницей, потому что она одинаково

во хорошо и просто водилась как с девочками, так и с мальчишками. И ни Гешке, ни Плинтусу, ни тихонькому Коле Званцеву, ни воинственному задире Лукашину никогда не приходило в голову подразнить Аню, как других девчонок. Она была своя. С ней было интересно.

Команда Ани Баратовой была сколочена еще за год до поступления Гешки в школу. Девочки сперва шли неохотно, стеснялись, говорили, что хоккей — это мальчишья игра. Но успехи школьной команды сделали школьников героями катка. А зимами каток был центральным местом в городе. Каток устраивали на реке, огораживая флажками, вежами, а со стороны берега — легким временным палисадом участок замерзшего русла. И Аня Баратова добилась своего. Девочки, которые и прежде отлично катались на коньках, раздобыли теперь кустарные клюшки и вскоре стали такими же азартными игроками, как и мальчики.

Еще в прошлом году команда Ани Баратовой вышла на первое место среди девочек Северянска. Но все же мальчики относились к хоккеисткам пренебрежительно, считая, что «девчачий хоккей — это не игра, а один писк».

Испытание

Однажды радио, а потом газеты принесли из Москвы вест, что Герой Советского Союза летчик-майор Климентий Черемыш один отправился в новый, неслыханный беспосадочный перелет Севастополь — Чукотка. Наискось, через всю страну — из угла в угол, — на одноместном скоростном самолете. Сквозь осенние ливни юга, napрoлом, сквозь туманные заморозки туманной средней полосы и метели таежной зимы. Когда в школе узнали об этом, Климентий Черемыш летел уже над предгорьями Урала.

На большой классной карте красной нитью, приколотой булавками, обозначали маршрут перелета. Вдоль нее передвигали флажок. Вечером пришло известие, что Черемыш летит над тайгой.

Потом связ с летчиком оборвался. Флажок на карте остался неподвижным...

Утром Гешка пришел в класс осунувшийся и молчаливый. Ребята боялись взглянуть на него. Климентий Черемыш исчез в бездонных даях Восточной Сибири.

— Ты только, Геша, не волнуйся прежде всего, — говорила Аня. — Я вот почему то уверена...

— Конечно, мало ли что... — начал толстый Плинтус. — Может быть, знаешь че-

то?.. Может, вдруг атмосфера не пропускает там радио. А потом пропустит — и мы узнаем.

— Атмосфера, атмосфера! — сказал Гешка. — В голове у тебя, видно, атмосфера.

Начались уроки. Но учителя и ребята то и дело поглядывали на крайнюю заднюю парту, где сидел, опустив голову, Гешка Черемыш, брат летчика, сгнувшего бесследно в безлюдной студеной глухомани севера.

Учителя не вызывали в этот день Гешку. Перед письменной по математике сам директор справился, как он себя чувствует, не освободить ли его от работы. Но Гешка упрямо заявил, что хочет решить задачу, и верно — решил ее одним из первых. А перед четвертым уроком, когда уже был звонок и в классе все расселись по местам, появилась вдруг не по расписанию Евдокия Власьевна. Помолодев от волнения, придерживая падающую прическу, стремительно подошла она к парте, где сидел Гешка. И на парту упала ее шпилька.

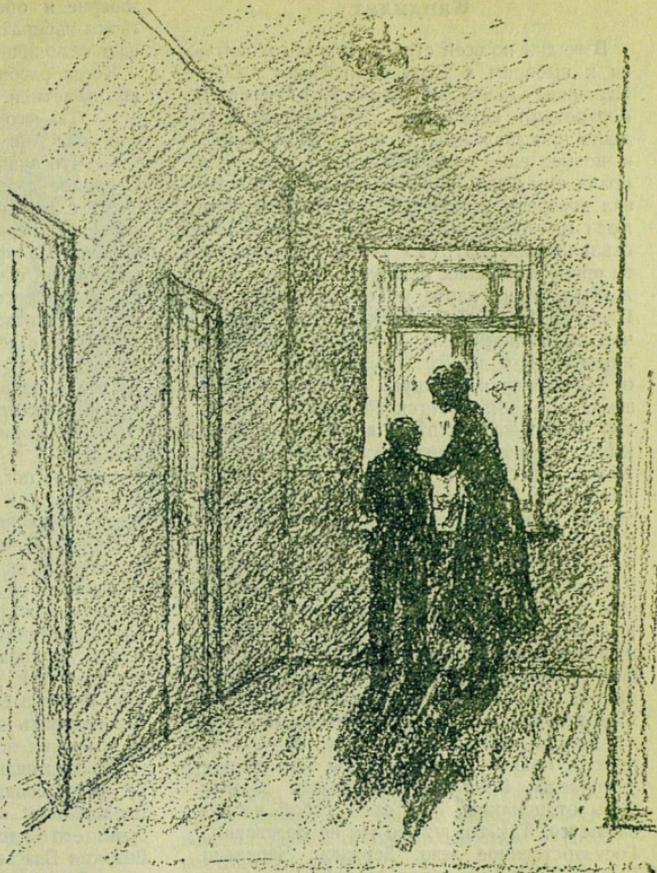
— Ну, Черемыш, поздравляю! Брат благополучно сел на Чукотке. У него было повреждение радиостанции. Теперь с ним связались. Все в порядке. Новый рекорд.

— Что! Я ведь говорила! — закричала Аня и повисла на шее Евдокии Власьевны.

— А я — нет? — забасил Плинтус. — Я говорил, сквозь атмосферу не слышно...

И все зааплодировали в классе, все кричали «ура» и стали хлопать друг друга по спине, а Плинтус, надув свои румяные щеки, бил по ним как по барабану. Евдокия Власьевна смеялась со всеми и затянула на затылке рассыпавшийся узел волос.

А Гешка вдруг схватился руками за щеки и выбежал из класса в коридор.

— Ну, успокойся, Черемыш, — сказала Евдокия Власьевна. — Чего уж сейчас-то...

Евдокия Власьевна нашла его через несколько минут в углу коридора, у окна. Он облокотился на подоконник и стоял, приплюснув нос к холодному стеклу.

— Ну, успокойся, Черемыш, — сказала Евдокия Власьевна. — Чего уж сейчас-то...

И положила руку на его стриженую макушку:

— Ведь все уже прошло, все уже в порядке, и «прочее соответственно», как говорят летчики, так чего же ты?

В те дни по всей стране начали готовиться к выборам в Верховный Совет СССР. Страницы газет заполнились именами и портретами кандидатов. Здесь были уже давно прославленные, большие люди страны и новые, еще малоизвестные, но в своих краях они были знамениты, и народ призывал доверить им славу и власть. Это были люди из артезианских глубин народа, как сказал о них поэт. Раз утром Аня Баратова принесла в класс районную газету и разложила ее на парте у Гешки. И толстый Плинтус басовито и торжественно прочел, что колхозники села Холодаева выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета от Северянского округа своего знатного земляка, Героя Советского Союза Климентия Черемыша. И с этого дня на предвыборных собраниях и митингах в городе Северянске не стихали овации в честь героя. Северяны единодушно призывали отдать звание своего представителя в Верховном Совете отважному летчику.

— Ну, — говорил теперь Гешке директор Кирилл Степанович, озабоченный и спешащий на свой участок, — смори, брат героя, не подкачай теперь. Я председатель избирательной комиссии. В члены правительства братца выбирать будем. Чувствуешь, почет какой. Так ты, Черемыш, уже не подведи. Как хочешь, а должен теперь на круглых «отлично» идти, иначе нельзя, не мыслю, просто, иначе... А то всю ты мне работу подорвешь. Брат героя-кандидата должен быть отличником. Это само собой напрашивается. Так-то, ничего уж не поделаешь. Государственное дело. Держись, Черемыш Геннадий, держись, брат героя!

А ребята тревожились, как бы вдруг другой какой-нибудь округ не перехватил героя. И приставали к Гешке, чтобы он написал брату письмо в Москву и упрояс его, пусть дает согласие баллотироваться от Северянского округа — хороший город.

— Напиши, Геша... Главное, что три кино есть, лесопилка электрическая, тротуар диабазовый. В городе летом фонтан выше крыши брызгает. По плану 124 процента выполнено. И по хоккею, не забудь, первое место во всем крае.

Гешка обещал непременно написать об этом. И вскоре стало известно, что Климентий Черемыш дал свое согласие баллотироваться в Северянском округе. А в письме своем, напечатанном в районной газете, герой-летчик благодарил за высокую честь и

доверие и обещал гражданам Северянска, своим избирателям, что через месяц он придет самолично в Северянск.

Когда сообщили об этом Гешке Черемышу, заметили, что он как бы встревожился.

— Ты что же, Геша, не рад разве? — спросила Аня Баратова.

— Что значит не рад? — сказал Гешка. — Странное дело, очень рад.

Но с этого дня стали примечать в нем странную перемену. Он сделался неряшлив, рассеян. На уроках он смотрел в окна, думал, видно, о чем-то другом, отвечал не попадая на вопросы преподавателя. Он стал теперь уединяться от товарищей, нагрубил ни с того ни с сего Ане Баратовой, просил не соваться в его дела, когда Аня как староста хотела узнать, что с ним происходит. Потом он поссорился с Плинтусом и едва не подрался с ним на катке из-за ключа от коньков.

— Я не погляжу, что ты там брат, а как дам, вот, так живо у меня об лед загремишь! — напирал на него Плинтус.

Верный Коля Званцев еле разнял их. Гешка даже и на хоккейные тренировки стал опаздывать и, едва раздавался последний свисток вожакого - физкультурника, Гешка тотчас отвинчивал коньки и, прихватив клюшку, уходил с катка. В классе он получил уже три «посредственно» и два «плохо». И когда Евдокия Власьевна попыталась переговорить с ним по душам, он надерзил ей и просил оставить его в покое.

Он стал вялым, ничто его как будто уже не интересовало: ни школа, ни каток, ни предстоящий приезд брата. Чтобы как-нибудь его растормошить и подзагорить, Евдокия Власьевна придумала вот что.

— Слушайте, девочки, что у нас такое с Черемышом творится, — в толк не возьму? — говорила в этот день учительница Ане и ее товаркам. — А ну-ка примитесь за него...

— С ним просто невозможно, Евдокия Власьевна...

— А вы попробуйте, я бы на вашем месте, знаете что сделала?..

Ане давно уже хотелось проучить непризнающих ее хоккеистов. И зная, как Гешка гордится успехами своей команды, она, по совету Евдокии Власьевны, вызвала мальчиков на матч. Мальчики сперва подняли ее насмех:

— Вы! Писклявая команда... Соображаете, на кого замахнулись?

— Бойтесь, значит, — сказала Аня спокойно.

Плнтус бросил на лед, под ноги хоккеисток, дохлую курицу.

— Было бы чего бояться! — закричали хоккеисты.

— Пять минут визг, и команда вдрызг — кто куда! — захохотал Плнтус.

— А это мы еще посмотрим, кто запищит, — не унималась Аня, — трусите просто.

— При чем тут «трусите»? — взъерепенились хоккеисты. — Просто возиться с вами никакой охоты нет. Вас чуть тронешь клюшкой, так вы жаловаться Евдокии Власьевне бежите.

Но Евдокия Власьевна, которая была в заговоре с девочками, добилась у директора разрешения устроить товарищеский матч, с условием, что играть будут не более получаса, с перерывом и капитан Гешка Черемыш даст слово, что мальчики играть будут вежливо. Пришлось вызов принять.

Вызов принят

Расчет Ани Баратовой оказался верным. Гешка был так озадачен этой неслыханной дерзостью, что обиды поглотила его целиком. Он стал походить снова на прежнего

Гешку. Вызов Ани Баратовой раззадорил его: «Думает, я уж вовсе конченный. Ладно, ладно...»

— Надо будет постараться... Всыпать им штук пятнадцать с пылу, с жару, горячих! — говорил Гешка своим хоккеистам. — Кладу две минуты на гол.

И команда его усиленно готовилась к матчу. Девочки тоже неумоимо тренировались. Они собирались на маленьком прудке в городском саду, недалеко от кино. Возвращаясь с реки, мальчики нарочно заворачивали в городской сад и, подойдя к пруду, дразнили Аню Баратову и ее подруг. А Плнтус раздобыл раз на свалке, под берегом, дохлую курицу и бросил ее на лед, под ноги хоккеисток, крича:

— Вам разве мячом играть? Вам дохлую курицу гонять надо, а вместо клюшек — веники. Ходите, принесу?

— Проходите, проходите! — кричала Аня. — Нечего вам тут подсматривать, как мы тренируемся.

— Увидим, из кого еще перья полетят, как из дохлой курицы! — звонким, утиным

голоском поддерживала ее маленькая вертлявая голкиперша Рита.

И девочки очень обидно визжали от хохота. А Плинтус затыкал уши пальцами и жмурился.

За два дня до матча стало известно, что завтра прибывает Климентий Черемыш. Городок приукрасила, чтобы встретить с честью своего избранника. На каждом углу Гешка видел огромные портреты своего брата. Брат в упор и лукаво смотрел на него сверху. Портреты парусили на ветру, и герой на полотнищах то кризил губы, то подмигивал братишке. В эти дни Гешка стал опять угрюмым и неразговорчивым. Он избегал товарищей, а на катке, когда болливый Плинтус начинал вспоминать: «Вот здорово, Гешка, значит, послезавтра брат увидишь опять!..», — Гешка обрывал его:

— А ну, ребята, давай без посторонних разговоров, тренироваться так тренироваться. А то девчата возьмут да и... Знаешь, как в книге написано: вода мягка, пока вы сильно об нее не ударитесь...

В школе он совсем отбил от рук. Домашние задания не готовил. На уроках не слушал, огорчая до слез Евдокию Власевну. И в довершение всего нагрубил директору, когда тот отчитал Гешку за плохое поведение. Директор Кирилл Степанович пригрозил, что напишет письмо гешкину брату Климентию Черемышу. Пусть герой знает, какой брат у него растет.

— Ну и пускай знает! — не сдавался Гешка.

Директор вспылил и действительно написал такое письмо, заклеил его в конверт и отдал Гешке.

— Вот, сам вручишь. А мне с тобой толковать, видно, нечего, — сказал директор.

Он был очень добрый и честный, но вспыльчивый человек, а Гешка его сильно рассердил. И кроме того Кирилл Степанович был очень в эти дни заверчен работой на избирательном участке, голова и без того едва не лопалась от забот. И он не дозревал, что произойдет с письмом.

В школе тоже готовились к встрече героя. Решено было, что после уроков школьники вместе с гражданами Северянска пойдут к вокзалу. Поезд приходил в пять часов вечера.

Но в этот день Гешка исчез.

Он ушел рано утром из детского дома, захватив книжки, коньки и клюшку. Товарищам он сказал, что выходит пораньше, чтобы успеть зайти к Ане Баратовой и

взять краски. Он обещал написать большую афишу о предстоящем матче. Но в школу он не явился. Не пришел он и ко второму уроку. Евдокия Власевна несколько раз справлялась у дежурного по классу о Гешке. Она была очень встревожена. Директор ей сказал, что он вчера дал Гешке письмо для брата и тот, видно, испугался предстоящей встречи.

Евдокия Власевна всплеснула руками:

— Ну как это можно, ведь он так боготворит брата! Ах, Кирилл Степанович, ей-богу, как это вы так? Ну вот видите, что получилось теперь. Надо же учитывать: у мальчика было очень тяжелое детство. Он уже из одного детдома бегал. Ну вот теперь расхлебывайте. Брат придет, спросит, — что мы скажем?..

В детдоме тоже все было переполошено исчезновением Гешки. Но о письме там никто не знал.

Встреча

Героя встретили шумно и празднично. Вокзал был украшен флагами, еловыми ветками. «Привет нашему кандидату!» — было написано на длинном красном полотнище, которым хлопал морозный ветер. «Да здравствует Климентий Черемыш, доблестный сын социалистической родины и ее Красной Армии!» Школьники подбегали к краю перрона и заглядывали в даль. Транзитный ветер дул мимо станции, вдоль путей. Внизу, на рельсах, попрыгивали воробьи.

Потом из-за водокачки показался поезд. Шумно отфыркивался заиндевший паровоз. Воробьи вспорхнули, уступив ему место. Паровоз торжественно протрубил и не успел замолкнуть, как его вступление подхватил оркестр. На перроне стало тесно. Все закричало «ура» и захлопало. Школьники подпрыгивали, как воробьи, чтобы через головы разглядеть героя, и первыми заметили его, мелькнувшего за зеркальными стеклами:

— Вон он, вон он!

И герой вышел из дверей вагона веселый, белозубый, коренастый. Одной рукой, в меховой перчатке, взялся за медные поручни, матовые от мороза. Другую он держал под козырек. Ребята первым делом разглядели майорские нашивки на рукавах шинели. Их только огорчало, что герой не прилетел на самолете, а приехал, как все, поездом, словно обыкновенный пассажир... Лицо героя тоже сперва показалось слишком маленьким. На портретах оно было огром-

ное. И орденов на летчике не было. Они, видно, были под шинелью, на гимнастерке...

— Похож как на нашего Гешку! — сказал Плинтус, карабкаясь на фонарный столб, чтобы лучше разглядеть героя.

— Чем похож? — спрашивали ребята снизу.

— Ну, так вообще, сходство имеет, — отвечал сверху Плинтус, — ну вот нос например.

— Совсем как у Гешки: посередке лица! — смеялись ребята.

Кто-то дернул Плинтуса за ногу, и он свалился со столба на снег.

— А Гешки самого нет и нет, — вздохнул Званцев.

Люди подымались на легкую, дощатую трибуну. Начались речи. Герой прикладывал руку к козырьку и с доброй смущенной улыбкой слушал слова приветствий и восторга. Ане Баратовой поручено было сказать приветственное слово от школьников Северянска. Она поднялась на трибуну, не чуя под собой ног, и чуть не споткнулась на ступеньке. Пар от дыхания поднимался со всех сторон. Сквозь него Аня видела раскрасневшиеся лица. Толстый Плинтус вдали одобрительно подмигивал ей.

— Дорогой товарищ Черемыш, — начала она, — мы, школьники Северянска, и все пионеры, и вообще все ребята очень рады, что такой, как вы, являетесь герой...

Она говорила и чувствовала, что заглядывает слова, и морозный воздух жег ей горло. Она говорила и боялась, что летчик остановит ее и спросит:

— Ну хорошо, а где же мой брат Гешка?

Но летчик ничего не спросил, не перебил Аню. Он выслушал ее речь до конца, сам попросил слова. И когда все, наконец, угомонились, он густым негромким голосом, слегка нагирая на «о», сказал:

— Вот что, товарищи земляки! Я ведь тут недалеко, в Холодаеве родился. Вы, товарищи, напрасно уж так меня восхваляете. Тут все дело не во мне, я же не сам по себе живу. Кому я обязан всем, товарищи? Партия я обязан. Это прежде всего. Коммунистической партии, Сталину. И нашей Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Вот кто меня воспитал и создал. Понятно?

Тайна раскрывается

Когда Аня вернулась домой, она, как всегда, заглянула в почтовый ящик на дверях: нет ли чего. Писем она ни от кого не получила. Но отцу присылали журнал из Мо-

сковы. На этот раз в ящике оказался маленький конверт, склеенный из обертки от тетради. Он был адресован ей, Ане Баратовой. Она узнала почерк Гешки: круглые большие буквы с толстым нажимом, как у брата:

«Аня, добрый день. Прошу, пожалуйста, тебя придти сегодня вечером, в 8 часов, в горсад за каток, где летом музыка сидит. Есть очень важное скорое дело. Никому не говори. Я буду ждать. Не думай что-нибудь такое, я без глупистики. Но тебе я доверяю. Г. Ч.»

«Что еще такое, что это за тайны такие?» — рассердилась Аня или, вернее, подумала, что она очень сердита. А на самом деле обрадовалась, что Гешка нашелся. И, может быть, наконец, она узнает, почему Гешка так изменился за последнее время. Вероятно, тут есть что-нибудь. Она отпросилась из дому. Ей пришлось сказать, что она идет по делу в школу.

Было морозно. Месяц скользил между облаками, серебряный, острый, словно конек. Зернистый блеск роился в воздухе. И даже в черных тенях на снегу что-то искрилось как антрацит. В городском саду, занесенном снегом, было пустынно и жутко. С сухих веток опалили длинные, ломающиеся в воздухе бархотки инея. Елки качали обремененные снегом ветви. Казалось, многолапые белые медведи встали вокруг надыбы. Далеко с речки, с катка, доносилась музыка, а здесь, в аллее, никого не было и стояла та особая, ватная, глушащая тишина, которая бывает зимой в лесу.

— Баратова! — услышала Аня и обернулась, вздрогнув. — Это я.

— Ну что еще за новости, куда ты делясь? — накинулась она на Гешку. — Там все в детдоме и в школе с ума походили, ищут тебя. Что это еще за тайны такие? Просто глупость.

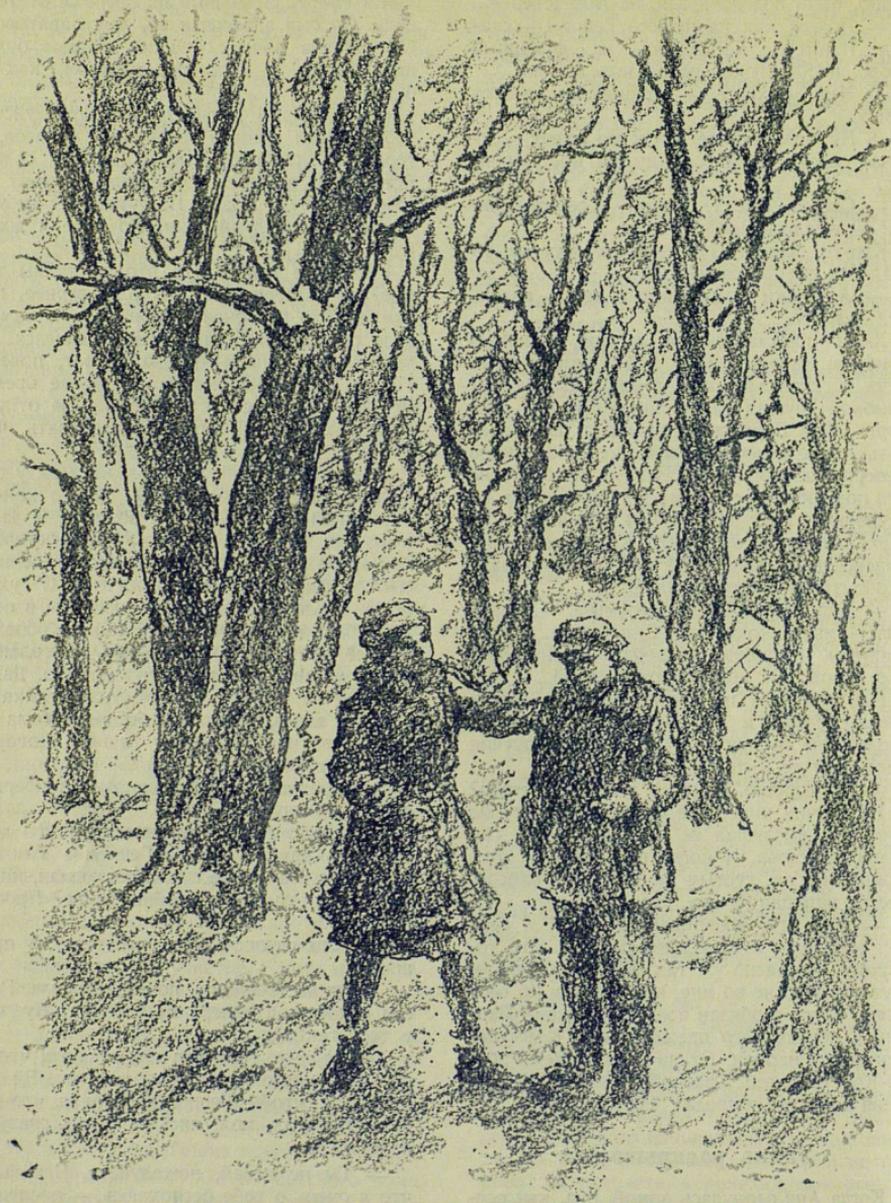
— Если глупость, так чего же ты пришла?

— Уж не твое дело, почему пришла. Развел секреты, а теперь мерзни тут. Ну что у тебя такое?

Аня нарочно говорила так сердито, чтобы скрыть неловкость и любопытство. Ей не хотелось, чтобы Гешка вообразил что-нибудь. Написал, мол, письмо, а она сразу и прибежала.

— Ты не думай, пожалуйста, Черемыш, что я очень о тебе беспокоюсь, — поспешила добавить она. — Я просто так, как староста, то уж обязана...

— И я тебе так, как старосте. Только ты

— Слушай, Геша, — заявила Аня, — по-моему, надо пойти сейчас в гостиницу, прямо к товарищу Черемышу, и все ему рассказать.

не смеяся, — сказал тихо Гешка. — Ты знаешь, Баратова, только, чур, никому... У меня такой номер, что я и сам не знаю. Дашь слово?

— Ну даю.

— Нет, ты смеяться будешь, я знаю.

— Ничего смешного пока нет.

— Ну ладно! — он вздохнул. — Вот, Баратова... Я ведь вовсе не брат ему.

— Кому не брат?

— Ну ясно, кому — Черемышу Климентию.

— Как не брат?! — ахнула Аня. — А кто же?

— Ну, просто одна фамилия. Я тоже из того села Холодаева. У нас там посела — и все Черемыши. Даже улицы есть Малая Черемышская, Большая Черемышская, Средняя. Мы с ним, понимаешь, только по фамилии тезки, а никакой я ему вовсе не брат. Я его и не видал сроду. Ну, просто, понимаешь, я это себе выдумал. Ясно — смешно... Такое воображение сделал. Наши все померли давно, а я один остался. Вот я себе и выдумал сам. Как дурак... Прочел в газетах, что есть такой летчик... Черемыш. А я и подумал: вот бы был у меня в жизни такой брат... Я знаю... Тебе смешно, наверно?..

Но Аня не смеялась.

— А письма как же? — ужаснулась она. — Письма тоже сам?..

— Письма, это правда... Это мне сестра из Москвы присылает. Ей тоже фамилия Черемыш. Клавдия. Сестра.

Галка села на дерево, тряхнула ветку, и на них посыпался сверху иней. Аня вздрогнула.

— Как же это, Гешка?.. И бессовестный же ты все-таки... Надо ведь так наврать... Фу!..

Аня слушала Гешку и с трудом уясняла себе, что произошло. Как это можно изо дня в день, из году в год играть в такую странную и трудную игру!

Мечта о старшем брате!.. Она возникла в Гешке давно, когда он был еще беспризорником, когда в газете, в списке награжденных летчиков, он нашел человека с такой же фамилией, как у него самого. В самые черные дни гешкиной жизни светил ему образ славного, бесстрашного человека. Ведь есть такие замечательные люди на свете, и разве виноват Гешка, что он не состоит в кровном родстве с ним? Но названный гешкиным воображением брат становился все знатнее и знатнее. Гешка не предполагал, что Климентий Черемыш так быстро пойдет

в гору и что из отважного военлета Красной Армии он станет прославленным героем всего Советского Союза. А теперь вот...

— Как же теперь быть? — растерялась Аня.

— Я и сам не знаю, — сказал Гешка, — мне еще Кирилл Степанович записку ему велел передать о моей неуспеваемости и насчет недисциплины. Вот я попал, Аня... Я лучше, Аня, уеду куда-нибудь, все равно мне уже тут нельзя... Ребята засмеют на всю жизнь. Ни пройти, ни проехать...

— Слушай, Геша, — заявила Аня. — Чепуха это все. Куда ты уедешь?! Опять беспризорничать будешь, что ли? Просто стыдно это слушать. Видно, тебя геройское твое это братство ровно ничему не научило. Вот и все, если ты так говоришь. А по-моему, надо пойти сейчас в гостиницу, прямо к товарищу Черемышу, и все ему рассказать, как есть. Я почему-то уверена, что он не рассердится.

— Ну, а дальше что будет?

— Там уж видно, что будет, — сказала Аня. — Или лучше вот что, погоди. Давай, сперва я пойду, подготовлю, а потом уже ты пойдешь тоже, ну и все объяснишь в подробности.

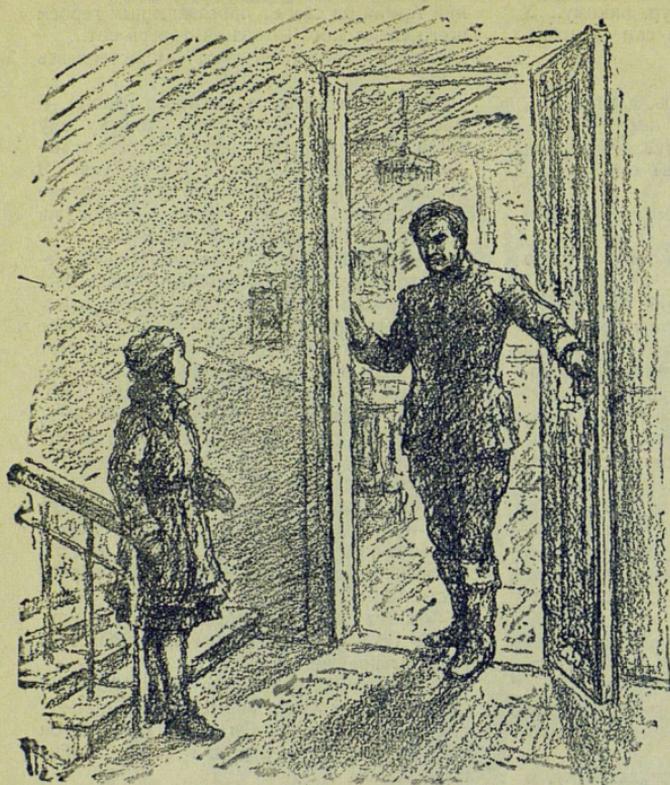
— Сама ему все расскажешь?! — изумился Гешка, с уважением вглядываясь в решительное лицо девочки.

— Вот так, сама пойду и скажу. А чего?! Он меня знает. Я его видела и даже приветствовала на вокзале. Он такой веселый, он поймет. Ты меня подожди здесь, я быстренько...

Свои и посторонние

— Да, пожалуйста, войдите! — сказал Климентий Черемыш, услышав осторожный стук в дверь. — Милости прошу.

Климентий Черемыш уже привык к тому, что его никогда нигде не оставляют в покое. Стоило ему лишь в Ленинграде, Воронеже, Одессе, Тбилиси, Владивостоке, Минске, Архангельске внести свой чемодан в номера отеля, как сейчас же начинал звонить телефон, раздавались разные тонкие и толстые стуки в дверь. Незнакомые люди, почтительно робея, звонили, входили, приглашали к себе на завод, в школу, в институт, в учреждения, просили автографов, советов, читали стихи, расспрашивали и торговались. Климентий привык к этой шумихе и относился к ней с добродушной иронией и с терпеливой мягкостью, уделяя время каждому.

— Пожалуйста, пожалуйста! — приветствовал Черемыш.

— Милости прошу, — повторил летчик, но никто не вошел. — Там открыто! — крикнул Климентий.

У дверей поцарапались, но опять никто не явился. Посетитель, видимо, не мог справиться с ручкой двери. Черемыш встал с дивана и пошел открывать. За дверью оказалась пионерка в меховой шапочке, из-под которой словно наушники с обоих боков вылезали свернутые кошельком косы.

— Пожалуйста, пожалуйста, — приветствовал ее Черемыш, — где это я вас видел? А, вспомнил, вспомнил! Это вы меня на вокзале приветствовали, как же, как же, старые знакомые, здорово говорили. Ну присаживайтесь, что скажете?

Затрезвонил телефон на столе.

— Да, — сказал в трубку летчик, — я Черемыш. Ну, ваяйте, только поскорее, а

то мне надо ехать на заседание горсовета — выступить.

И он взглянул на часы-браслет, надетые, как у всех летчиков, циферблатом во внутреннюю сторону руки, над ладонью (чтоб можно было видеть часы, не снимая руки со штурвала управления).

А у Ани тем временем исчезла вся ее храбрость. Удивительное дело: еще пять минут назад все казалось таким легким! Прийти и сказать: товарищ Черемыш, у нас в школе один мальчик играл в то, что вы его брат. А он вовсе не брат. Вот он теперь мучается и боится вам сказать...

Но теперь, когда Аня осталась с глазу на глаз с этим знакомым всей стране человеком, который, поглядывая орденами, мягко ступал по ковру высокими белыми бурками, — вернутыми у колен, — теперь она вдруг растеряла все слова. Ну как тут сказать, а вдруг он рассердится и скажет: «Что вы мне всякими глупостями голову морочите! Я приехал по государственному делу, а тут какой-то хулиган-мальчишка в игрушки играет, в братья мне навязывается».

— Ну, как вас величать? — спросил летчик.

— Баратова Аня.

— Ну, что скажете, Баратова Аня?

Аня набрала в грудь побольше воздуха, проглотила волнение и решила:

— Видите, у нас, то есть... у вас есть брат, у нас...

— Это что такое: у нас, у вас? — засмеялся Климентий.

В дверь постучали.

Пришел какой-то молодой изобретатель и долго и утомительно рассказывал о своем изобретении, которое должно облагодетельствовать авиацию. Черемыш внимательно выслушал его и посоветовал изобретателю сперва как следует поучиться, а потом уже

начать изобретать. Приехали молодые железнодорожники, просто так, чтобы позвать руку летчику и сказать, что они на земле тоже постареют. После их ухода Аня увидела, что теперь сказать — самое подходящее время. Но едва она раскрыла рот, как опять раздался стук и пришел старенький доктор, собиратель автографов и изречений великих людей. Он без усталы сипал именами философов, ученых, приводил их высказывания по всякому поводу.

— Ламартин говорил, что конь — пьедестал героя. А в наше время пьедестал героя — аэроплан! — восклицал доктор. Он попросил автограф.

Когда чудак-доктор ушел, Аня уже имела в голове совершенно готовое начало длинного и толкового объяснения насчет Гешки. Она все продумала. Но едва она начала, как дверь раскрылась и сопя вошел толстый Плинтус. «Вот еще не хватало»... Плинтус тоже никак не ожидал встретить здесь Аню. Он комкал в руках тетрадку. Стихи были в тетради. Плинтус писал втихомолку стихи. Последнее стихотворение он посвятил герою-летчику. Он увидел Аню, и толстые щеки его стали еще краснее обычного.

— Пожалуйста, пожалуйста, — сказал летчик. — Вы не знакомы?

— 3-3-знакомы, — вытянул из себя Плинтус.

— Присаживайтесь. Это у вас что за тетрадочка?

Плинтус ни за что не мог бы прочесть стихи при Ане Баратовой. Но и Аня не могла сказать при нем то, ради чего она пришла. Они сердито смотрели друг на друга.

— Это так... задачки тут, — забормотал Плинтус.

— А ну, интересно, — сказал летчик, взяв у него тетрадь, — я любитель задачки решать... Пойдите-ка... Тут не то... Стихи какие-то.

Плинтус пылал.

— Это... это... наверное, по русскому языку тетрадка. Не ту захватил...

— А чьи же это тут стихи такие? — допытывался летчик.

— Там, кажется, Лермонтова, — вздохнул Плинтус.

— Ну, вряд ли Лермонтов мог про авиацию сочинять. А как, по-вашему?

Внизу, у под'езда, загудел автомобиль.

— Ну, — сказал летчик, — извините, ребята, мне надо двигаться. Вы мне ничего не хотите сказать?

— Товарищ Черемыш, — провозгласила

торжественным голосом как на трибуне Аня Баратова, — товарищ Черемыш, мы приглашаем вас завтра на хоккейный матч, начало в три часа дня. Приходите обязательно. Мы наших мальчишек вызвали. Вот их.

И она мотнула головой в сторону Плинтуса. Плинтус глупо улыбался.

На исадах

Замерзший Гешка топтался на пустой аллее в городском саду. Недалеко, у входа в сад, в кинотеатре начался сеанс, и рупор, выставленный на улицу, послал в морозную темноту слова, звучавшие в тот момент с экрана. В кино шла картина «Наши герои». До Гешки доносились обрывки маршей, взвывающий рокот моторов. Он слышал слова стартера:

«Стартует машина Героя Советского Союза Климения Черемыша...»

В эту минуту Аня тронула его за плечо.

— Ну?! — спросил Гешка, весь подавшись к Ане, схватив ее за руку. — Ну, что он сказал?

— Ничего он не сказал, — вздохнула Аня. — Я не могла... Все народ был. Ты не сердись, Гешка... Я, знаешь, ступевалась как-то, да тут еще Плинтус, дурак, подвернулся. Явился толстый, сопит, в руках тетрадь какая-то. Как же я при нем?

— Эх, ты... а говорила: скажу, скажу. Раз, два и все улажу... Прощай! — и он, повернувшись, быстро зашагал по аллее.

— Гешка! — крикнула Аня с последней надеждой. — А как же матч завтра? Мы же твоих мальчишек без тебя завтра так наколотим. Неужели команду бросишь? Я никому не скажу, Гешка!

Но Гешка не отвечал и через минуту скрылся в темноте.

«Да, история вышла скверная, — думал Гешка, бродя по занесенным улицам Северянска. — Очень паршиво получилось. Явиться на матч завтра — это значит признаться во всем. Значит, нельзя. А не прийти — тоже позор. Хорош капитан, бросивший свою команду в день такого матча! Да и девчонки не так уж плохо играют. Такие здоровенные тети — навернут по первое число. Ведь это просто срам на всю жизнь. Вот положение. И так и так плохо...»

Он спустился к реке. Там, на катке, играла музыка. Фонари освещали подметенный лед. В середине катка, по гладкому льду, неслись по кругу катающиеся. Тени сбегали с круга. Казалось, что весь каток вращается, мерно отвечивая, шуриша под сталью коньков, кружится как огромная,

пушечная на полный завод граммофонная пластинка.

Гешка спустился к исадам, где были пристани и рыбные садки. Здесь жил старый рыбак-баканщик, знакомый Гешки. Зимой баканщик был караульщиком при катке, и Гешка с ним давно сдружился. Он пробрался между опрокинутыми, примерзшими к берегу лодками, заржавевшими якорями, лапы которых вросли в лед, и постучался в сторожку рыбных исад. Сторожка стояла на наклонном плоту. Осенью была убель воды, и плот остался стоять на крутой прибрежной отмели. В сторожке все стояло боком, косо, привалившись на одну сторону. Посуда съезжала со стола. Табурет новорил уткнуться в угол. Но сторож-бобиль привык к этому. Так и жил всю зиму скобочившись.

— Здравствуй, дедушка, я у тебя переночую, можно? — сказал Гешка деду. — Только ты, гляди, ребятам не говори. У меня завтра одно дело есть на катке, ведь мы завтра играем.

Дед лукаво погрозил Гешке согнутым пальцем:

— Чего это ты удумал? Гляди!

Погли чайку из жестяного чайника, поговорили о морозе — ничего, бывает лютей. Гешка отогрелся у печурки и прикурнул было на покатом топчане, но сразу сполз по наклону в угол.

— Слушай, дедушка, — спросил он вдруг, — а ты б хотел, чтоб у тебя брат жил?

— А на кой он мне? — караульщик отмахнулся. — Что толку-то, брат? Я за своего-то старшего и в рекруты ходил. А он мои сапоги новые пропил в 1910 году. Брат. А делиться стали — он себе все позабирал.. от братьев только разор был да свара... Ну, ты спи. А я пошел с колотушкой. Выходить время.

Он наделвал тулуп, крихтел:

— Эх, жизнь караульная... Летом огни на речке ставь. Зима подойдет — ходи, знай, мерзни, ночь на минутки отстукивай.

Матч

Играла музыка, и в светлом морозном небе припушенные инеем вились праздничные флаги. Весь берег был занят зрителями. Школьники и много взрослых граждан пришли посмотреть на матч.

Вдруг затукали варежки, люди зааплодировали, затопали валенками, и Гешка, сидя в своем прикрытии на вышке исад, понял, что на каток приехал почетный гость. Кли-

ментий Черемыш сам был заядлый любитель спорта и убежденный физкультурник. Да и матч был удивительный. Девчата вызвали на борьбу мальчиков-хоккеистов. Как ни был занят в этот день Климентий, все же он поехал на каток.

Утром он успел пробежаться на лыжах — жаль было терять такой чудесный денек, ясный, с добрым и прозрачным морозцем.

— Эх, денек богатый! — радовался Климентий. — Морозец как звон стоит! Что за красота! Охотничий денек, летний. Ах, хорошо в нашем крзю, товарищи!

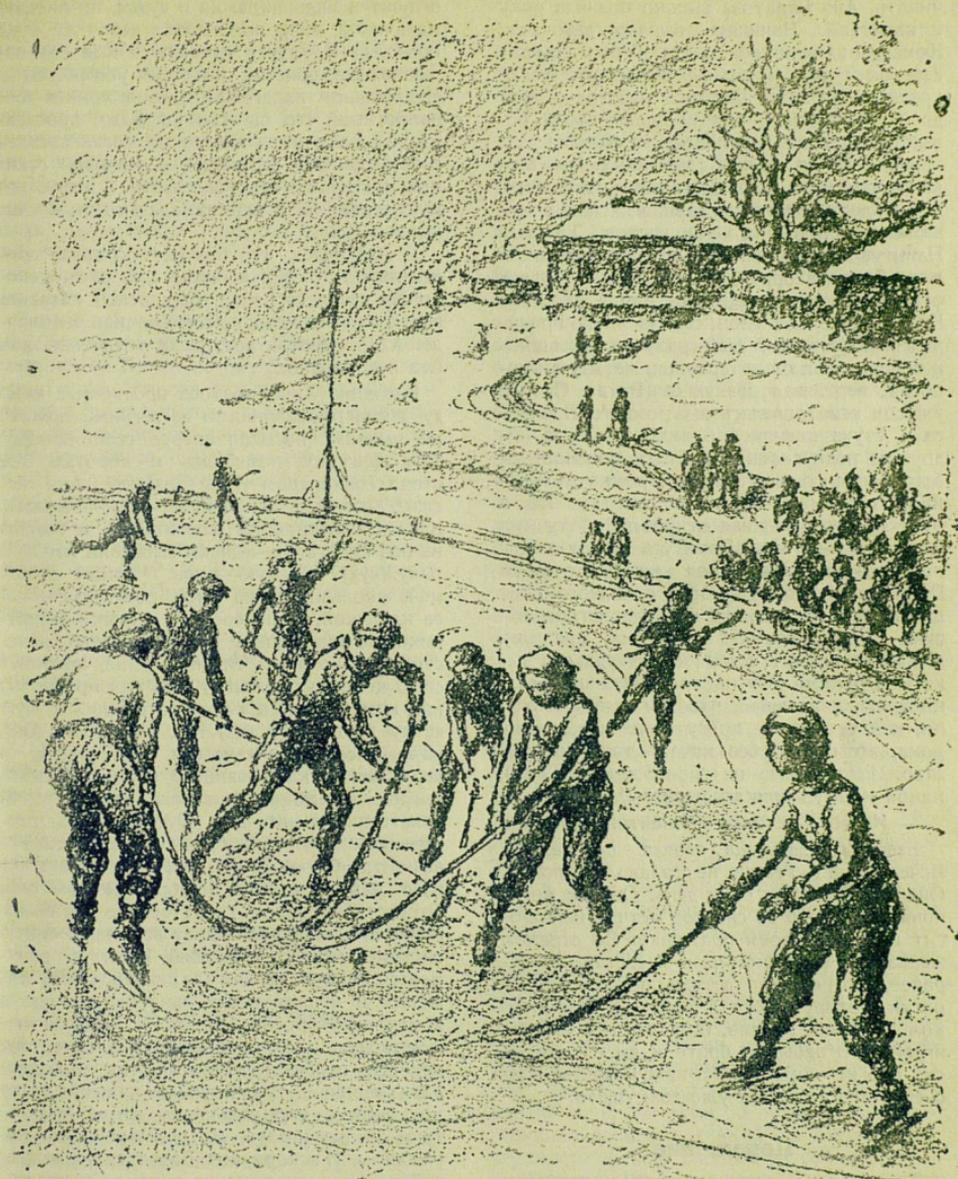
Гешка твердо решил ночью, что утром он покинет город. Но в кособокой сторожке было так тепло. Гешку разморило, и он проспал. А когда услышал музыку и треск хлопающих флагов и шорох коньков на словно запотевшем, матовом льду, он уже не в силах был уйти. Хоть издали да посмотреть на матч... Уйти, уехать и не знать, кто победил. Нет, это было выше его сил. Правда, он знал, что девченок ожидает полный разгром. Но все же ему хотелось самому насладиться зрелищем этого торжества. С вышки исад ему прекрасно был виден весь каток, ледовое поле, отмеченное четырьмя угловыми флагами и невысокими дощатыми бортиками. И Гешка решил, что сперва посмотрит матч, а потом уже уйдет на вокзал, и... прощай Северянск!

Гешка видел: команды двумя яркими летучими вереницами неслись на середину катка. На девочках были клетчатые шаровары, черно-белые чулки и белые свитеры с большим красным ромбом на груди. У мальчиков были тоже полосатые чулки, черные с красным, серые бриджи и красные фуфайки.

Чиркая коньками лед, команды раз'ехались, потом снова стянулись, стали скобками одна против другой. Гешка видел, как вышла вперед Аня Баратова и навстречу ей выехал из рядов его команды толстый Плинтус. Так вот кому поручили быть капитаном вместо Гешки!.. Гешка почувствовал досаду.

«Ну ладно, посмотрим, как они без меня», — подумал Гешка, и в эту минуту ему хотелось, чтобы девочки выиграли.

Плинтус пожал руку Ане Баратовой. Судья под'ехал к ним, высокий, в черных рейтузах и голубой фуфайке. Положил руки им на плечи, и все трое, сблизив головы, о чем-то пошушукались. Так полагаются. Судья и капитаны команд договаривались, что игра будет вестись честно, строго, правдиво и по-товарищески. Потом судья под-

Хоккейный матч начался.

бросил шепочку, на которую предварительно поплевал. Это был жребий — кому начинать. Аня Баратова высоко подняла руку с клюшкой. Начинать выпало девочкам. Команды заняли свои места. Гешка слышал свисток судьи, и тотчас белые свитеры и красные фуфайки ринулись навстречу друг другу, и красный ряд прошел сквозь белый, и красные переплелись с белыми как переплетаются пальцы сложенных рук. Мяч оказался где-то в середине между играющими, и лед завершал, завизжал под коньками стопоривших хоккеистов. Толстый Плинтус побежал вперед, подгоняя клюшкой мяч. Девочки бросились на него, стараясь отвести своими клюшками мяч в сторону. Но Плинтус как слон сквозь чащу прорвался к воротам, где, сразу запахавшись и подпрыгивая от нетерпенья, металась курносовая, вертлявая девчушка Рита. Она с ужасом всматривалась в огромного Плинтуса и, стуча клюшкой о лед, заклинала подруг не подпускать к ней эту опасность — багровошекую, пыхтающую, огромными скачками приближающуюся к воротам. Но в этот миг подоспевшая откуда-то сбоку Аня Баратова настигла Плинтуса и выбила у него из-под самых ног мяч. Огромный Плинтус от неожиданности с полного хода шлепнулся плашмя на лед и, растопырившись как огромная черепаха, сразгону в'ехал на животе в ворота. Оттуда его выкатили руками маленькая визжащая голкиперша, считавшая, что для такой святыни, как ее ворота, присутствие чужого игрока, хотя бы и без мяча, — тоже кошунство. Гешка едва не зааплодировал, видя, какой конфуз приключился с Плинтусом.

— Чисто! — сказал Климентий Черемыш.

Евлокия Власьевна стояла неподалеку. Исчезновение Гешки не давало ей покоя. Она осунулась за один день. Она не могла понять, как это до сих пор летчик не спросит ничего о своем братишке. Со страхом ждала она этой минуты и представляла заранее, что скажет летчик по поводу записки, которую послал директор с мальчиком. А герой, видимо, был сам так увлечен игрой, что забыл о брате и ни словом до сих пор не обмолвился о нем. Евлокию Власьевну это начинало уже возмущать.

Поражение

Тем временем игра разгоралась все жарче и жарче. После неудачного нападения Плинтуса мальчики еще несколько раз пытались атаковать ворота противниц, но бе-

лые свитеры действовали очень дружно. Правда, они слишком громко визжали и оглушали мальчиков. Да и судья, по мнению мальчиков, явно подыгрывал девочкам и не позволял Плинтусу пускать в ход его излюбленные приемы, которые упомянуты в специальном параграфе правил хоккея как запретные. Что бы там ни было, прославленные хоккеисты ничего не могли сделать с этой цепкой, визжащей и сердитой стайкой, которая мигом слеталась к мячу, воинственно клюя его самодельными клюшками.

Гешка видел, что без него команде приходится туго. Он испытал при этом некоторое удовлетворение. Ему стало казаться вдруг, что его недостаточно ценили в команде. А вот теперь все могли убедиться, как без него плохо.

Внезапно Аня Баратова проскочила между двумя противниками и, легкими полетными рывками посылая вперед свою напористую фигурку, помчалась к воротам, где стоял голкипером Коля Званцев. Аня неслась, бежала, скользила, приближалась. Коса с одного бока размоталась и выпала из-под берета. Ее коньки высекали изо льда радужную снежную пыль. Черный комок мяча скользил перед Аней, подталкиваемый ее клюшкой. Наперерез ей мчались защитники, но она успела, развернувшись, нанести удар по мячу. Званцев упал, протянув свою короткую клюшку. Но мяч проскочил над ним и звонко тянулся в проволочную сетку ворот. Это был гол. На берегу хлопала, смеялись и свистели. Не прошло и двух минут, как Званцеву пришлось снова выгребать клюшкой из угла ворот второй залетевший в них мяч. Тут мальчики растерялись. Они никак не ожидали такого афронта. Определенно, девочки играли на этот раз дружнее и напористее чем они. Отсутствие Гешки, таинственное исчезновение его, нарушило сразу всю налаженную систему игры. Неуклюжий Плинтус, разумеется, никак не мог заменить своим тяжелым и медлительным накатом на ворота ястребиный бросок Гешки. И команда почувствовала себя обреченной. К тому же зрители, особенно взрослые, так подбадривали девочек, так хлопали каждой удаче хоккеисток, что мальчикам стало просто-таки тошно играть. Но девочки были неумолимы. И вскоре Аня Баратова вбила третий мяч под улолоканье и хохот зрителей.

— Ай, молодцы, девчата! — кричал он.

Вот это вкалывают, это сажают, чисто! А ну, бойцы, бойцы, подтянитесь, а то ведь это всему нашему мужскому роду просто срам. Честное слово!

Когда ребятам забила второй мяч, Гешка почувствовал внезапно, что настроение у него меняется. Второй гол уже не доставил ему никакого удовольствия. Ему было обидно: неужели его команда так слаба? Ему было противно, что девочки так легко выигрывают. Теперь проходу никому не дадут, задразнят. А Плинтус-то, Плинтус! Вот балда, шурует как кочергой своей клюшкой, а толку никакого.

— Ну куда, куда ведешь?! — чуть не закричал Гешка.

Третий гол, забитый в ворота его команды, совсем уж расстроил Гешку. Такого разгрома он никак не ожидал. Ведь это же сухая! 8 : 0. Что же дальше будет? Он видел, что у мальчиков стали растерянными лица, беспомощными движения. Плинтус куда не годился. Какой из него предводитель?! Команда разваливалась прямо на глазах. Это было совершенно невыносимое и жалкое зрелище. Куда девалась удаль команды? Блеск ее ударов, быстрота бега, ярость натиска? И Гешке стало ужасно жаль команду. Он чувствовал себя виноватым во всем.

«Подлец я, подлец! — подумал он вдруг. — В такой момент своих бросил! — по старой привычке он еще примеривал свои поступки на придуманного брата. — Нет уж, никогда бы не бросил Климентий своих в беде, ни за что в жизни не оставил бы он своих бойцов в такой момент. Не таковский!.. Он бы поддержал товарищей, не думая о себе, чем бы это ему ни грозило. «Менять решение во время вынужденной посадки — равносильно катастрофе», — вспомнил он правило из учебника... — Эх, все равно!..»

Гешка посмотрел на коньки, привернутые к ботинкам. Связанные вместе с клюшкой, они лежали у его ног. А что, если...

Мяч выходит из игры

В тот момент, когда воротам мальчиков неминуемо грозил четвертый гол, зрители увидели, как с вышки исад, бухая коньками по ступенькам, соскочила какая-то фигурка, перепрыгнула через бортик поля и бегом направилась к судье.

— Рефери, я играю! — услышали мальчики и обмерли.

— Гешка, здорово, где ты был, Гешка? Мальчик, заменявший на правом краю

Гешку, беспрекословно отдал ему фуфайку, которую Гешка тут же надел через голову.

— Ребята, — уже прежним капитанским голосом скомандовал Гешка, — пасуй на правый край, хавы закройте Баратову! Игра!

И началось...

Аня Баратова была так поражена неожиданным появлением Гешки, что не сразу смогла придти в себя. Она с удивлением смотрела то на Гешку, то на зрителя, где высилась фигура летчика. Все поглядывали на Климентия: узнал братишку или нет? Но летчик оставался попрежнему просто азартным зрителем. Смущение предводительницы тотчас же передалось команде девочек. А мальчики, воодушевленные присутствием своего капитана, оправились и грянули. И в команде Ани Баратовой началось смятение. Через минуту маленькая голкиперша уже пролила первую слезу на врывающийся чортom в ее ворота мяч. Его самолично забил Гешка. За ним последовал второй мяч, опять посланный капитанской клюшкой. Вскоре, вероятно, влетел бы в ворота и третий. Но тут от неосторожного удара Плинтуса мяч перелетел через бортик поля и по гладкому, прозрачному льду пронесся далеко к баржам, стоявшим на реке.

Игра оборвалась. И игроки завертели на месте все разом, чтобы остановиться. Аня Баратова, перепрыгнув через бортик, погналась за мячом. Мяч вылетел далеко за вешки, которыми были обставлены опасные участки льда. Там, со дна, били родники и во льду образовывались майны. Они были покрыты тонким льдом и незаметны. Но Аня, видимо, забыла про это. Она пронеслась мимо вешек. И вдруг она исчезла, как в люке, легонько всплеснула вода на том месте... Первым добежал до полыньи Званцев, бывший ближе других к этому месту. Но Званцева тут же обогнал Гешка. Сбросив ботинки с коньками, он то ползком, то на четвереньках добрался до края. Аня не кричала. Посиневшая, с удивленными и жалкими глазами, она пыталась удержаться за край льдины, выкарабкаться на нее. Лед обламывался. Она скользила, царапала до крови руки об острые края, беспомощно водила клюшкой по гладкой поверхности. Гешка слышал за собой выкрики бегущих. Но ему некогда было оглянуться.

— Сейчас, сейчас, Аня... я сейчас... погоди! — выкрикивал он.

Гешка протянул Ане свою клюшку.

Он протянул Ане свою клюшку. Она ухватила за нее. Гешка тянул, что есть силы, но Аня барахталась в черной дымящейся воде. Гешка подполз ближе, и вдруг что-то хрипло треснуло под ним. Лед стал наклонно, как пол в сторожке. И жгучий холод залил Гешку с головой.

— Спокойно! Все на месте! — кричал Климентий Черемыш, оказавшийся впереди всех.

Он крепко сжал плечо бросившейся за ним Евдокии Власьевны:

— Вы, виноват, стоп! Давай сюда лыжи. Быстро. Веревки!..*

В руках летчика уже был бортик от хоккейного поля. Он сунул его вперед, и длинная доска, скользя по льду, перекрыла по льду, упершись концом в другой край. Потом летчик лег плашмя на скрещенные лыжи и, действуя руками, словно тюлень лапами, мигом подполз к гибельному месту. Лыжи не давали ему провалиться. Аня Баратова к этому мгновению уже схватила руками за нависшую над польней

доску. Но Гешка, выбываясь из сил, барахтался среди мелких осколков и льдинок. Под его руками они вставляли ребром и погружались в воду. Дотянуться до доски Гешка не мог. Летчик мигом добрался до пролома и вытащил на лед Аню. Ее сейчас же подхватили на руки подбежавшие люди. Но в эту минуту Гешка, уставший от борьбы с быстрым течением, начал слабеть и погружаться. Зеленые шары стали вращаться у него в глазах. Потом огненным курсивом встали слова из учебника: «Перегруженный самолет подобен утопающему, который старается держать голову над водой...» И дальше Гешка забыл все. Держась одной рукой за лежавшую поперек пролома доску, летчик, не задумываясь, прыгнул в ледяную воду и свободной рукой успел схватить за ворот мальчика. Подтянувшись на одной руке, он выволок Гешку из воды на лед. Он тотчас укутал мальчика в шинель, которую сбросил незадолго до этого на лед, стяхнулся и понес мальчика к берегу. Гимнастерка его обмерзла и хрустела как на-

крахмальная, а он отфыркивался, отдувался и успокаивал всех:

— Ничего, ничего. И вообще я привык ежедневно ледяной водой... Однажды у Колгуева почище было... Давайте скорее в машину.

Расправив борта, он заглянул внутрь шинели как в отдушину.

— Ну, как ты там? Ничего? Живой?

— Ничего, живой, — сказал из шинели Гешка.

— Есть ничего! Живой! — воскликнул летчик.

Братишка

Аню отвезли домой, где мать, плача и всплескивая руками, тотчас уложила ее в теплую постель, прикрыла тридевятью одеялами, напоила малиной, обложила грелками.

А Гешку летчик отвез к себе в номер, так как гостиница была недалеко от берега, ближе чем больница.

Когда в номер явился доктор, Гешка уже лежал на кровати, докрасна растертый, одетый в теплое просторное вязаное белье летчика.

— Специально арктическое, — сказал Климентий.

Горячие бутылки жгли Гешке пятки и бок. Кожа на всем теле горела от немилосердных растираний.

— Терпи, терпи! — говорил Климентий.

Летчик, в теплой фланелевой пижаме, хвативший стакан спирта, едва разбавленного водой, побрякивая, шагал по комнате, шлепая огромными мохнатыми туфлями. Доктор велел вылежать денек и ушел.

— Ну как, ничего, обсох? — спрашивал летчик, подходя к кровати.

Гешка блаженно морщил нос. Должно быть, улыбался там, под теплым одеялом, укрытый до самого носа.

— А отыграться все-таки не успел, — поддразнивал его летчик. — 3 : 2 в пользу девчат осталось. Ну, не горюй. В другой раз три забьешь, как окончательно обсохнешь. А сейчас спать.

Летчик задернул шторы. А Гешка опять забеспокоился.

«Вот как скажут ему, как я про него всем врал и братом воображал, так живо меня отсюда и фьюить!.. — мучился Гешка. — Нет, лучше потом сам скажу... Только немножко после».

Вскоре в номер принесли высушенные вещи Гешки и учебники, забытые им у исад. Но Гешка уже спал.

Когда он проснулся наутро, летчик был совершенно одет, при одних и даже в фуражке. Он, видимо, собирался уезжать.

Под окном то громче, то тише урчал прогреваемый мотор автомобиля. Климентий Черемыш сидел за столом, что-то читал, пожимая плечами и сдвигая фуражку на затылок. На живом, выразительном лице его была гримаса веселого недоумения. Он смешно таращил глаза, наддувал щеки. Гешка проснулся с твердым намерением сразу же все рассказать летчику. Он не мог больше скрывать.

«Он меня спас, а я от него секрет держу, да еще про него самого. Узнал бы, так не спасал, наверное...» — думал Гешка.

— А, проснулся, утопленник, шука подледная! — закричал летчик.

Широко шагая, он подошел к постели и стал, упершись руками в бока и покачиваясь с каблук на носок.

— Слушай, друг, это твои тут задачки принесли? Я, брат, ничего не понимаю. Тут вместе с ними письмо какое-то принесли. В задачник вложено. Адресовано мне. Вот видишь: «Герою Советского Союза Климентию Черемышу». Я, значит, взял его, распечатал, а там какая-то ерунда. Вот смотри: «Уважаемый тов. Черемыш. Дирекция третьей северянской средней школы вынуждена обратиться ваше внимание на неуспеваемость и недисциплинированность вашего брата Черемыша Геннадия, ученика шестого класса». Ну и так далее. Ну, так что тут? Я что-то ни бум-бум сообразить не могу. При чем тут я: у меня никакого брата нет и не было.

— Это про меня, — сказал Гешка, хлопая глазами и чувствуя, как начинает ему колотить щеки прилившая к лицу кровь. — Но неуспеваемость за последнее время только. Честное слово, правда...

Он готов был бы еще раз провалиться...

— Погоди, — настаивал летчик, — ну хорошо, ты не успеваешь, а я тут при чем? Написано: «брат».

— Это я брат... — пробормотал Гешка.

— Ты брат? — удивился летчик.

— Ну, как будто брат...

— Чей брат?

— Ваш.

— Мой?..

— Угу...

— Э, ты, верно, простуду все-таки схватил... Жарок у тебя, я вижу. Дай-ка я тебе градусус...

— Да нет же, у меня нормальная! — в отчаянии завопил Гешка. — Это я просто...

Это я играл так... Будто вы и, словом, я...

— Ну, ты да я, да мы с тобой. А дальше?

— Вы не сердчайте только... Я сейчас скажу...

И Гешка, всхлипнув, накрылся с головой одеялом. Летчику пришлось сквозь толстую байку выслушивать гешкину исповедь. Климентий попробовал было пощекотать высунувшуюся пятку. Но грешник ни за что не вылезал на свет.

— Я два года... все про вас... воображал, — слышалось из-под одеяла, — и по занятиям я из-за вас хорошо был... И по авиации тоже старался... Можете спрашивать. Я все отвечу. И девиацию знаю... И триммер... Вы спрашивайте... Ну, что хотите, спросите.

— Чего ж тебя спрашивать?.. Вот пристал. Ну, как вот, скажи, допустим, ты бы машину посадил при боковом ветре? Если, скажем, вынужден сесть или подходы иначе не позволяют...

— Посадка при боковом ветре производится при ветре, дующем справа или слева от направления посадки, — зарпортовал совсем иным голосом Гешка под одеялом. — Сажать при работающем моторе? — деловито спросил он.

— Ладно, бог уж с тобой... сажай с работающим.

— Тогда, значит, надо скользить на крыло туда, откуда ветер... А по-над землей выровняться и газануть как следует, чтоб шибче садиться, чем если как всегда...

— Фу ты, история... — изумился летчик. — Прямо на три точки!.. Откуда это ты?..

Через четверть часа Климентий знал уже все. Сперва он хмурился, потом только головой качал.

— Вылезай, вылезай... Нечего уж теперь скрываться... Ну, — говорил он, расхаживая по комнате, — что же, брат — так брат. «Поцелуй дугу в оглоблю — станешь лошади свояк»... У меня таких братишек в каждом городе по двадцать человек. Честное даю слово! Не все, правда, себя так нахально родственниками заявляют, но тоже, вроде, свояки. У меня даже переписка налажена. Они о своих делах, о школе, а я — о своих. Работающие ребята. Но ты уж того, брат Гешка, немножко лишка перехватил. Ты бы уж в крайнем случае один про себя играл, а то, видишь, и других в дело запутал. Неловко получается. Корысти, верно, тебе никакой. Да. Врать не надо. Врать — это без пяти минут последнее дело.

— А последнее дело какое? — спросил Гешка и высунул нос из-под одеяла.

— Последнее дело, — сказал Климентий Черемыш, садясь на край постели, — последнее дело, Геша, это если не исполнишь свой долг перед народом. Понял?

— Понял, — сказал Гешка.

— То-то...

Летчик легонько потрепал его за нос:

— А у тебя, что же, значит, тоже, как и у меня, однофамильцев хоть пруд пруди, а родни никого?

— Нет, у меня сестра в Москве есть. Только так... — Гешка махнул рукой. — Хоть и старшая сестра, ну неинтересная. Она, знаете, это шьет, в общем.

— Портниха, что ли? — догадался летчик.

— Да вроде. Там эти какие-то спецодежды кроют.

— Ну что ж, тоже хорошее дело, — сказал летчик. — Без штанов, брат, тоже далеко не полетишь. Вот у нас вопрос с костюмами во время перелета был очень серьезный. Знаешь, нам замечательные костюмы сконструировали. Вот именно: сконструировали. Про этот костюм и не скажешь — пошит. В старину говорили — шубу построить. Вот эти-то костюмы действительно построены. Можешь себе представить: гагачий пух, кожа, шолк, тройная прокладка, особая, теплонепроницаемая да еще электрическое подогревание. А ты говоришь — портниха...

Летчик встал, прошелся из угла в угол, потом опять подошел к кровати:

— Ну как же теперь нам все это расхлебать?.. Может быть, так и оставить? Пускай их себе думают, что братья. А? Как по-твоему?

Он наклонил голову и из-под широкого своего лба испытующе посмотрел на Гешку. Гешка молчал.

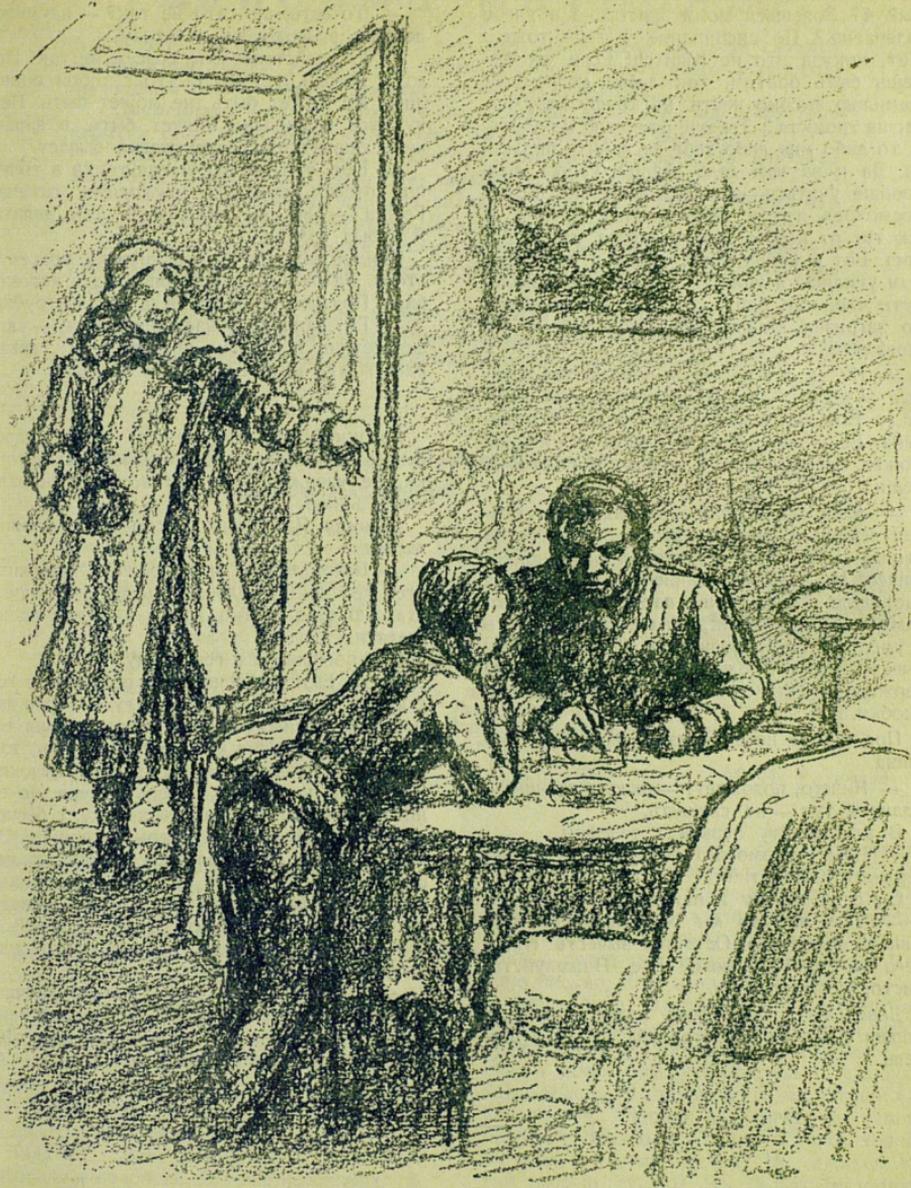
— Ну? Или как? — торопил летчик.

— Н-нет, — выдал из себя Гешка, — это уж не годится. Лучше пускай уж знают! Все равно. А то какой же я вам брат буду... если трусить и врать все?.. Нет уж...

— Это вот хвалю. Это подходяще! — воскликнул Климентий. — За это вот впору и побрататься с тобой. Ладно, я уж в школе сам все это обделаю. Дразнить не будут.

Потом он вдруг сделался строгим, подтащил к кровати тяжелый стул, с грохотом поставил, сел на него верхом и скрестил руки на бархатной спинке:

— Вот что, друг, назвался братом — так уж изволь во всем соблюдать соответствие.

— Тут что-то не то! — кричал летчик, стуча кулаком по столу.

Ну-ка, будет валяться, вставай, одевайся да давай-ка поговорим начистоту. Что же это ты? А? Зовешься моим братом, а в учебе шлепаешь? По дисциплине у тебя тоже... Нет, никуда это не годится! Если уж хочешь быть братом, так давай условимся: фамилию высоко нести, не конфузить. Фамилия громкая... Ты мне фамилию не порть. А то либо мне либо тебе ее менять придется. Да и за чем дело стало? Теперь ведь вообще учиться—одно удовольствие. Вот я посмотрел, тут у тебя задачки. Легкие. Я уж тут от нечего делать взялся, пяток решил. Вот в наше, брат, время в ремесленном училище я учился. Так мастер, бывало, чуть что, как приложит счетной линейкой по заправку дважды два — вот тебе и вся арифметика.

— Ну, да, и у нас есть, попадаются трудные задачки, — возразил осмелевший Гешка. — Вот там в конце одна птичкой отмечена. Ее у нас никто в классе решить не может. Нам задали к уроку, а никто не решил.

— А ну, давай сюда твою заличку, — сказал летчик и, сняв фуражку, бросил ее на стол. — Эта? Так. Условие вполне подходящее. Ну-с, с чего начнем? Угу, понял я вас! Дело ясное, проще пареной репы. Что там у нас? 215,8. Так, четыре пишем, шесть в уме... Очень распрекрасно. Теперь приписываем сюда. Сколько мы с тобой в уме держали?.. Так, отлично. Теперь раскроем скобки.

Под окном нетерпеливо заверещала машина.

— Ничего, подождет! — сказал летчик. — Главное тут — не спешить.

В эту минуту зазвонил телефон.

— Ну, невозможно заниматься! — рассердился Климентий.

Он снял трубку и накрыл ее подушкой.

— Так, на чем мы остановились? Угу. Теперь делим это. Остается вычесть. Ну, и чего же тут трудного? Все. Пожалуйста, чисто, как говорится.

Довольный, Климентий надел фуражку, пошел к вешалке и стал облачаться в шинель.

— А в ответе вовсе не так, — сказал Гешка, заглянув в конец учебника.

— То есть, как это не так? — изумился летчик, возвращаясь к столу.

— Гм, действительно совсем не так. погоди, погоди, тут мы где-то с тобой ошиблись. Не может быть, не может быть. Нет, тут все правильно. Может быть, в задачке опечатка? Теперь часто бывает.

— Нет, у нашего учителя точка в точку по ответу вышло. — неумолимо отвечал Гешка. — Он нам показывал, как делать. Я забыл только.

Климентий, как был в шинели, подсел к столу. За окном нетерпеливо гудел автомобиль. Под подушкой хрипела снятая трубка.

— Гм, запарка у нас получается, — сказал летчик и сбросил шинель. — Ну, давай рассуждать вместе. Что мы имеем?

★

Евдокия Власьевна зашла утром навестить Аню. Заговорили о Гешке, и девочка, не удержавшись, обо всем рассказала учительнице.

Евдокия Власьевна совсем переполошилась:

— Представляю, что должен пережить этот ребенок! — волновалась она. — Не представляю себе прямо, что у них там разиграется...

Она поспешила в гостиницу.

Когда Евдокия Власьевна подошла к гостинице, у подъезда стояли и гудели уже две машины. Коридорный гостиницы сказал ей, что летчик просил его не беспокоить, так как занят очень важным делом. Евдокия Власьевна постучала в дверь номера, но ей никто не ответил. Она потихоньку, с беспокойством приоткрыла дверь и вошла. За окном гудели разноголосно и монотонно машины. Под подушкой, на столе, курлыккала снятая телефонная трубка. Шинель лежала на полу, свалившись со стула. А герой и его самозванный брат, склонившись над столом яростно спорили.

— Тут что-то не то! — кричал летчик, стуча кулаком по столу. — Мы действия верно произвели. Тут не в этом дело. Давай рассуждать сначала.

Письма матерям

В народных песнях поется о том, что нет чувства на свете сильнее материнской любви. И не даром поэты и писатели всех веков и народов посвящали своим матерям замечательные произведения.

Знаменитый русский писатель Салтыков-Щедрин в апреле 1889 года написал свое последнее письмо. Оно было адресовано сыну:

«Милый Костя, так как я каждый день могу умереть, то вот тебе мой завет: люби мать и береги ее; внушай то же и сестре...»

Это была последняя просьба великого писателя к сыну, потому что через несколько дней Салтыкова-Щедрина не стало.

Прочтите замечательные письма Ленина к матери, прочтите, как горячо любили и заботились о своих матерях большие писатели, революционеры, ученые.

Любовь к матери была великим чувством у этих больших людей.

Прочтите их письма и подумайте о том, как вы относитесь к тем, кто вас воспитывает, кормит, заботится о вас, как о самом дорогом на свете.

Владимир Ильич Ленин — Марии Александровне Ульяновой

Мало есть таких замечательных книг на свете, как книжка «Письма Ленина к родным». Нигде так ярко не были выражены горячая любовь и уважение к матери, как в письмах Владимира Ильича к своей матери — Марии Александровне. Правда, не во всех письмах Владимир Ильич мог писать прямо то, что он думал «Очень уж трудно нам вести переписку так, как хочется», — писал Владимир Ильич сестре, так как царская цензура читала письма Ленина. Выдержки из писем Ленина матери мы печатаем здесь. Одно письмо было послано в июне 1912 года из Парижа, после получения Лениным известия об аресте царской полицией сестер Ленина. Владимир Ильич старается успокоить мать и рассеять ее тоску. Надя — это Н. К. Крупская. Другое письмо послано в апреле 1910 года, тоже из Парижа. Маняша и Митя — сестра и брат Владимира Ильича.

М. А. Ульянова.

Дорогая мамочка! На-днях писал тебе по поводу ареста Маняши и Анюты. Хочется поговорить еще. Боюсь, что ты слишком одиноко теперь себя чувствуешь. Я спрашивал в предыдущем письме, есть ли кто из знакомых, навещающих тебя, но ответа на письмо, конечно, не могло еще быть...

Пожалуйста, черкни мне несколько слов, моя дорогая, чтобы знать, здорова ли ты и как себя чувствуешь, — есть ли какие новости; есть ли знакомые у тебя в Сарацове. Может быть, при более частой переписке ты будешь чувствовать себя все же несколько менее тоскливо...

Надя и Ел. Вас. крепко целуют и желают здоровья и бодрости. Я тоже и обнимаю тебя, моя дорогая.

1912 г.

Твой В. Ульянов.

Дорогая мамочка! Надеюсь, ты получишь это письмо к 1-му апреля. Поздравляю тебя с днем ангела и с именинницей — и Маняшу тоже. Крепко, крепко обеих обнимаю.

Письмо твое с новым адресом получил на-днях, — перед тем незадолго получил и Митино письмо. Я не знал, что старая квартира ваша была так далеко от центра. Час езды по трамваям — это беда! У меня здесь полчаса езды по трамваю до библиотеки, — и то я нахожу это утомительным. А ездить каждый день по часу туда, да час обратно — из рук вон. Хорошо, что теперь вы нашли квартиру близко к Управе. Только хорошо ли воздух в этих местах? Не слишком ли там пыльно, душно? За письмо историку большое спасибо; ему уже отвечено.

Насчет нашего свидания в августе было

бы это архичудесно, если бы не утомила тебя дорога. От Москвы до Питера необходимо взять спальный, от Питера до Або тоже. От Або до Стокгольма пароход «Буре» — обставлен отлично, открытым морем идет 2—3 часа, в хорошую погоду езда как по реке. Есть обратные билеты из Питера. Если бы только не утомительность железной

дороги, то в Стокгольме чудесно можно бы провести недельку!

У нас весна. Вытащил уже Надин велосипед. Так и тянет гулять или кататься. Крепко тебя обнимаю, моя дорогая, и желаю здоровья. Маняше — большущий привет.

1910 г.

Твой В. У.

Георгий Димитров — Параскеве Димитровой

Это письмо тов. Димитров написал 10 мая 1933 года из тюрьмы Моабит, в которой его держали немецкие фашисты перед судом. Тов. Димитрову была разрешена переписка только с матерью. Эта старая женщина, уже потевшая трех сыновей-революционеров и не знавшая никакого другого языка, кроме болгарского, как только узнала об аресте четвертого сына, сейчас же поехала в Берлин. Она отважно боролась за освобождение своего сына, разоблачала ложь фашистов Лена — сестра тов. Димитрова. Люба — его жена, которая в это время была смертельно больна.

П. Димитрова.

Мои дорогие мать и сестра!

Ваши письма я получил лишь 5 мая. Денег, к сожалению, еще нет. Особенно порадовало меня письмо нашей любимой мамы. То, что она, несмотря ни на что, так храбра, мужественна и полна надежды, является для меня большим моральным облегчением и огромным утешением.

Я всегда гордился нашей матерью, ее благородным характером, стойкостью и самоотверженной любовью и сейчас еще больше горжусь ею. Желаю ей на долгие годы отличного здоровья и жизнерадостности, мужества и веры в будущее. Я уверен, что мы еще встретимся и будем счастливы.

О моем положении вы могли бы время от времени спрашивать у моего защитника г. Вернера Вилле. Он лучше меня самого знает, что происходит вокруг меня. Было бы необходимо немедленно перевести ему деньги, пока хотя бы 50 марок, как аванс в счет гонорара. К сожалению, я до сих пор не смог дать ему денег.

Само собой разумеется, что я — «подобно апостолу Павлу», как пишет мама, — буду нести свой крест с необходимыми мужеством, терпением и стойкостью. Только не

подвело бы здоровье — все остальное будет хорошо!

Я стараюсь по мере возможности хорошо использовать свое заключение. В настоящее время я занят основательным изучением столь поучительной немецкой истории. К счастью, в тюремной библиотеке имеется несколько книг по этому вопросу. Это изучение много дает мне для правильного понимания международного значения нынешних событий в Германии.

Меня сильно угнетает, что я ничего не могу узнать о положении на моей родине. Болгарских газет я, разумеется, даже не вижу. Германские газеты я читаю время от времени, но в них обычно не бывает информации о Болгарии...

От Лены я еще не получил ответа на мое письмо. Я не знаю также, что случилось с Любой. По сообщению, полученному незадолго до моего ареста, бедняжка при смерти. Вы хорошо знаете, что означала бы для меня эта потеря. Это величайшая потеря и самый большой удар за всю мою жизнь.

Пишите мне, пожалуйста, чаще!

Сердечный привет Стефану, Любе, Борису и детям.

С приветом и поцелуями

Ваш сын и брат Георгий.

Николай Алексеевич Островский — Ольге Иосифовне Островской

О. И. Островская.

26/III—1936 г. Москва.

Милая мама!

Все твои письма мне прочли. Очень рад, что доставил тебе хотя малую радость. Я хочу с тобой серьезно поговорить. Я прошу тебя, моя родная, очень прошу и даже требую, чтобы ты не несла никакой тяжелой работы. Повторяю — никакой тяжелой работы. Я знаю, ты никогда нас не слушаешь в этих делах, ты всегда делаешь по-своему, т. е. продолжаешь с утра до вечера изнурительную, неблагодарную домашнюю работу. Теперь, когда твое здоровье окончательно разрушилось, — так продолжать нельзя. На-днях я вышло тебе телеграфом тысячу рублей, на эти деньги ты должна усилить питание всей семьи, т. е. купить себе все, что тебе нужно. Эти деньги должны пойти только на усиление питания. Найди себе помощницу, ведь при переезде будет много

работы... Выполни мой наказ, мамочка! Мы скоро приедем, уже осталось немного дней. Скоро в новый дом прибудет автомобиль и пианино. Все посылаемые мной ящики с книгами пусть стоят нераспакованными, их будет удобнее перевозить, а когда я приеду, тогда наведем порядок в библиотеке. Самое главное — береги себя. Все остальное ничто по сравнению с твоим здоровьем.

Милая мама, как ты думаешь, не лучше ли тебе поехать в санаторий? Если ты этого хочешь, то телеграфируй мне — я сейчас же организую все это. Подумай и сейчас же сообщи. Все будет сделано так, как ты хочешь. Потом напиши, какие бы ты хотела получить подарки от меня в день приезда. Не будь скромницей и напиши.

Крепко обнимаю тебя, моя славная труженица. Твой Коля.

Вера Николаевна Фигнер — Екатерине Хри- стофоровне Фигнер

Вера Фигнер за участие в революционной работе была в 1883 году приговорена царским судом к суровому заключению в крепость на всю жизнь. Только через 13 лет после приговора В. Фигнер разрешили писать матери и родным — два раза в год. Образ матери поддерживал бодрость заживо похороненной революционерки.

Через 22 года, проведенных в тюрьме, в 1904 году, Вера Фигнер освободили и отправили в Сибирь. Но за год до ее освобождения — в ноябре 1903 года — мать ее умерла...

Е. Х. Фигнер.

1903 г. 25 января.

Бесценная моя мамушечка! Чувала я, что недоброе что-то с вами творится... Со слезами покрываю ваши дорогие старые ручки тысячами поцелуев и спешу ответить поскорее, чтобы теплом дохнуть на них и утешить вас, дорогая моя, многолюбимая. Знаю,

что об отсутствующей вы немало дум передумали, а быть может, всякий раз, когда вам делалось почему-нибудь грустно или не по себе, ваши мысли невольно обращались ко мне, как хронически больному месту. А теперь я так давно уже не писала вам... и хоть убеждала себя все время, что вы не

тревожитесь особенно обо мне, раз знаете, что я жива, но все же мое теперешнее письмо успокоит и, может быть, порадует вас. Говорят, желание жить есть одно из могучих средств поддержать свои силы... Неужели же вы хотите добровольно сложить это оружие и оставить нас навсегда? Вместе с письмом вашим от 18 января мне дали сегодня ваше летнее, от 25 июня, и в нем проглядывает такое тяжелое настроение! Конечно, во всем виновата болезнь ваша, но вы, которая всю жизнь жили для других, живите для нас и теперь и не подавайтесь меланхолии: ведь все мы так любим, так глубоко уважаем вас, и разве не вы составляете действительно живую связь между теми разнородными элементами, которые так странно сочетались в нашей семье? Вместе с вами как будто улетит душа этой семьи. А я так одичала, так отвыкла от людей, что не знаю, как я буду возвращаться

к жизни, как встречу с кем-либо, кроме вас — моей матери, друга, учительницы и великой наставницы во всем добром и вечном...

Дорогая мамочка! Я написала, было, вам письмо побольше, но, чтоб обеспечить скорейшую доставку, уничтожила, потому что, ведь, всего важнее сказать вам, что я вас люблю, ценю... что я вас благодарю бесконечно за помощь и поддержку, которую вы мне постоянно оказывали, и прошу, наконец, простить мне все мои недочеты и прегрешения, которые совершены мною когда-либо на протяжении моей жизни по отношению к вам. В прошлом всегда все бывает яснее, чем в настоящем... и мне бросается в глаза, как мало радостей я вам дала, а иные огорчения могла бы и не принести. Так простите же мне все вольное и невольное и примите мои горячие поцелуи и слезы.

Ваша Вера.

Николай Васильевич Гоголь — Мария Ивановне Гоголь-Яновской

Н. В. Гоголь учился в Нежине, когда он получил известие, что умер отец Гоголь каждый день пишет письма матери, старается утешить ее. Одно из этих писем мы помещаем.

М. И. Гоголь-Яновская.

1825 года, 26-го мая.

Сделайте милость, дражайшая маменька, успокойте меня, хотя одною строчкою; пожалейте обо мне! Вы не знаете, что причиняете мне своим молчанием; вы не знаете, что отравляете каждую минутою мою жизнь. Ежели бы вы меня увидели, вы бы согласились, что я совсем переменялся. Я теперь, можно сказать, совсем не свой: бегаю с места на место, не могу ничем утешиться, ничем заняться; считаю каждую минуту, каждое мгновение; бегаю на почту, спрашиваю, есть ли хоть малейшее известие, но, вместо ответа, получаю н е т! и возвращаюсь с печальным видом в свое ненавистное жилище, которое с тех пор мне опротивело. Вы не знаете, что это несносное н е т наносит мне боязнь неизъяснимую. Печальные мысли наперерыв теснятся в моей голове и не дают мне ни минуты насладиться спокойствием.

Сделайте милость, я вас прошу, молю, за-

кливаю всем, что есть свято, что осталось еще любезным для вашего сердца, закливаю вас именем ваших детей, которые не могут жить без вас: отвечайте мне, не мучьте меня мрачною неизвестностью; пожалейте своего несчастного сына, несчастного оттого, что он теперь находится в самом горестном состоянии. Он не знает об вашей участи. Одна только мысль меня немного подкрепляет, немного утешает горестного: скоро каникулы, и я увижусь с вами; тогда-то я вас утешу. Впрочем, я не знаю, можно ли так печалиться, как вы. Правда, вы должны печалиться, но не так, в какой печали находитесь ныне. Вы знаете, я думаю, и то, что у вас есть еще большая обязанность: есть дети, которых ваша малейшая горечь приводит в отчаяние. Так, дражайшая маменька, утештесь хоть немного, живите для нас, верьте, что вы никогда не будете иметь огорчения. Мы постараемся уладить,

сколько можно, вашу драгоценную для нас жизнь.

Я писал вам письмо через людей г-на Баранова, и не знаю, получили ли вы его. Теперь посудите о моем отчаянии, не получая о сю пору ответа. Между тем приближается время каникул, и не знаю, буду ли я счастлив, или самым несчастнейшим человеком. Никогда еще мне не хотелось так видеть каникулы, как теперь. Я вам говорю, что ежели я вас не увижу, я не знаю тогда, на что решусь. Ежели же не получу ответа на это письмо, то сие молчание будет самый ужасный для меня признак; тогда-то я прибегну к отчаянию, и оно-то даст мне средство, как избавиться от сей мрачной неизвестности. Теперь вы видите, что от одного вашего слова зависит счастье и несчастье вашего сына.

Александр Александрович Блок — Александре Андреевне Кублицкой-Пиотгух

Переписка поэта А. Блока с матерью составляет два толстых тома. Блок делится с матерью всеми своими мыслями, замыслами, рассказывает часто день за днем о своей жизни. Мать Блока была поверенной всей его жизни. Помещаемое письмо написано Блоком в июне 1892 года, когда ему было 1½ лет. Мать его уехала на несколько дней из Шахматова (около Москвы) в Петербург.

Драгоценная, капельная мамочка!

Я тебя страшно люблю и ужасно соскучился о тебе. Пишу это письмо утром. Погода замечательно изменилась. Сегодня с утра идет то маленький, то большой дождик. Я только что умылся. Сегодня уезжает тетя Саша и тетя Наташа, потому и пишу тебе это письмо. Сегодня утром мне как-то замечательно весело несмотря на дурную погоду. Пожалуйста, моя капелька, не беспокойся о моем ухе. Ничего дурного нет и быть не могло. Ты послала просто ужас какое отчаянное письмо. Не бойся, крошка. Писем твоих у меня в кармане накопилось целых три¹. Особенно понравилась мне точные сведения о кисе. Она воображается мне такой прелестной, мягкой, пушистой.

Твое второе письмо о том, что мне есть,

¹ В одном из предыдущих писем А. Блок писал: «Я ношу твоё письмо все время в кармане, в белой тряпочке».

Каникулы у нас начнутся с 20-го июня, следовательно, за мною надо присылать 18-го июня. Между тем я ожидаю от вас с нетерпением, час от часу увеличивающимся, драгоценных для меня строк, которые возвратят жизнь несчастному вашему сыну, которые, как целительный бальзам, прольют отраду в изнывшее сердце.

Не знаю, что делается теперь дома; вы не известили меня ни о сестрицах, ни о чем другом. Я думаю, все переменялось; но мое сердце всегда останется привязанным к священным местам родины, и теперь они еще вдвое драгоценнее для сердца горестного.

Извините, дражайшая маменька, что я теперь пишу и без связи, и без разборчивости: я вам объявляю причину. Всемигунто ожидая ответа, остаюсь...

А. А. Кублицкая-Пиотгух.

было просто пророческое: все то, что там написано, дают мне. Только последнее ты написала, что мне нельзя сырого, а мне дали вчера за завтраком 10 ягод клубники или виктории (уж не знаю чего, потому что был так рад, что и не заметил).

Стекла залиты дождем, ведь ты знаешь, что я теперь живу наверху, в бывшей Катиной комнате.

Мы с братьями делаем наш дом. Феролька каждый день учится и завидую ему ужасно...

Я соскучился о III классе, о тебе, о Францике, и еще о многих вещах, оставшихся в Петербурге; в числе их о «Синдетиконе» и о простом клее.

Сейчас пойду в столовую к бабушке.

Прощай, моя милая крошка.

Поцелуй Францика, я о нем ужас как соскучился. Мама моя дорогая, приезжай, как только можешь скорее.

Твой Сашура.

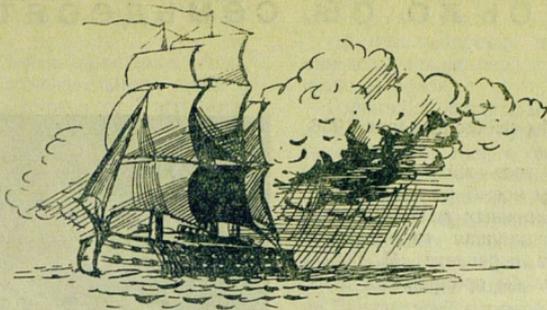
Илья Ильич Мечников — Эмилии Львовне
Мечниковой

Мать знаменитого ученого Ильи Ильича Мечникова была постоянной поверенной всех его намерений и мечтаний. Почти ничего не предпринимал он, не посоветовавшись с матерью, не рассказав ей о своих планах и мечтах. Это показывает и одно из писем Ильи Ильича из Германии.

Гельголанд, 31 июля/12 августа 1864 г.
Милая мама... я думаю остаться на остро-
ве еще целый месяц, по прошествии которо-
го я поеду (желаю поехать) на десять дней
в Гиссен, где будет собрание натуралистов
и врачей со всей Европы. Это собрание
слишком заманчиво, чтобы я не предпринял
всевозможных средств для того, чтобы по-
сетить его; кроме большой пользы от сове-
щания с учеными людьми, я имею воз-
можность заняться в богатейших коллек-
циях профессора Лейкерта, что очень важ-
но для довершения моих работ на морском
берегу, которые продолжают идти очень
успешно. Для приведения в исполнение мо-
его горячего желания воспользоваться таки-
ми сокровищами я должен прожить лишних
три недели на Гельголанде, сделать путеше-
ствие в Гиссен и обратно и прожить в Гис-
сене десять дней на ту сумму, с которой
я думал протянуть до 24/12 августа... Вме-
сто квартиры в гостинице я нанял себе ком-
нату у одного рыбака, за которую плачу
вдвое дешевле. Вместо обеда и кофе, кото-
рые я имел, я питаюсь чем бог пошлет, из-
держивая 30 коп. на еду (которая здесь

дешевле, так как все получается из Гам-
бурга или из Англии); вместо двух или трех
раз я переменяю белье один или два раза
в неделю (за что плачу меньше прачке)...
Ради бога, не сочти описание моей новой
жизни за жалобу или ропот; наоборот, я
так счастлив, имея в виду столько пользы, и
еще тем, что я не могу упрекнуть свою со-
весть в бесполезном растрачивании денег,
добытых любовью и заботой, что в такой
обстановке я готов бы находиться почаще.
Пожалуйста, не вообрази также, чтобы я за-
нятиями расстроил свое здоровье; даю тебе
честное слово, что до сих пор у меня даже
ни разу голова не болела. Да я и не верю,
чтобы занятиями можно расстроить здо-
ровье; я видел много ученых немцев, ко-
торые кулаком вола убьют. Вообще я умо-
ляю тебя быть насчет меня совершенно
спокойной, тебе и без меня много тяже-
лых забот, а я теперь поставлен в такие
хорошие условия, что, кажется, печалиться
нечего. Крепко целую твои ручки и оста-
юсь любящий тебя *Ил. Мечников*... Пиши,
пожалуйста, чаще. Я так дорожу каждым
твоим словом.

Песня английского моряка

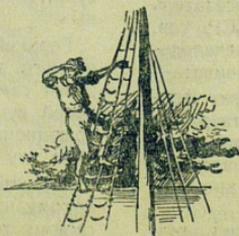
Перевод с английского Н. Кончаловской

Алэн Кэннингэм

Рис. Ю. Кискачи

В намокший парус ветер бьет
И гонит нас вперед,
Он парусиной шелестит,
Он мачты наши гнет,
Он мачты наши гнет, друзья,
И мчатся корабли,
Глядим в подзорную трубу
На Англию — вдали.
Попутный легкий ветерок
Наскучить может нам,
Покрепче ветер любим мы,
Чтоб выше быть волнам,

Чтоб выше быть волнам, друзья,
На то мы моряки;
Мы все как дома на воде,
Отважны и крепки.
Двурогий месяц в облаках
Невастье нам сулит,
Послушай музыку, моряк,
То ветер нам свистит,
То ветер нам свистит, друзья, —
Напевы разных стран.
Дворец наш — выдолбленный дуб,
Наследство — океан!

Ему было бы семьдесят лет

А. Роскин

Ему исполнилось бы сейчас, в марте 1938 года, семьдесят лет.

За последние два года жизни Горький, вероятно, написал бы новый роман или повесть. В витринах книжных магазинов появилась бы еще пахнущая типографией книга с надписью на переплете «М. Горький» и к книге была бы прикреплена этикетка «Новинка».

Может быть, Горький написал бы еще одну пьесу: ведь цикл, в который вошли «Егор Булычев» и «Василий Достагаев», остался незавершенным. И тогда в театрах в день семидесятилетия Алексея Максимовича зазвучало бы горьковское слово, иногда резкое, иногда лукавое, но всегда полное жизни и правды.

И уж, наверно, в газетах появились бы новые статьи Алексея Максимовича—статьи писателя, который знал жизнь так, как будто сам ее делал.

Но так не случилось: Горький не дожид до своего семидесятилетнего юбилея.

Не дожид, ибо он был убит.

В один из июньских дней 1936 года радиослушатели в самых дальних углах мира услышали печальные звуки похоронного марша Бетховена. И диктор на незнакомом языке передавал какое-то сообщение. Одно слово в этом сообщении было понятно радиослушателям любой национальности и любой страны, как понятны каждому звуку бетховенского марша.

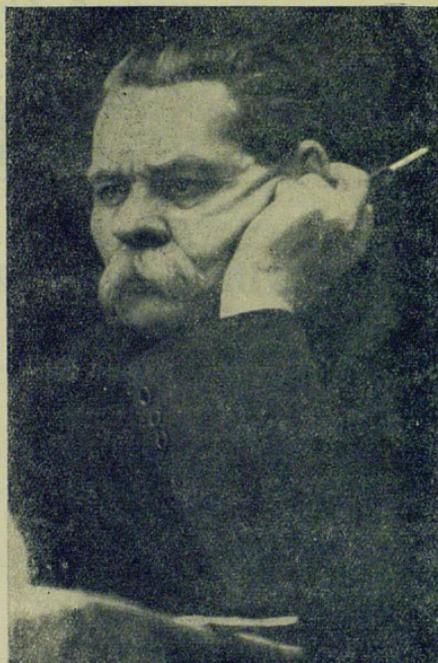
Слово это было «Горький»...

Радиостанции из Москвы сообщали о смерти великого писателя Советской страны.

А через два дня урна с прахом Горького была установлена на высоком постаменте перед мавзолеем Ленина и председателем Совета народных комиссаров СССР тов. В. М. Молотов произнес свою замечательную речь памяти Алексея Максимовича:

«Величие Горького в том, что его светлый ум, близость к народу и самоотверженный труд над освоением достижений культуры человечества сделали его беззаветным другом трудящихся и великим вдохновителем борьбы за дело коммунизма.

До последнего вздоха Горький жил одними чувствами и мыслями с теми, кто с та-

А. М. Горький.

Снимок 1936 года

ким энтузиазмом строит теперь новое, социалистическое общество под руководством партии Ленина—Сталина. Его глаза до конца дней жизни сверкали огнями борьбы и непримиримости к врагам трудящихся, к фашистам и ко всем другим угнетателям, к душителям культуры и поджигателям войны».

Горький пришел в литературу с самого черного дна российской жизни. Как выразился сам Горький, он ступал по жизни босой душой. И богатая мерзостями дореволюционная действительность не раз ранила эту душу.

Горький выдержал этот путь. Выдержал, потому что шел не один: он шел вместе со своими товарищами. А товарищами Горького был весь трудовой народ.

Путь Горького был путь не к легкой славе, а к трудной борьбе — борьбе за освобождение народа.

Еще давно, в дореволюционные годы, Горький написал замечательные слова о том, что литератор должен отточить «матовое серебро» своего таланта, придать ему крепость стали и поразить им врага.

Горький был высочайшим из мировых художников слова, расчищавшим дорогу для пролетарской революции.

Не случайно первые шаги Горького в литературе совпадают с ожесточенными преследованиями молодого писателя царским правительством. В то время, как рассказы Горького кочевали из одной редакции в другую, автор их кочевал из нижегородского острога в Метехский замок, из Метехского замка снова в нижегородский острог, из нижегородского острога — в арзамасскую ссылку, из арзамасской ссылки — в Петропавловскую крепость, из Петропавловской крепости — в высылку в Ригу...

В одной из канцелярий царской охраны лежала коричневая папка: «Дело департамента полиции о мещанине Алексее Пешкове. Начато 1 ноября 1889 г.»

Дело это прекратила только Великая социалистическая Октябрьская революция.

В нашей Советской стране Горький занял не только почетный, но и боевой пост, неустанно борясь за подлинно человеческую культуру, за ту настоящую человечность, которую несет пролетарская революция, несет ее миру как свою самую высокую и прекрасную цель.

Горький писал романы и пьесы, рассказы и статьи, произносил речи, редактировал журналы и книги, беседовал с множеством простых советских людей, хлопотал о научных учреждениях, переписывался с друзьями Советского Союза на Западе, и смысл этой огромной, неутомимой работы Горького был в конце концов один — создавать новый мир.

«Ни один писатель не играл более высокой роли», — сказал о Горьком его собрат французский писатель Ромэн Роллан.

Но Горький хорошо знал, что рядом с новым миром существует мир старый, мир насилия, корысти и крови.

О врагах, со всех сторон окружающих нашу родину, Горький постоянно неустанно.

Он наносил им удары метко и беспощадно. Свои статьи о фашистах, о зачинщиках новой войны и о тех, кто является пособниками фашистов, Горький писал, не

стремясь к оригинальности во что бы то ни стало и избегая всякой вычурности.

Он писал простые и верные слова — и они доходили до сердца отдельных людей и целых народов.

Горький называл фашизм «раковой опухолью гниющей буржуазной культуры», писал о нем как о системе истребления пролетариата капиталистами.

С великим гневом писателя-революционера Горький характеризовал фашизм как «организацию отбора наиболее гнусных мерзавцев и подлецов».

Он разъяснял людям науки и искусства на Западе, всей мировой интеллигенции, что борьба с фашизмом должна вестись решительно и беспощадно.

«Безумие хищников невозможно излечить красноречием: тигры и гиены не едят пирожков», — так заметил Горький в одной из своих статей.

Он отлично предвидел, что фашизм не оставит попыток напасть на Советскую страну. И ему хотелось, чтобы каждая книга, написанная советским литератором, была бы оружием в предстоящей борьбе.

Совсем незадолго до своей смерти Горький писал в редакцию «Правды»:

«Разоблачение фашистских поджигателей — сейчас крайне важное дело. Целиком одобряю вашу инициативу в популяризации книги «Таежные походы». Такие рассказы мобилизуют народ. Советский народ должен знать, что плохо вооруженные, но полные горячей любви к родине партизаны били японских интервентов. Надо ускорить издание сборников о немецкой и польской оккупации. Необходимо дать картину борьбы за Перекоп... Надо спешить, времени осталось мало».

Самому Горькому оставалось времени совсем мало — несколько недель.

Изменники родины, агенты фашизма, организаторы заговора против народов Советской страны, они не ошибались, зачисляя Максима Горького в ряды своих самых опасных врагов.

Ведь Горький подобно рядовому красноармейцу, приносящему торжественное обещание в день 1 Мая, мог сказать о себе: «Я, сын трудового народа...»

И враги знали, что клятва в верности трудовому народу Горький не изменит никогда.

Они знали, что, пока жив Горький, голос его будет раздаваться на защиту народа, на защиту его права строить новую жизнь, на защиту советской родины.

Вот почему заговорщики против народа решили «убрать» Горького, как решили они «убрать» лучших людей нашей страны, великих борцов за освобождение человечества.

С помощью врачей они ускорили смерть, убили ненавистного им Горького.

Так сто лет назад с помощью врачей Николай I ускорил смерть, убил ненавистного ему Пушкина.

Семидесятилетие со дня рождения великого русского писателя мы отмечаем уже не вместе с Горьким, а перед доской, закрывающей урну, замурованную в древнюю стену Кремля.

На доске вырезаны две даты — рождения и смерти Горького. Но у таких борцов, как Ленин, у таких писателей, как Горь-

кий, есть одна только дата — дата рождения. Ибо нельзя отнять у нашего народа ни Александра Пушкина, ни Владимира Ленина, ни Максима Горького, как никогда никому не отнять у нашего народа его рек, степей, лесов, песен и свободы. И так же как через сто лет живет среди нас поэзия Пушкина, как живет революционное дело Ленина, так живут и будут жить среди нас мечта и гнев Горького.

Гнев этот, гнев народа, уверенного в своем будущем, но умеющего ненавидеть все, что стоит на пути к будущему, хорошо выразил Горький, написав:

«Если враг не сдается—его уничтожают».

И все народы нашей родины произнесли эти слова, как слова смертного приговора тем, кто убил Горького.

В театре и цирке

Глава, не вошедшая в окончательную редакцию повести «В людях»

К семидесятилетию со дня рождения Алексея Максимовича Горького мы хотели найти какое-нибудь его произведение, еще не известное нашим читателям. Повесть «В людях» известна всем, но этой главы не знают не только ребята, но и многие взрослые читатели.

Сейчас, после смерти Горького, для нас особенно ценна каждая его строка, каждая мысль его. Вот и эта глава, сколько в ней любви к жизни, уважения к человеку! Перед нами молодой Горький, жаждущий познать неизвестную ему жизнь и неизвестных ему людей, Горький, впадающий в бешенство при виде воплощения человеческой гнусности на сцене. Молодой Горький страстно ненавидел всякую мерзость и в жизни. Таким он остался до последнего дня. За эту любовь его к правде, за ненависть к человеческой мрази, к фашизму, к трюклизму и убийи его враги нашего народа, враги всего трудового человечества.

Враги убили Горького, но образ его, величавый и простой, с нами, но книги его — от первой строчки до последней — с нами. И мы ценим и бережем каждую его строку, каждую строку великой горьковской правды.

Максим Горький

Я статист в огромном театре на ярмарке, получаю двадцать копеек за вечер и чувствую себя индейцем и чортом в пьесе «Христофор Колумб».

С изнанки театр вызвал у меня сквернейшее впечатление, помню, как по просторной полутемной сцене, против черной дыры, наполненной сырым вранком, толстый человек, бешено ругаясь, гонял нас, кучу мальчишек, из угла в угол, точно пастух баранов, и визжал:

— Крокодилы дохлые, убьете вы меня!

Мне казалось, что он притворяется, — нет у него причин сердиться на нас и бить нас по ногам длинной, тонкой палкой; мы бы лучше поняли, чего он хочет, если бы он говорил просто и спокойно. Но он сует-

ился, хватал себя за круглую как арбуз голову и ныл и орал:

— Какие же вы индейцы? И какие вы черти? Медведи вы, а не черти!

Из-за кулис выглянула толстая дама и спросила его басом:

— А ты знаешь, на кого похожи черти?

— На козлят, душечка моя, и на козлов, и не суйся не в свое дело.

Я читал об открытии Америки, и черти казались мне лишними в этом событии — книжка Прескотта не упоминала о них. Я читал Майн Рида, Эмара и, думая, что имею представление о краснокожих, старался ходить по сцене так, как ходят американские индейцы в книгах этих знаменитых писателей. Но мои попытки раздражали учителя; он укоризненно кричал:

— Послушай ты, длинный, окаянный смыхарь, смыхок, жердь вавилонская, что у тебя пятки подрезаны, а? Ты по битому стеклу ходишь? Убьешь ты меня, бессовестная фигура!

На спектакле я все-таки ходил так, как, по моему мнению, должен был ходить настоящий, порядочный индеец.

Несколько раз я смотрел, как актеры репетируют пьесы: среди сцены стоит человек в пальто и цилиндре, с папиросой в зубах, с большим перстнем на толстом пальце и невнятно бормочет что-то, морщась от дыма, оттопыривая тяжелые губы. Нога у него выставлена вперед: он размахивает руками и кричит суфлеру очень красивым голосом:

— Что-о? Не слышу! Подавай громче! Не слышу! Откуда тут дует, дьявол?

— Отовсюду дует, — справедливо говорит ему высокая, красивая дама вся в черном.

Другой человек, пьяный, испитой и отрепанный, сидит в сторонке на стуле, дремлет и время от времени, пугливо вздрагивая, спрашивает:

— Я? Как? О, господи помилуй...

Все это было невыразимо нудно и не возбуждало интереса к театру, но первый же спектакль, на который я попал зрителем, заставил меня почувствовать страшную силу театра.

С минуты, когда на сцене явился Андрей-Бурлак в образе Иудушки Головлева, я совершенно забыл о театре и обо всем, кроме маленького старичка в халате, со свечой в дрожащей руке, с ядовитой улыбкой на спявном лице.

— Аннинька, Аннинька, — сладострастно всхлипывал он перед измученной, умирающей женщиной.

Все, что делал этот человек, было страшно просто, неопровержимо правдиво и убедительно. Его липкие слова, паузы движения, его порабощающий, терпкий голосок и эти гнилые улыбочки — весь он был до ужаса противен и казался непобедимым, точно Кашей Бессмертный.

Я пережил нечто неописуемое: хотелось бежать на сцену и убить это воплощение мерзости, я чуть не плакал от бешенства, а кругом меня люди смеялись, орали, возбуждая страх и тяжкое недоумение. Это был очень тяжелый и дурной кошмар, тем более тяжелый, что я чувствовал в нем много знакомого мне того, чем так богата темная, запутанная, болезненно-жесточая душа русской жизни. Много лет спустя я снова

пережил такое же угнетающее впечатление, читая книгу о Федоре Карамазове.

После спектакля, отравленный, я всю ночь шлялся в лугах, за ярмаркой; меня остановил какой-то пьяный и больно ударил кулаком по голове; помню, это не обидело меня.

Мне вспомнились все старики, которых видел я: два Петра — извозчик и начетчик, дед, Осип, и во всех я чувствовал начало, враждебное мне, — могучее начало, спокойно отрицавшее меня.

Я перестал ходить в театр, может быть, потому, что боялся еще раз пережить такое же подавляющее впечатление, а может, хотелось сохранить его нерушимо.

Вскоре я увлекся цирком, я бывал в нем и раньше, и теперь вдруг первое же представление приятно поразило меня. Все, что я видел на арене, слилось в некое торжество, где ловкость и сила уверенно праздновали свою победу над опасностями для жизни. Я стал посещать цирк часто, познакомился с конюхами, с наездником Масловым, акробатом Красильниковым. Все артисты казались мне такими же интересными, как братья Земганно, и я воодушевленно рассказывал им этот печальный роман.

— Бывает, — говорил Маслов, очень простой и милый солдат-кавалерист, но Красильников возражал ему:

— Ну, что ты знаешь? Просто — это злой случай! Нет, мы, цирковые, живем, слава богу, дружно, хорошо! У нас такая работа опасная, что нужно беречь друг друга.

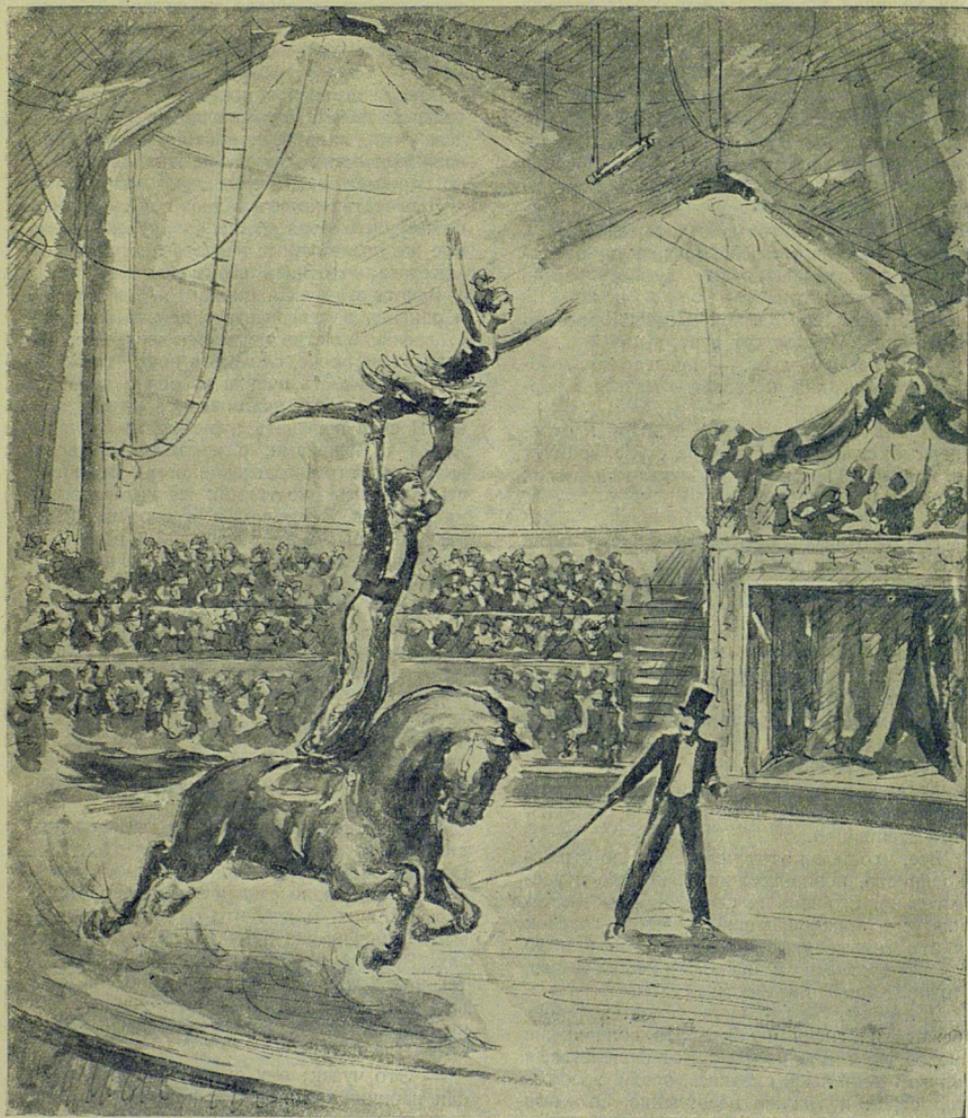
Мне страшно хотелось взяться за эту опасную работу, но артисты говорили:

— Опоздал ты, не годишься, стар! У тебя уже кости отвердели.

Я начал всячески ломать и выгибать кости, но это мало помогло мне.

Большинство артистов были иностранцы; я особенно жадно следил за ними, расспрашивал о них, и все, что я видел, слышал, высоко поднимало этих людей в моих глазах. Русские относились ко мне снисходительно, с добродушными усмешками. Маслов рассказывал мне о своем товарище Нони Бедини, с которым он ездил, изображая «двух гладиаторов».

— Это чудак; ему около 30 годов, а он как парнишка живет! Ты поглядел бы, как он свою жену любит, — умора, видеть нельзя без смеха! Провожает ее на арену — руку целует, ей богу! А то и ножку. Она работает, ездит, а он глядит на нее бледный, трясется даже, боится — не упала бы!

Цирк

Рис. Б. Винокурова.

А она у него ловкая, сильная — бояться-то вовсе нечего! Едет она с арены, он ее опять чмок в ручку и рад — просто смотреть нельзя! А уж лет пять женаты, ребят двое у них. Хороший он товарищ, внимательный, с ним не пропадешь, но смешной очень!

А мне нравилось, как Бедина смотрит черными глазами на свою жену — много было радости в этих глазах. Она отвечала ему тоже радостным, праздничным взглядом, и оба они был похожи на детей из хорошего семейства, когда, бывало, шли по пестрым улицам ярмарки, прижавшись друг к другу.

Иноземцы считались русскими не настоящими людьми, а как бы ошибкой природы — ошибкой, в которой, однако, было немало приятного, но больше всего смешного.

— Чистяки, все моются да обтираются. Деньги копят — дескать, работа наша скоро силу вымотает, так чтобы на старости было чем жить. Нищими, дескать, не желаем быть. А между собой дружно живут, ничего; только вот смешные очень! Оттого у них и клоуны лучше наших...

Я не видел ничего смешного в этих людях, но мне казалось, что они веселее, живей русских, не так часто позевывают, потягиваются. Меня особенно интересовал англичанин — клоун, гладкий, выбритый, широколобый человек средних лет, с темными глазами, ловкий и сильный; было нестерпимо досадно, что я не мог говорить с ним, а он говорил по-русски весьма охотно, хотя никто не понимал его.

Он гораздо больше нравился мне за ареной, чем на глазах публики, посреди черной, жуткой воронки цирка, где он кувыркался и метался, играя, точно большой котенок. Я видел однажды, как он, проходя в буфет, увидел свое изображение в зеркале и, сняв цилиндр, с улыбкой кивнул сам себе головой — это меня поразило.

В антрактах я вертелся около двери в уборной, наблюдая, как он мажет себе лицо и все время оживленно разговаривает со своим отражением в зеркале, — несомненно, что он забавлял этим самого себя.

Гуляя он всегда один, а я ходил за ним, как сыщик, и мне казалось, что этот че-

ловек живет особенной, таинственной жизнью и смотрит на все так, как я никогда не сумею. Иногда я пробовал представить себя в Англии; никем не понимаемый, страшно чуждый всему, оглушенный могучим шумом незнакомой жизни, сумел ли бы я жить, так же спокойно улыбаясь, в дружбе только с самим собой, как живет этот крепкий, стройный щеголь?

Как-то днем, проходя по мосту через Оку, я увидел, что он, сидя на краю одного из плашкоутов, улит рыбу; я остановился и смотрел на него до поры, пока он не кончил ловли. Вытаскивая на крючке ерша или окуня, он брал его в руку, подносил к своему лицу и свистел тихонько в нос рыбе, а потом, осторожно сняв ее с крючка, бросал в воду. Надевая червяка, он что-то говорил ему; когда из-под моста выплывала лодка, он снимал шапочку без козырька и любезно кланялся незнакомым людям, а когда ему отвечали, делал страшно удивленное лицо. Другой раз я встретил его на горе, около церкви Успенья. Он смотрел на ярмарку, клином врезанную между двух рек, держал трость в руках, перебирая по ней пальцами, и тихонько посвистывал, как бы играл на кларнете. Издали через реку доносился глухой, чуждый шум; по воде ползли пароходы, точно большие жуки; где-то далеко горели леса; в дымном небе неподвижно стояло тускло-красное солнце. Мне было очень жалко этого человека.

Я выдумывал разные истории, в которых англичанин играл роль благородного героя, уснащал его всеми известными мне достоинствами и любовался им. Он напоминал мне людей Диккенса, упрямых в злом и добром.

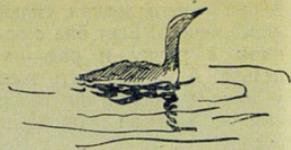
Когда этот человек уехал из цирка, я был очень опечален, как будто потерял хорошего друга.

Не знаю, что именно дал мне цирк, кроме того, что в нем я увидел людей, которые красиво рискуют жизнью ради удовольствия ближних, — но я думаю, что и этого достаточно.

Я смотрел на них сквозь книгу Гонкура, мемуары Файмала и чувствовал к ним почтительную зависть, ясно понимая, что эти люди нужнее меня на земле...

Как землю выловили

Вопьльская сказка

Б. Быков

Рис. П. Кузьмичева

Раньше было
Только море.
Но однажды
Со звезды

Две гагары
Прилетели,
Долетели
До воды.

Оглянулись,
И нырнули,
И нырнули
За землей.

А земля
Тогда лежала
В синем море,
Под водой.

Глубоко
Они нырнули,
Долго, долго
Плыли вниз,

Даже стали
Задышаться
И на воздух
Поднялись.

Две минуты
Отдохнули
И нырнули,
Но опять

Обе стали
Задышаться
И вернулись
Подышать.

Много воздуха
Вдохнули,
Так вдохнули,
Как могли,

Третий раз
Они нырнули—
Донырнули
До земли.

Два комка
Земли схватили,
Всплыли
Задом наперед,

Эту землю
Положили
На пловучий
Синий лед.

Так как долго
Не дышали,
То из клювов
У гагар

Струйки крови
Побежали
И цветной
Поднялся пар.

Этот пар
Свисит на небе
Между солнцем
И луной.

Этот пар
И называют
Люди
Радугой-дугой.

А гагары
Грудки кровью
Перепачкали
Тогда.

У гагар
От крови грудки
Покраснели
Навсегда.

А земля
На льдине стала
Расширяться
И расти—
Человек
Пришел на землю
И оленей
Стал пасти.

Голландская рыбка.

На великих плотинах

И. Соколов-Микитов

В предместье

Лоцмана взяли у входа в Маас. Он поднялся по штурм-трапу, привычно взбежал на мостик, сунул капитану соленую мокрую руку. Я с любопытством смотрю на него: на крепкие обветренные его щеки, на крепко сидящую в зубах короткую обкуренную трубку, на кованые в рыжих волосах руки. Вот истинный морской волк, моряк потомственный и почетный!..

Повсюду на горизонте идут, дымят корабли. Корабли здесь идут со всех сторон мира. Впереди, за серостальной морской гладью, тонкой полоской виднеются низкий голландский берег, призрачные крыши построек, белые паруса яхт.

Швартуемся в двадцати километрах от большого города, у низкого, серого от

пыли завода. Вечером, по окончании формальностей, я схожу на берег. Прохожу пропитанный испарениями завод, заводские ворота, где высокой пирамидой составлены велосипеды. Маленький городок светится огнями. Пахнет болотом, едкой заводской кислотой. Странно оказаться ночью одному на незнакомом пустом берегу! Иду наугад на огни. Под ногами хрустит, перекачивается морской песок. Автомобиль, выбежав из-за поворота, ослепляет огнями. Долго стою ослепленный, потерявшийся в темноте..

Наугад, пустырями, подхожу к городку. На маленькой площади безлюдно, густо пахнет следками (запахом селедок пропитан весь городок). На углу уютно светятся стеклянные двери бара. Темны неширокие прямые улицы городка. У порогов маленьких домов с наглухо закрыты-

ми ставнями стоят и сидят люди, краснеют огоньки трубок. Дети перебегают темную улицу, громко смеются. Захожу в бар. Два человека в рабочих куртках, в шарфах и кепи с треском гоняют шары на оклеенном зеленым сукном, освещенном низко спущенными лампами маленьком бильярде. Один подсаживается ко мне, подает большую, твердую от мозолей руку. Серые глаза его глядят вопросительно:

— Инглиш (англичанин)? — спрашивает он по-английски.

— Ноу, ноу (нет, нет), — отвечаю и улыбаюсь.

— Джермен (немец)?

— О, ноу, ноу, ай эм рашиец, совет рашиец (о, нет, нет, я русский, советский русский).

— Большевик... О-о!.. Большевик...

Лицо его вдруг изменяется, по грубым чертам разливается теплота. Он повторяет любезное ему слово, как бы стараясь вложить в него все свои мысли, ласково жмет мою руку. Низко склонившись над столиком, недоверчиво поглядывая на хозяина бара, он долго и взволнованно говорит на незнакомом мне языке. И по выражению его глаз, по его жестам, по тому неудовимому, что иногда соединяет людей крепче всяких слов, я понимаю все, что хочет сказать этот незнакомый мне человек.

— ...Нас много, мы ваши друзья, — перевожу я его слова, — мы всегда следим за вашей родиной, водрузившей знамя победы рабочего класса...

Мы вместе выходим в темную ночь. Мой спутник дружески улыбается, крепко жмет руку. Оставшись один, я еще долго слышу его голос, чувствую крепкое рукопожатие...

Старая Голландия

Перламутровым ранним утром игрушечный поезд «кукушка», фукая паром и трясясь, увозит меня с окраины чернокаменного просыпающегося Амстердама в старую Голландию ветряных мельниц, каналов, плотин, деревянных башмаков — всего того, что знаем мы о Голландии по картинкам. Поезд гремит, трясется, как деревянная телега, чадит дымом, со скрипом останавливается на игрушечных станциях, где с мешками и складными удочками на плечах неторопливо выходят пассажиры, тащится дальше по берегу узкого канала, сотртаясь подгнившие сваи,

Отец и сын — рыбаки.

от которых кругами разбегаются волны, колькая отражения ветряных мельниц. Покуда глаз видит, — зеленые ровные, как морская поверхность, разграфленные линейками канав и каналов пастбища и болота, а на них — точно пчелы на сотах — пасутся стада черноногих гладких коров. Коровы спокойно пасутся, пережевывают жвачку, равнодушно глядят на грохочущий поезд, а прямо среди них движется по каналу черный смоленый парус. Над пастбищами стелется легкий, розоватый на восходе туман, белыми хлопьями взлетают и падают освещенные солнцем длиннокрылые чайки. Лишь охотничий глаз приметает хохлатых чибисов, проворно шныряющих по кочкам, да черных болотных курочек, спокойно плавающих в камышах...

Место, по которому едем, некогда было дном моря и теперь отвоевано у моря людьми, веками насыпавшими здесь высокие каменные плотины. Нынче здесь весело краснеют черепичные крыши домиков-игрушек, машут крыльями-руками ветряные мельницы, а по гладким, как скатерть, дорогам гужом текут велосипедисты. Поезд, звеня и шипя, вкатывает прямо на улицу чистейшего городка, останавливается на середине улицы с ка-

менными маленькими домами, в окнах которых видны человеческие лица.

В вагоне, поставив под ноги камышовые сумки, сидят рыбаки — старик и старуха. Они точно такие, каких видели мы на картинках. Скрыченные ревматизмом пальцы лежат на коленях, слезятся старческие глаза. На старике ветхий ватный жилет с круглыми пуговками и непомерно широкие, со складками у пояса грубые штаны. Старуха также стара и убога, глубокие морщины лежат на ее будто подвяленном, изможденном нуждой лице. Сегодня она по-праздничному: в белом с выпущенными крахмальными уголками средневековом чепце, в стеганой кофте, широкой суконной юбке, из-под которой видны носки деревянных раскрашенных башмаков. Старики сидят чинно, не шевелясь, уставившись глазами в одну точку. Что-то печальное, отжитое видится мне в облике этих людей.

Схожу на последней маленькой станции, где останавливается поезд. За мной хлопотливо торопятся старик и старуха, величественно появляется из вагона богатый иностранец-турист, помогая нарядной спутнице прыгнуть на усыпанную песком и ракушками дорогу...

По освещенной осенним солнцем, высланной кирпичом дороге поднимаюсь на

высокую насыпь плотины. Впереди, над деревянной пристанью, открывается, уходит в туманную даль колыхаемая зыбью прозрачная гладь. Направо и налево, вдоль плотины здесь вытянулся рыбацкий поселок: игрушечные домики с красными черепичными крышами. Я стою на площади этого поселка, очень похожей на декорацию кукольного театра. Вот, стуча деревянными башмаками, совсем как актеры в детской пьесе, выходят из-за угла два человека в широченных штанах и, посасывая трубки, степенно спускаются на деревянную пристань, где сушатся на мачтах коричневые смоленые паруса. Люди беспешно проходят по скрипучим мосткам и, заложив руки в карманы, отражаясь вместе с пристанью и парусами, останавливаются над водой. Здесь же, у пристани, сидя на каменной скамейке, греются на скупом солнышке старые инвалиды-рыбаки. Старики сидят, опустив головы, сцепив над коленями опухшие в суставах пальцы. Много нужды и опасностей довелось им увидеть на своем веку. И точно для того, чтобы подчеркнуть их убожество, подле них стоит, прикрываясь рукой от солнца, кричит кому-то маленькая девочка в фартуке, в деревянных расписных башмаках. Потом, громко смеясь, девочка срывается, бежит, грохо-

Старые рыбаки молча едят, греясь на солнце.

Вдоль канала стоят лодки.

Эта ветряная мельница поднимает воду в канал.

ча башмаками, вдоль длинной, похожей на декорацию улицы. Скрыщенный ревматизмом рыбак-старик, опираясь на костыль, тяжело поднимается, протягивает руку, прося подавания у наезжего иностранца.

На берегу, над пристанью, окруженной парусными лодками, толпятся пропитанные солью люди. Я заглядываю в дверь скучного пункта. Мясистый краснолицый человек принимает здесь от рыбаков добычу. На толстом лице скушника выражено довольство. Рыбаки вытирают руки и, закулив трубки, подходят к окоцу, где рука кассира отсчитывает серебряные и медные деньги. Позвывая скудным заработком, люди идут в кабачок, чтобы выпить по кружке пива, по рюмке розового джина...

Поселок игрушечно мал, малолюден и чист. За утро можно дважды обойти его из конца в конец, насидеться в кабачке вместе с обветренными рыбаками. Маленькому рыбацкому поселку недолго осталось существовать: скоро будет обесшана широкая гладь залива — и рыбаки останутся без дела. Хозяева страны — капиталисты. — еще сохраняют старинный

рыбачий поселок как музейную достопримечательность. Иностранцы приезжают сюда, чтобы полюбоваться на средневековые костюмы рыбаков и, налюбовавшись, пообедать в маленьком ресторане, процветающем за счет туристов.

Город Амстердам

Город ошеломляет шумом, движением, людной теснотой улиц, необычайным обилием велосипедистов, движущихся по улицам непрерывным потоком. После Лондона и Парижа город кажется небольшим, провинциальным. Но обманчиво первое впечатление... Главное в городе — порт. Как реки в море, вливаются в порт городские людные улицы, текут потоки велосипедистов, автомобилей, движутся толпы рабочих. Порт велик и туманен. Сверкающие чистотой океанские корабли, неуклюжие угольщики, стройные яхты, живая, движущаяся масса желтобрюхих и краснотрубных буксиров, моторных барж, лодок, паромов. Густейший лес мачт, флагов, труб — взбудораженная движением, плещущая в каменную набережную вода, на которой вдруг видишь потерян-

ный кем-то плывущий по волнам деревянный башмак... На каменной набережной ряды парходных контор, агенств, вывесок, начищенных медных и мраморных досок с именами владельцев, штабеля ящиков, тюков, бочек, смоленых бухт, потрясающий грохот лебедек, медные глотки отходящих и приходящих парходов, звон, скрежетание, шараханье строп, блоков. За просторными зеркальными окнами, в уюте матовых абажуров, в дыму гаванских сигар здесь властвует незримый простому глазу всемогущий, всепривидный мир гульденов, долларов, фунтов!..

На вокзальной площади, мокрой от морского тумана, стоят по углам ручные тележки. Над тележками качаются большие ацетиленовые фонари. Человек в клеенчатых нарукавниках быстро чистит и выкладывает на тележку маленькие селедки. Такие же, выкрашенные в белую краску тележки стоят по углам рабочих кварталов. Сельдь—здесь ежедневная пища людей простых, служащих и рабочих, и, отправляясь на работу, люди останавливаются у сельдяных тележек. Селедку едят на улице, без хлеба, наспех закусывая мелко накрошенным луком...

Сегодня воскресенье. Длинная прямая улица залита толпой. Праздничная толпа движется потоком. Колышутся мужские шляпы, цветные шапочки женщин. У входа в кино собралась шумная молодежь.

Я сворачиваю в боковую узкую улочку. Здесь маленькие лавки, маленькие, ярко освещенные кафе, наполненные народом. На улице какой-то веселый человек продает птиц: ярко окрашенных попугаев и звонко чирикающих канареек.

Прямо посреди улицы в толпе стоит высокий бедно одетый человек. Глубокий шрам пересекает заросшее небритой щетиной лицо. В руках он держит старую шляпу с широкими обтрепанными полями.

Подняв над толпой голову, человек поет. Люди идут мимо, не задерживаясь, равнодушно обходя нищего-певца. Шляпа в руках нищего пуста...

Вот по шикарной набережной, у богатых особняков, бесшумно движется автомобиль — просторная, сверкающая лаком машина. Автомобиль останавливается у освещенного подъезда. Из распахнувшихся дверей выбегают люди, становятся по сторонам автомобиля. Прилизанный человек почтительнейше открывает дверцу. Из подъезда на руках выносят богатую старуху с оплывшим злым лицом. Седые

букли старухи трясутся. Прибывший из Советской страны путешественник с изумлением и неприязнью смотрит на привычную глазу картину. Кто эта богатая седая старуха, перед которой так низко склоняются головы провожающих ее похалимов? Сколько людей должно гнуть спины, чтобы роскошно жила эта «пиковая дама», раз'езжающая в шикарных своих автомобилях?..

★

Железный двухэтажный паровой паром, снизу доверху нагруженный автомобилями, грузовыми платформами, ручными тележками и разнообразной многоголовой толпой, перевозит меня на другой берег. Река кипит, плюется пеной, сердито хлещет в железные бока медленно пересекающего реку паром. Паром останавливается у каменной набережной большого острова. Здесь от стародревних времен живут цветные: малайцы, чинезы, негры, — которым запрещено проживать в центральных частях больших городов. Мы всякое утро видим этих смуглолицых людей, похожих друг на дружку, одетых в забрызганные изветстой рабочие костюмы, направляющихся в автобусах и трамваях на окраины города на работу...

Я ступаю с колышащейся платформы парома на каменистую набережную, прохожу площадь. Иду улицей мимо невысоких грязных, серых от копоти, обмызганных домов. Над дверями гостиниц, в окнах лавчонок здесь висят китайские, порывевшие от времени письма. Окна китайских харчевен тщательно занавешены, у их порогов толчется закопченный, с лаково-блестящими черными и желтыми головами люд. В окнах грязных подвальных лавчонок лежат китайские лакомства: какие-то чудные корешки, трубочки, орешки. На углу старый одноглазый китаец продает с тележки какую-то мокрую шевелящуюся погань... В глубине улицы, у высокой бетонной стены, отгораживающей город от доков, гудит большой поставленный на колеса орган. Бойкий человек в рубахе с засученными по локоть рукавами вертит ручку большого органного колеса. Другой человек, держа в руке шляпу, стоит на дороге. На тротуаре, на каменной улице танцуют девочки-подростки... Здесь оборотная сторона города: нищета, вонь. Я много раз прохожу улицу, стараясь заглянуть во внутренность грязных харчевен. Тошн,

После дойки коров в поле крестьянка ждет лодки, чтобы вернуться домой.

как гвоздь, китаец в круглой шапочке на стриженной голове смотрит на меня. Я объясняюсь знаками, вежливо прошу разрешения войти. Он кивает мне головой и, не отрываясь от своей конторки, продолжает заниматься делом. Я прохожу за перегородку, оклеенную грязной бумагой. Там, за низенькими столиками, сидят на полу люди. Вонючий дым плавает над их головами. Я слышу гортанные голоса, вижу раскосых смуглых людей, недоверчиво разглядывающих необычайного посетителя.

Я присаживаюсь к столу и с любопытством вглядываюсь в каштановые лица, в темные и печальные глаза этих людей. Высокий смуглый малаец с мелко курчавыми, точно покрытыми сажей волосами что-то рассказывает такому же темноволосому и темнолицему соседу. Темные глаза его влажны. Он улыбается по-детски, дружески протягивает мне пашпору. Я всматриваюсь в его лицо, вслушиваюсь в его птичью, гортанную речь и, отвечая ему улыбкой, думаю: «Как должна быть тяжела жизнь этих простых, так похожих на детей смуглых людей, обреченных на рабский труд, на каторжную работу для презирающих их хозяев-капиталистов!..»

Приедем человеку, впервые прибывшему в приморский старинный город, бросается в глаза разительное сходство с другим, хорошо знакомым нам городом на берегах северной просторной реки. Бродя по прямым улицам, люблюсь на широкие в каменных набережных каналы, наполненные колеблемой водой, на острые шпицы зданий, сам себе непременно скажет новый приезжий: «Вот откуда, увлеченный Европой, Петр вывез образ величественного Парадиза!..» Память русского царя Петра, самодержца и плотника, учившегося корабельному мастерству у голландских мастеров, до сего времени чтит старинный голландский город. Главная улица Амстердама носит громкое название «Цаар Питер штрассе» — улица царя Петра. Нарядные, чистенькие трамваи, сверкая лаком и зеркальными стеклами, бегут по этой улице, плотно застроенной каменными домами со старинными низкими окнами, забранными в решотки. В учебниках истории было сказано, что учился Петр корабельному мастерству в голландском городке Саардаме, и мы все видели картинку «Саардамский плотник»: царь Петр, одетый голландским матросом, строит корабль.

В Голландии города Саардама нет. Русские встарину искажили название городка, в котором некогда жил и учился Петр. Под Амстердамом, в нескольких милях от амстердамского вокзала, есть небольшой городок, где раньше жили знаменитые голландские корабельщики-мастера. Теперь этот маленький городок живет жизнью предместья портового города. От прежнего остались многочисленные каналы, уютные домики, крытые черепицей. Тихо и чисто на улицах уютного Заандама.

На площади городка висит памятник мастеру Питеру. Правая рука бронзовой фигуры держит плотничий топор. Остов недостроенного корабля висит на постаменте. С веранды городского кафе на фоне морских облаков памятник кажется эффектным. У подножия его, на асфальте, под звуки уличной шарманки танцуют, обнявшись, веселые школьники...

На узеньких улицах, где, удивляя похожих стремительностью своей походки, шагал когда-то сам знаменитый мастер Питер, теперь глубокая тишина. Зеленой яркой запылила наполненные недвиж-

ной водой каналы. Разноцветное белье висит на веревках, растянутых над каналами. По улице раздается стук деревянных башмаков. Из-за угла показывается фигура старика в старинном голландском наряде. Старик движется unsuccessfully. На бритом морщинистом лице устало смотрят глаза. И старик, и кирпичные домики, и запывшие раской каналы теперь кажутся отжитыми, далекими и музейными...

★

У полицейского в черной каске я спрашиваю дорогу к домику Петра. Толстый красноносый полицейский почтительно держит под козырек, натужно стараясь вникнуть в ломаный язык иностранца.

— О! — говорит он. — Домик мастера Питера? Это далеко. Господин может заблудиться...

Я прошу показать направление и, поблагодарив, иду вдоль узкой улицы, застроенной кирпичными домиками. Шестест велосипедных шин слышится позади. Полицейский догоняет меня запыхавшись, слезает с велосипеда. На широком с синими жилками лице его сияет любезная улыбка. Легкий запах джина распространяется от вместительной его фигуры.

— Я спросил разрешения проводить господина, — говорит он, ведя в руках велосипед. — Господин — наверное, швед?

— О нет, господин — не швед.

— Итальянец?

— Нет, не итальянец...

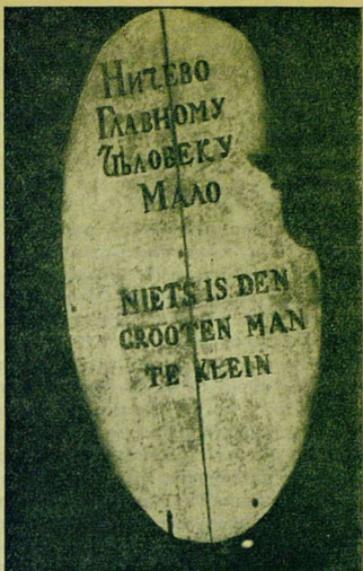
— О!..

Лицо полицейского округляется. О-о! Нет, это несколько неожиданно... Он еще не видел здесь ни одного человека, прибывшего из Страны советов... Разумеется, он проводит гостя... Но господин, наверное, не позволит лишнего?..

Растерянный полицейский ведет меня лабиринтом узеньких улочек. Мы переходим перекидные мостики, шагаем по набережным узким каналам. У входа в кирпичный подъезд он останавливается, нажимает кнопку звонка:

— Господин может смотреть...

Из особого почтения к редкому посетителю меня пускают за ограду бесплатно. Я внимательно осматриваю домик-реликвию, бережно хранимую жителями старинного Заандама. Над домиком Петра кирпичный просторный футляр. Домик покривился, врос в землю. Внутри, на закопченных стенах, висят старинные кар-

Надпись на этом щите значит:
«Для великого человека нет малого».

тины. На дубовом треснувшем пополам щите написано старинное изречение. Изречение написано на двух языках — на русском и голландском:

«Ничего
главному
человеку
мало».

Так голландцы встарину перевели изречение, означающее: «Для великого человека нет малого дела».

Богатство и нищета

В незапамятные времена почти вся площадь этой морской страны была покрыта водой. Тесными необходимостью, люди пядь за пядью отвоевывали землю у моря. Борьба с морем длилась столетиями. Там, где ходили морские волны, а над пустынными берегами уныло плакали болотные кулики, на осушенной, утучненной земле теперь раскинулись богатые города, цветут и зеленеют плодороднейшие поля... Веками насыпали люди, охранявшие их от потопа, высокие каменные плотины. Еще по законам средневековой республики, возвращавшиеся в

Голландию корабли должны были иметь вместо балласта полный груз камней. Из-за моря, из далеких стран привезли старинные голландские мореплаватели камень, на котором жидутся знаменитые плотины.

Ныне вся Голландия покрыта сетью узких каналов, в которых скопляется темная, болотная вода. Сотни ветряных мельниц, повернувшись на ветер, беспрерывно машут крыльями, откачивая лишнюю воду. Многие голландские города стоят ниже уровня моря. Стоит уничтожить эти плотины—и, ворвавшись, море должно затопить почти все государство...

Разумеется, не только цветочными луковицами, прекрасными гиацинтами и тюльпанами (из Голландии ежедневно транспортируются на самолетах живые цветы), сыром и молоком от жирных коров живет и богатеет маленькая эта страна. Богатейшие колонии сытно кормят нынешних хозяев страны — капиталистов. В Индии и Америке, на океанских островах находятся колоннальные владения Голландии, площадь которых в шестьдесят раз превышает размеры маленького государства. Колонии эти богаты каучуком, нефтью, сахаром, кофе, какао.

Среди соседних больших государств Голландия обманчиво кажется тихой, благополучной провинцией, не знающей тревог и потрясений. По внешнему виду размеренно и спокойно течет жизнь городков и поселков. Мирно поют скворцы на черепичных крышах игрушечных домиков. Но не так спокойна и мирна жизнь этой обманчиво кажущейся земным раем капиталистической страны!.. Еще в недавние годы кризис до основания потрясал основы капиталистического мира. Разорвались старинные купеческие фирмы, столетиями считавшие сроки своего существования. Лопались и прогорали банки, хваталась за головы и стрелялись банкиры и биржевики.

Ныне государством формально правит «ее величество» королева Нидерландов Вильгельмина—старая женщина с лицом набожной мещанки. Но не в Вильгельмине и ее пышном титуле дело. Подлинный хозяева Голландии — купцы и банкиры. Эти именитые люди ворочают делами Голландии, сила и власть пока еще в их руках. Принадлежащие купцам корабли во всех направлениях бороздят воды океанов, а многочисленная армия колониальных рабов на плантациях Индоне-

зии, Гвианы, Целебеса, Борнео попрежнему работает на купеческий толстый карман.

В морском музее города Роттердама собраны реликвии: модели и подлинные части старинных голландских кораблей, старинные якоря, пушки, смоленые веревочные снасти. Проходя по залам музея, хранящим запах корабельного дерева и смолы, чувствует посетитель великое прошлое морской страны. Из высоких окон музея открывается вид на реку, покрытую кораблями. Мощные звуки пароходных гудков врываются в кладбищенскую тишину музея. Корабли приходят с моря и уходят, многоэтажными громадами высятся у каменных, забитых складами пристаней. В праздничные дни река наряжается в белое. Множество увеселительных парусных судов, ослепительно белых яхт идет на прогулку. В Голландии морской спорт — любимейшее занятие богатых...

В сокровищницах голландских городов, славившихся мастерством живописцев, хранится много прекрасных картин, подлинных художественных реликвий. Голландская школа художников-мастеров создала свой, непревзойденный жанр. На картинах старинных голландских художников с непревзойденным мастерством изображались предметы питания и торговли: рыба, овощи, фрукты.

Довольство, некогда служившее темой великим голландским художникам, осталось на потемневших полотнах. Уже по первому взгляду замечает теперь внимательный путешественник разительные контрасты в жизни страны. Всюду с неприкрытой очевидностью выступает здесь неприглядная нищета. Рядом с богатыми банками, с соборными богатыми купцов, с витринами, уставленными коллекциями алмазов, на боковых узких улочках можно видеть убогие лавки шарьевщиков. Голодные люди приходят сюда продавать последние свои лохмотья. Множество нищих бродит по улицам шумного города. Подражая английским порядкам, полиция запрещает им просить милостыню открыто. Городские нищие маскируются певцами, художниками, уличными продавцами картинок и фосфорных спичек. И особенно чудовищна нищета в европейских кварталах старинного Амстердама. Здесь, в прокуренных грязных подвалах, ютятся измученные нуждой люди, а по узким темным улицам бродят оборванные дети, судьба которых — голод и болезнь.

Секрет

(Продолжение)

К. Чуковский

Рис. К. Клементьевой

Глава VI. Битва и победа

Герб у меня на фуражке был такой: две дубовые ветки, а посередине две буквы и цифра — название нашей гимназии. Был он сделан из белого металла фразе. и потому назывался серебряным. Цена гербу тридцать копеек, но мама готова отдать за него несколько лет своей жизни, лишь бы он блестел у меня на фуражке. Мама знает, что тот, у кого на фуражке есть герб, может сделаться судьей, или важным чиновником, или инженером, или доктором, или профессором. А тот, у кого на фуражке нет этих белых, «серебряных» веточек, может во всякое время пойти в босаки и издохнуть в морозную ночь под эстакадой в порту. В лучшем случае из него выйдет биндюжник, или маляр, или банщик, или кузнец вроде Хацкеля Кура.

«Хатанга, Ангара, Индигирка», — продолжают повторять мои губы. Вот и дом Макри, вот и наша помойная яма, прикрытая железным листом. Страшно воротиться домой без герба. Но — счастье! — мамы нет дома. Мама и дядя Фома ушли на кладбище, на могилу моей тетки Елены, которой я никогда не видал, а кладбище далеко, за вокзалом, за Чумкой. Вернутся они часам к десяти, даже позже. Значит, мама и сегодня не узнает о нашей беде. Я расскажу ей обо всем завтра вечером, когда уедет дядя Фома. Или лучше послезавтра утром, в понедельник! А послезавтра — это так далеко, впереди еще 37 или 38 часов! Мало ли что может случиться за эти 38 часов!..

Конечно, я хорошо понимаю: радость моя безумна, надеяться не на что. Я знаю: 38 часов — ужасно короткое время, которое пролетит как минута. И все же мне очень приятно, что в квартире одна лишь Маруся.

Маруся, нахохлившись, сидит на диване. Глаза ее возлились в истрепанную, пухлую книгу. Книга называется так: «О чем че-

бетала ласточка?» Маруся читает ее чуть не двенадцатый раз.

— Возьми из духовки мамалыгу и рыбу и, пожалуйста, не мешай мне читать, — говорит она, не отрываясь от «Ласточки». Голос у нее сухой и отчетливый, будто она диктует диктовку.

Маруся — строгая, всегда занятая — разговаривает со мной свысока. Она считает меня легкомысленным лодырем. Я боюсь ее больше чем маму. Она первая ученица в епархиальном училище и уже зарабатывает ежемесячно четыре рубля, так как дает уроки племяннице мадам Чумаченко. Все хвалят Марусю за то, что она такая серьезная, и попрекают меня, зачем я не похож на Марусю. Одна только мама относится ко мне снисходительно и несмотря на все мои грехи и провинности любит меня нежнее чем ее. Маруся это чувствует, и для нее это большая обида.

После обеда она негромко подзывает меня:

— На твоем месте я принесла бы воды, потому что обе бочки абсолютно пусты.

Она любит слово «абсолютно» и другие книжные слова, каких никто кругом не говорит: «с точки зрения», «будучи», «отнюдь».

— Есть! — говорю я со смехом и сам удивляюсь: откуда у меня этот смех?

Будто и не было со мною несчастья.

Я беру зеленое ведро и, не надевая своей оскверненной фуражки, выбегаю на улицу.

Кран — в доме Петрококино, где волы, биндюги и биндюжники. Биндюги — это особые телеги, длинные и очень тяжелые. В каждую такую телегу впрягается пара волов, и рано-рано, еще до рассвета, два — три десятка телег медленно тянутся в гавань выгружать и нагружать пароходы. Рядом с волами шагают биндюжники, могут сложженные загорелые люди, в изодранных линиях рубахах. Весь день под жестоким солнцем они бегают по сходням с

семипудовыми мешками коринки, ванили, канифоли, зернового зеленого кофе, красного перца, винных ягод, маслин, миндаля. Запахами этих товаров они пропахли насквозь — запахами Турции, Греции, Малой Азии, Африки. Биндюжники любят меня (хоть и зовут гандрыбатым) и зачастую насыпают мне полную ж м е н ю¹ подсолнухов или сладких рожков.

Сегодня, впрочем, биндюжников нет: по случаю субботы они отправились в баню. Через минуту я уже с полным ведром снова шагаю по Рыбной. Возле дома Магнера я останавливаюсь отдышаться, ставлю ведро на панель, хоть и знаю, что мне угрожает опасность, потому что дом Магнера — особенный дом. В нем живут мои враги. Я никогда не решился бы войти в этот дом, так как твердо уверен, что там выкололи бы мне глаза, вырвали бы язык, отрубили бы уши.

Дом набит озорными мальчишками. Эти мальчишки с самых древних времен ведут с нашим домом войну.

Их предводитель — кузнец Хацкель Кур, и мы всех их называем «хацкелятами».

Когда кто-нибудь из нашего двора проходит мимо хацкелят с ведром воды, они стараются плюнуть в ведро или набросать туда дряни.

Мы, жители дома Макри (они зовут нас «макрюхами»), тоже не даем им проходу и пытаемся напакостить, как только можем. У хозяйского сына Кирьяка Макри есть рогатка, и он поражает из нее хацкелят, которые, проходя мимо нас, показывают нам язык или фигу.

Я страстно ненавижу их всех.

Особенно я ненавижу Фичаса, мальчишку лет четырнадцати, с длинной и узкой как огурец головой. Вот он притаился за уступом стены, в воротах, и подстерегает меня, выпятив рыхлое брюхо.

Я останавливаюсь за пять шагов и жду, чтобы на улице показали прохожие, которые защитили бы меня от него. Но улица пуста. Я перехожу на другую сторону, туда, где казарма. Из окна казармы глядят на меня офицер, равнодушный как чугунная тумба. Я бегу что есть силы вперед. Но вода выплескивается из ведра, и нужно замедлить шаги. В руке у Фичаса кизяк — крупный черный засохший воловий навоз.

— Опа-пà! — кричит Фичас как краснокожий индеец и скачет через улицу ко мне.

Я отбегаю к воротам казармы. Из ведра

выплескивается еще больше воды. Я ставлю ведро у стены. Фичас снова кричит «Опа-пà!» и сразбегу ударяет меня головой в живот. Я отлетаю к стене и с отчаянием вижу, как он швыряет в ведро весь свой кизяк. Я взвизгиваю и хочу вцепиться в его щеки ногтями. Но он опять отбрасывает меня к той же стене и победоносно кричит: «Опа-пà!»

Из окошка равнодушно глядит офицер.

И вдруг — о радость! — ко мне на помощь приходит могучий союзник. Он высказывает из казармы и налетает на врага как паровоз.

Это солдатский козел «Филимон», знаменитый на всю улицу забияка и пьяница.

Если люди ведут себя смиренно, «Филимон» никогда не вмешивается в их разговоры, но стóит кому-нибудь затеять хотя бы легкую драку — «Филимон» из козла превращается в тигра: налетает сразбегу на одного из дерущихся и бьет его сзади под коленки (не рогами, а лбом) с такой бешеной силой и, главное, с такой неожиданностью, что несчастный падает в ту же секунду.

Пьянствует «Филимон» лишь по праздникам. Заметит, что биндюжники идут мимо казармы в кабак, увяжется за ними, и его не отогнать никакими дубинами. Биндюжники с удовольствием поят его водкой, а иногда мокают в водку хлеб и кормят его этим проспиртованным хлебом, который он глотает с необыкновенной жадностью. Возвращаясь домой, он шатается из стороны в сторону, задевает за столбы, за фонари, как подгулявший биндюжник. И голова у него бессильно свисает к земле, и борода волочится по мостовой как метла. Мальчишки из соседних домов дразнят его, тормошат, хватают за рога и толкают, но он не обороняется, он кроток и тих как ягненок, добредет до казармы и сейчас же завалится спать на конюшню у ног Черемиса, полкового коня.

К счастью, сегодня он трезвый, и Фичасу не будет пощады от ударов его крепкого лба. Фичас падает ничком на панель, а он стóит над ним и трясет бородой, как Мелетий, и ехидно смеется:

— Ммме!

Фичас пытается встать, но «Филимон» опять бодает его под коленки, и он опять растягивается во всю длину на панели.

Я счастлив. Я прыгаю вокруг как дикий, а потом хватаю ведро и, закричав «Опа-пà!» (это наш воинственный клич), с восторгом выливаю всю грязную воду на голову лежащего передо мной Фичаса.

¹ Жменя — по-украински горсть.

Я кричу: «Опа-пà!» — и с восторгом выливаю ему на голову всю грязную воду.

Фичас фыркает, дрыгает ногами, захлебывается, потом поворачивает ко мне мокро красное отчаянно-злое лицо и пытается встать в третий раз. Но я нахлобучиваю пустое ведро на его дурацкую длинную голову и барабаню что есть силы по ведру кулаком:

— Опа-пà! Опа-пà! Опа-пà!

Фичас начинает реветь на всю улицу.

— Что ты делаешь, байстрок?! Оставь ребенка! — кричит мне из окна его мать.

Я еле удерживаюсь, чтобы не показать ей язык, хватаю ведро и бегу.

Победа наполняет меня торжеством. Стыдно сказать, но когда в ту ночь я засыпаю на складной моей койке, так и не дождавшись возвращения мамы, я думаю не об ужасном несчастье, случившимся сегодня со мной, а только о победе над Фичасом. И о том, как я буду хвастаться этой великой победой перед всеми мальчишками нашего дома. И о том, что сделать, чтобы завтра, в воскресенье, нам, макрюхам, разгромить в открытом бою хацкелят и взять в плен их предводителя Хацкеля Кура.

Это давняя наша мечта — отомстить ненавистному Хацкелю Куру за все его обиды и злодеяния. Странное дело: Хацкеля Кура мы ненавидим всем сердцем, но только по праздникам. А в будни мы готовы часами стоять неподвижно у порога его кузницы и с почтительным любопытством следить за всяким движением его проеденных копытою рук. В это время мы даже любим его. Но в праздники, когда, смыв с себя сажу, он припомадит волосы, наденет лимонного цвета рубаху и, набросив на широкие плечи голубой пиджачок, который называется твинчик, выйдет за ворота погулять с хацкелятами, он сразу становится нашим врагом, точно это другой Хацкель Кур.

Прищуренные, узкие, китайские глаза, хитроватая, кривая усмешка и зловеющая молчаливость пирата. На нас, макрюх, он никогда не глядит, никогда не разговаривает с нами и от этого кажется нам еще страшнее. Хацкелята — его верная шайка. Взрослые считают его сумасшедшим, потому что он играет только в детские игры и водится только с мальчишками. Поглядели бы вы, как во время дождя он плещется в лужах босыми ногами, как он бежит вместе с оравой своих хацкелят за шарманщиком, показывающим по дворам обезьянку, как он дразнит индюка, живущего во дворе у мадам Чумаченко! Хацкелята за него — в огонь и воду. Любят его больше чем

своих матерей и отцов. А матери и отцы у хацкелят — важные люди. И важнее всех — знаменитый квасник, бородач Гий Ермолай Пантелеев, владеющий квасными будками на всех перекрестках города. У него семь сыновей, и пятеро из них — хацкелята: Ванька, Володька, Игнашка, Андрейка и даже семилетний Николка. Фичасом называется самый воинственный из них, придурковатый Игнашка, потому что, когда его зовут домой, он кричит в ответ не «сейчас», а «фичас».

Любимое занятие Хацкеля Кура — пускание змея. Из этого мирного занятия он сделал себе разбойничий промысел. Когда его змей пущен в небо, никто из нас и думать не смеет пустить своего змея в тот же час, потому что змей Хацкеля Кура как бешеный налетает на нашего, берет его в плен или уничтожает его. Змей Хацкеля Кура могуч и огромен и гудит во время полета как сотня шмелей. Пускают его в небо не на нитке, а на «английском шпагате», которого не перервать и силачу. Хацкель Кур чувствует себя единственным хозяином неба, и перед ним наши бедные змеи все равно, что воробы перед коршунном.

Теперь, засыпая, я думаю то, что думал уже тысячу раз: «Как было бы хорошо, если бы мне удалось (вместе с Лёнькой Алигераки и Муней) соорудить такого сильного змея, который схватил бы в небе с врагом и победил бы его!» Был бы у меня английский шпагат — о-го-го! — показал бы я Хацкелю Куру! С этой веселой мечтой я заснул.

Глава VII. „По-христиански, по-братски!“

Но в воскресенье я проснулся печальный.

Великая победа над Фичасом показалась мне далеким и неинтересным событием. Схватка с Хацкемом Куром потеряла для меня всякую прелесть. Зато до малейших подробностей вспомнилась вчерашняя катастрофа в гимназии, и я чуть не вскрикнул от боли. Вскочил с постели и, не умываясь, помчался во двор, подальше от мамы, чтобы по моему жалкому виду она не догадалась о нашей беде. Под квартирой был погреб. Я приподнял его тяжелую дверь.

— Куда?! — закричала Маруся, не отрываясь от книги.

— К ежика!

Но ежика я даже не искал. Я сейчас же забыл о нем, сел на поломанный ящик и застал как большой. Какое горе! Какое ужасное горе! Мне казалось, что нет на

всей земле человека несчастнее меня, что никогда в жизни я уже не буду смеяться, что я с охотой сейчас же лег бы в гроб, лишь бы не испытывать такого мучения.

Этот гроб представился мне с необыкновенной ясностью. Он стоит на коротеньких ножках в «гостиной», наискосок от окна, белый с золотыми кистями, а кругом венки, и цветы, и атласные ленты. И на лентах надписи красными буквами:

«Незабвенному товарищу от пятиклассников шестой гимназии».

«Безвременному погибшему брату».

«Лучшему другу от Леки Курындиной и Риты Вадзинской».

Я лежу в гробу с замученным лицом, и все любовно глядят на меня.

— Отчего он умер? — спрашивает Маруся мадам Чумаченко.

— Ах, — отвечает она, — он был такой гордый. Такой благородный, а мы были абсолютно несправедливы к нему.

И она прижимает к глазам мокрый от слез платок. Только теперь ей становится ясно, какой у нее был замечательный брат.

Сзади всех, сгорбившись и приподняв воротники, точно воры, стоят Шестиглазый и Прошка. Носы у них распухли от слез, щеки стали серыми как глина, волосы всклокочены, губы дрожат.

— Они, они виновны в его смерти! — грозно кричит Блохин.

Они горбятся еще сильнее и глядят исподлобья. Глаза у краснорылого Прошки виновато-испуганные, как у нашкодившей собаки, которую собираются бить.

— И я, и я повинен в его гибели! — говорит с тоской поп Мелетий.

Но кто это хнычет над моим изголовьем? Зюзя Козельский! Слезы его льются ко мне в гроб и обильно поливают мои мертвые щеки.

— Меня, — всхлипывает он, — подучил Валька Тюнтин, а я сказал на него, на покойного... А он ни в чем невиноват! О! О!

И Зюзя плачет водопадами слез.

Зрелище моей собственной смерти доставляет мне большое удовольствие. Я мало-помалу успокаиваюсь.

— Еще не все потеряно! — говорю я себе. — Я пойду к Зюзе и к Тюнтину, пусть они сейчас же заявят Бурмейстеру, что меня исключили неправильно, что во всем виноваты они. Бурмейстер ошибается, Бурмейстер не знает, Бурмейстеру кажется, что на всю его гимназию я самый большой негодяй. Но негодяи они, а не я, и нужно

вывести их на чистую воду!.. Вот это будет здорово! — говорю я себе. Слезы мои мигом высыхают. — Вот это будет здорово, честное слово!

Я вскакиваю и начинаю шагать в темноте. Погреб заканчивается длинной пещерой, ведущей неизвестно куда. Пещера усеяна осколками угля, которые тускло блестя под ногами.

Как только Бурмейстер узнает, что ему нужно сердиться не на меня, а на Тюнтину, он пошлет ко мне Прошку, и Прошка, пьяненький, придет ко мне и скажет:

— Возвращайтесь, милорд, в гимназию... и позвольте мне на минуточку вашу фуражку...

И вденет в нее новый гимназический герб.

Мне становится так весело, будто все это произошло на самом деле.

Сердце мое прыгает от радости, и я весело бросаю в пещеру целые пригоршни угля.

Через минуту я выбегаю из погреба и по дороге к воротам что есть силы ударяю двумя каблуками по железному листу нашей ямы.

Лист звенит на весь двор. На крыльцо выбегает Маруся:

— Куда ты?

— Я недалеко! Я сейчас!

Скорее к Тюнтину, к Зюзе Козельскому! Мимо дома Магнера мне не пройти: там подстерегают меня хацкелята, жаждущие отомстить за Фичаса. Нужно пробираться обходными путями, по Старопорто-франковской улице. Я бегу как на пожар, и мне кажется, что все мое спасение в том, чтобы добежать возможно скорее до Тюнтина.

Вот и его дом, трехэтажный, на Приморском бульваре. Над воротами зеленая табличка:

«Дом вдовы подполковника Аглаи Семёновны Тюнтиной».

Я взбегаю по мраморной лестнице—первая дверь направо — и дергаю за ручку колокольчика.

Тюнтин еще не встал. Тощая горничная в грязном переднике вводит меня в крохотную комнатку:

— Подождите!

Я долго сижу в одиночестве, и меня окружают Тюнтины: Тюнтин на велосипеде, Тюнтин в матросском костюме, Тюнтин пятимесячным младенцем, Тюнтин верхом на пони, Тюнтин с матерью, Тюнтин

с собакой — десятка два фотографических карточек, изображающих Тюнтина.

«Куда столько Тюнтиных?!» — думаю я с удивлением.

Но тут вбегает низенькая женщина в лиловом капоте, очень похожая на добродушную жабу. Бровей у нее нет, все лицо в бородавках.

Это мать Тюнтина, хорошо известная всем гимназистам своей пылкой влюбленностью в сына. Она постоянно провожает его к воротам гимназии, и крестит, и целует его на прощанье, так что прохожие смеются над ней, а Валентин упрямо буркает ей злые слова и скорее убегает в подворотню. Ему совестно, что она его мать, что она такая толстая, что у нее бородавки, что она зовет его «бэби» и «солнышко».

— Он у меня хрупкий! — твердит она каждому, а он здоровый, сонный, тупой и надутый.

Мы в гимназии зовем его мурлò.

Самое имя его «Валентин» она произносит особенным голосом, на французский манер: «Валентэн».

— Валентэн еще спит! Я его не бужу. Пусть хоть в воскресенье подремлет! Он у меня такой неврастеник! (она говорит: «нэврастэник»).

В ее голосе слышится гордость, как будто бы «нэврастэником» — большая заслуга.

Я хочу сказать ей, зачем я пришел, но она подбегает к висящим на стене фотографиям и подробно рассказывает о каждой из них:

— Вот это Валентэн в Ай-Тодоре, в Крыму, под своим любимым кипарисом! А это в ванночке, голеный, когда ему было одиннадцать месяцев. А это на елке у графа Капниста... А это отец Валентэна, мой муж, когда он был оберполициестером в Риге. Вылитый Тургенев, не правда ли?..

Я мрачно молчу и жду, когда она хоть на секунду умолкнет, чтобы я мог сказать ей, зачем я пришел. Но она без всякой паузы спрашивает:

— А ваш отец... скажите... он тоже военный?

— Отца у меня нет,— говорю я краснея.

— То есть как это так: нет отца?

Я еще сильнее конфужусь и виновато молчу. Всякий раз, когда кто-нибудь спрашивает меня об отце, я испытываю отчаянный стыд.

— Где же ваш папа?.. Умер?

— Нет, он жив... Только мама... Только он... Я его ни разу не видел...

Она хмурит напудренный лоб, и глаза ее теряют свою сладость:

— То есть как это: «ни разу не видели»?

Я беру со столика тяжелую, чугунную пепельницу и в смущении верчу ее в руках.

— Так, так, так! — многозначительно говорит мадам Тюнтина и, взяв у меня из рук чугунную пепельницу, ставит ее со стуком обратно на стол.

— Что же вам нужно от моего Валентэна?

— Видите ли,— говорю я волнуясь.— Шестиглазый... то есть наш директор Бурмейстер... выгнал меня вчера из гимназии за то, что я будто бы подучил одного... вы его не знаете... Зюзю Козельского... подделать отметки... и закопать свой дневник. А я тут не при чем. Это сделал Тюнтин... ваш сын... Валентин... Вот я и хочу, чтобы он завтра сказал Шестиглазому, что меня исключили... неправильно...

Мадам Тюнтина вскакивает, словно ее укусила гадюка.

— Валентэн! — зовет она. — Валентэн! Валентэн!

Из всех моих слов она поняла лишь одно: что я угрожаю ее Валентэну какой-то бедой.

В дверях появляется Тюнтин, надутый и сонный. Его лицо выражает непробудную скуку.

— Тюнтин! Тюнтин! — говорю ему я.— Твоя мама не знает, но ты ей скажи... Ты скажи Бурмейстеру и всем. Ведь я из-за тебя... Ведь это ты... Ведь не я же это сделал, а ты... А если ты не скажешь, Валя Тюнтин...

Он спокойно глядит на меня, как я размазываю по щекам свои слезы грязными от угля кулаками, бормочет мне какие-то невнятные слова и скучающей, неторопливой походкой уходит в соседнюю комнату. За ним семенит его мать. Из комнаты доносится ее взволнованный шопот.

Наконец, оба возвращаются, и у обоих такие светлые, добрые лица. Мадам Тюнтина порывисто подходит ко мне, согревая меня теплой улыбкой, и гладит меня по рукаву моей куртки:

— Перестаньте же... ну перестаньте же плакать... ну перестаньте же... ну не надо, ну не надо, пожалуйста! Все будет хорошо... вы увидите...

Я смотрю на нее с надеждой и радостью.

— Эх ты, мурло! — говорю я, задыхаясь от ярости.

— О Валентэн... вы его не знаете... он такой... как это говорится? Отзвучивый... И вот мы решили по-христиански, по-братски.

И, внезапно разжав мой кулак, она сует туда скомканную пачку бумажек. По всем ее бородавкам разливается нежность.

Я оторопело гляжу на бумажки. Это пятирублевки. Их семь или восемь.

— Бери, бери, пригодятся! — покровительно говорит Валентин, чувствуя себя моим благодетелем.

— Как пригодятся? Куда?

— Видите ли, мой дорогой, — медовым голосом лепечет мадам Тюттина, — у вас начинается новая жизнь... Теперь, когда вы ушли из гимназии...

— То есть как это: ушел из гимназии? Ведь если Тюттин, если Валентин, если он...

— Ну зачем вам гимназия? — мягко перебивает она. — Я говорю вам любя... от души... ради вашей же пользы... Вы даже не знаете, кто ваш отец... А Валентэн... Нельзя же разбивать его карьеру! Он будет послан, да, да, да! Губернатором... генерал-адъютантом... Он, с таким аристократическим профилем... у него...

— Значит, по-вашему, я должен сказать Валентину спасибо за то, что он делает мне, своему товарищу, подлость?

— Товарищу? — широко улыбается Тюттина-мать, становясь еще больше похожей на жабу. — Извините, вы сами должны понимать: какой же вы товарищ моему Валентэну? Ваша мамаша, мне сейчас говорил Валентэн, стирает сорочки для мадам Чумаченко...

Тут меня охватывает бешенство. Мне хочется ударом ноги опрокинуть мраморный столик с чугунною пепельницей так, чтобы все загремело кругом, и больно отхлестать Валентина по его сонным щекам.

— Ах ты мурло, ах ты мурло, ах ты мурло тупорылое! — говорю я ему, задыхаясь от ярости. — Ах ты мурло!

В ожидании затрецины он прикрывает свой «аристократический профиль» руками.

Мадам Тюттина бросается ко мне, чтобы защитить своего Валентэна, но я отталкиваю ее и, кинув в пепельницу комок ее денег, выбегаю из комнаты, не переставая твердить:

— Ах ты мурло, ах ты мурло тупорылое!

Глава VIII. Дракониди

«Еще не все пропало! К Козельскому!» — говорю я себе, но куда девалась моя недав-

няя бодрость? Согнувшись в три погибели, еле передвигая ногами, я безнадежно бреду к Воронцовскому саду.

Козельские живут в двух шагах от своей великолепной аптеки. Их окна выходят во двор. Двор старинный, тихий и тенистый. Перед окнами небольшой палисадник. В палисаднике весело толпится народ и заглядывает в комнаты, будто там свадьба.

Я подхожу к окну, и первое, что я вижу, — глаза. Выпученные, налитые кровью. Страшные глаза, словно два револьвера. Глаза направлены на Зюсю Козельского, который скрючился за спинкой большого дивана, отодвинутого косяком от стены. Зюзино лицо мне не видно, но даже его затылок выражает испуг. Глаза принадлежат его отцу, аптекарию Сигизмунду Козельскому. Это приземистый гном с огненно красными щеками, без шеи. Вся мебель сдвинута с места, перевернута как во время пожара. Можно в первую минуту подумать, что у отца с сыном происходит игра: отец гоняется за сыном по комнатам, а тот, убегая, подставляет ему в шутку то столик, то ширму, то кресло, то стул. Издали это могло бы показаться цирковым представлением, если бы отец не был так разъярен, а сын не был так ужасно испуган. Теперь их обоих разделяет последняя баррикада — диван. Всякий раз, когда отец хочет обойти его справа, сын, не спуская с него настороженных глаз, ускользает вдоль дивана влево. Стоит отцу ринуться влево — сын оказывается на правом конце. Это повторяется раз двадцать подряд в глубоком молчании.

— От хобора! Не хочет уважить отцу! — негодуют в толпе на Зюсю.

Но отец всем своим туловищем — плечами и грудью — налегает на спинку дивана, диван надвигается прямо на Зюсю и гонит его в угол. Зюзя пятится и попадает в западню. Он пробует прошмыгнуть под диваном, но отец хватает его за штаны и выволакивает на середину комнаты как тряпичную куклу.

Мне становится страшно, и я закрываю глаза. Толпа еще теснее придвигается к окнам.

Я убегаю в подворотню и вижу белобородого дворника, который сидит на завалинке и ласково гладит большого кота, мурлыкающего у него на коленях.

Я очень застенчив и боюсь разговаривать с дворниками. Дворники, швейцары, городовые и даже кондукторы конки внушают мне непреодолимую робость. Но

этот дворник так мягко, по-старушечьи гладит кота, что я осмеливаюсь попросить его, чтобы он поскорее пошел за полицией.

— Тут полиции не требуется, — возражает он украинским голосом, лениво и ласково. — Батко лупце дыгыну, щоб була розумніше¹. Какая же тут полиция? На то он и батко.

Голос у старика задушевный. Кот под его доброй рукой мурлычит, как будто воркует.

Я медленно выхожу на Соборную площадь. Мне жалко Зюю, но еще больше мне жалко себя. Значит, мое дело пропащее. Не пойдет Зюзя завтра к директору и не скажет ему правды о Тютнине. Теперь он запуган досмерти, теперь от него уже ничего не добьешься: три дня он будет плакать и дрожать по-собачьи. Что же мне делать? Куда мне идти? С кем посоветоваться? Бедная моя мама! А эта зеленая жаба, какие гнусные у нее бородавки! И как влюблена она в своего Валентэна!

Часы на заборе показывают без четверти два. Значит, мне осталось всего шестнадцать часов. Что же мне можно сделать за шестнадцать часов?

Дома я застал одну Марусю.

Маруся глянула на меня с унылым упреком: существуют же такие жалкие люди («суб'екты», как она говорила), которые целыми днями шатаются чорт знает где. Я почувствовал себя виноватым перед ней (это было мое постоянное, привычное чувство) и спросил еле слышно, где мама.

Маруся, не отрываясь от книги, сказала своим отчетливым голосом, чтобы я не притворялся юродивым, так как мне отлично известно, что сегодня в полдень дядя Фома уехал к себе в деревню и что мама провозжает его до Аккерманской заставы.

Тут я почувствовал себя и вправду преступником. В семье издавна установился обычай, что всякий раз, когда дядя Фома уезжает из нашего дома, мы с мамой провозжаем его до Аккерманской заставы, а потом заходим к «длинной Лизе», и «длинная Лиза» всегда говорит мне: «Ой, как ты вырос невроку!» — и убегает в лавчонку и приносит мне серые, засиженные мухами, каменно-твердые мыльные пряники, и я, ломая себе челюсти, грызу эти пряники всю дорогу домой.

«Длинная Лиза» питает к маме благодарные чувства, потому что мама когда-то

давно, когда в городе был еврейский погром, спрятала ее в нашем погребе в кадке, которую сверху прикрыла капустой.

Эта кадка долго еще существовала у нас и называлась «лизина кадушка». И вот теперь мама идет от Аккерманской заставы одна, без меня, и дядя Фома уехал, и я не поцеловал его в его усатые губы и даже не видел, какие гостинцы купила ему мама для его жены и детей. Впрочем, гостинцы эти почти всегда одинаковы: полголовы сахара, четверть фунта чаю, липкие конфеты в бумажках под названием «Царский букет» и голубой или канареечный ситчик, купленный на распродаже у Пташниковых.

Я ушел на кухню. Меня сильно знобило. Я, должно быть, простудился. Хорошо бы выпить горячего чаю! Я решил пойти за кипятком. В казарме через дорогу был куб. Солдат за копейку наляет мне полный чайник горячей воды. Я нащупал в кармане копейку, взял со стола чайник и вдруг увидел, что под чайником записка. Развернув ее, я прочитал:

«Приходи к Дракондиди! Важное дело. Блохин».

Я схватил пальто и фуражку и выбежал во двор, пригибаясь под окнами, чтобы меня не увидела Маруся.

Я ни разу не бывал у Дракондиди. Дракондиди — тайный гимназический клуб. Все в гимназии знают о существовании этого клуба, но говорят о нем шопотом. Там второгонники Моргулис и Курц пьют водку из бутылки от хлебного кваса. Там пучеглазые братья Бабенчиковы играют в «черного Петьку» и в подкидного осла. Там Степа Бугай всякий раз, когда ему удается похитить у отца трехрублевку, об'едается пирожными и мороженым, угощая Зуева и своего брата Володю, второгонника из пятого класса. Там прячутся от Барбоса «казенчики».

«Казенничать», или «править казну», — это значит околачиваться в каком-нибудь месте (чаще всего в парке или на морском берегу), когда тебе полагается сидеть в своем классе.

Ты, например, не приготовил урока по физике, и тебе грозит единица. Ты берешь ранец и уходишь как будто в гимназию. Но, пройдя две — три улицы, сворачиваешь в сторону и воровски пробираешься в потаенное место, где проводишь все время учения. А потом приходишь домой и бессовестно лжешь родным. Те «казенчики», у которых есть деньги, проводят

¹ Отец колотит сына, чтобы научить его разуму.

свои дни у Дракондиди. Там они угощаются, играют в карты, в лото, в домино или спят.

И гимназическое начальство ни разу не накрыло их в этом притоне, хотя бывало, что в день какого-нибудь трудного урока там собиралось их сразу до десяти человек. Они даже заранее сговаривались завтра, с утра, всей оравой пойти к Дракондиде.

А однажды тот же Степа Бугай пригласил к Дракондиде весь класс. Случилось это так. Был последний урок — французский. Нужно было читать молитву после учения. Степа Бугай смело вышел вперед и, пользуясь тем, что мсье Лан не понимает по-русски, произнес тем голосом, каким в церкви читают молитвы: «Аще кто не хочет получить по-гречески кол, да похитит у родителей полтинник и скроется в вертепе Драконди-ди!» И набожно смотрел на икону и, не переставая, крестился.

Лан, воображая, что это молитва, с благоговением потупил глаза, чтобы показать, как он уважает чужую религию.

О Дракондиде мне много рассказывал Муня Блохин, так как он каждую пятницу играл там в шахматы с горбатым реалистом Иглицким.

Клуб помещается в задних комнатах «Заведения искусственных минеральных вод», на Маразлиевской улице, против станции конки.

Я бегу туда с такой поспешностью, будто знаю наверняка, что стоит мне добежать, — и все мои несчастья кончатся.

Издали сверкает сине-белая вывеска, освещенная языками голубовато-желтого газа: «Искусственные воды и сиропы Ф. М. Дракондиди», — и на вывеске нарисован сифон, из которого веером брызжет вода. Я толкаю дверь и вхожу в магазин. Звонко, приколоченный к двери, дребезжит горладо громче, чем я ожидал.

Первое, что я вижу, — синяя лысина и черная борода Дракондиди. Борода ассирийская, квадратная, крашенная. Из ее щачи выплывают маслянистые ярко пунцовые губы.

Дракондиде стоит за стойкой и чистит мелом какие-то ложки. Перед ним стеклянные колонки с сиропами: ананасовым, шоколадным, вишневым, ванильным, малиновым, апельсиновым, мандариновым и даже почему-то тюльпаным. Венчает колоннаду сиропов огромный бумажный букет.

Но где же клуб? Где великолепная тайная комната, о которой так много говорил мне Блохин? За спиной у Дракондиди ни-

какого подобия двери. Гладкая стена. На ней ковер. На ковре афиша:

«Цирк Мануила Герцога. Братья Фернандо и Танти Бедини».

— С сиропом или без? — спрашивает у меня Дракондиде, бросая ложечку в высокий стакан.

— Нет, мне не воды... я другое... Меня позвал сюда Муня Блохин.

Дракондиде хмурит кустистые брови:

— Как вы говорите? Блохин?

— Из шестого класса. Из пятой гимназии. Муня.

— Блохин — это такая фамилия? Может быть, Сегаль или Шнейер?

— Нет, Блохин... Самуил... Вы его знаете... Муня... Он у вас играет в шахматы с этим... с горбатым. С Иглицким... Я знаю всех, кто бывает у вас: Курца, Моргулиса... обоих Бабенчиковых.

Лысина Дракондиде из синей становится красной.

— Вы сумасшедший, накажи меня бог! У меня тут лимонады и сиропы, а он шутит какого-то Курца с Моргулисом!

Должно быть, я ошибся. Блохин рассказывал мне, что все это «Заведение искусственных минеральных вод» есть лишь одна декорация, а главное — там, за кулисами, в темной комнате с закрытыми ставнями. Но, может быть, есть какой-нибудь другой Дракондиде?

Я выхожу на улицу, долго стою под акацией и бессмысленно смотрю на ворота, на которых написано мелом:

«Юзя любит Раю Глузман».

Рядом с Дракондиде помещается конфетная фабрика «Глузман и Ромм», и там, внизу, в подвальном этаже этой фабрики, сидят у решетчатых окон сорок или пятьдесят исхудалых девчонок, в страшной тесноте, за длинным и липким столом и, раскачиваясь всем корпусом, при свете двух керосиновых лампочек с быстротой машины обертывают клейкие карамельки бумажками, на которых написано: «Царская роза», «Фабрика Глузман и Ромм». Тут работает Паня Голикова, которая училась когда-то с Марусей в епархиальном училище, но ее исключили из третьего класса, и теперь она ежедневно просиживает в этом подвале по двенадцать—пятнадцать часов, и сын нашего домохозяина Спира Макри говорит, что она скоро умрет, а он хорошо понимает в болезнях, потому что он студент медицины.

Перегнувшись через жидкие перильца, сделанные из водопроводной трубы, я гля-

жу в подвальное окно и пытаюсь отыскать Паню Голикова.

Но тут меня окликает Блохин. Я поворачиваю голову, он стоит рядом со мной и с любопытством заглядывает в то же окно. Я даже не заметил, как он появился у этих перил.

— Муня,— говорю я ему,— должно быть, есть другой Дракониди.

Но Муня ухмыляется, произносит свое любимое «пфа!», ведет меня обратно в «Заведение искусственных вод» и кладет на стойку два двугривенных — за меня и за себя,— и Дракониди, к моему удивлению, здороваются с ним как с приятелем и поднимают ковер, тот самый, к которому прикреплен цирковая афиша, и за ковром я вижу невысокую дверь, обитую рваной клеенкой.

— Осторожно, ступенька!— говорит Дракониди, обнажая сахарно-белые зубы, и я как в яму проваливаюсь в темную полуподвальную комнату, где пахнет дымом, рыбой, уборной, керосином и сыростью.

Когда глаза привыкают к потемкам, я вижу кудлатого парня с цыганским лицом, который жарит на керосинке бычков. По словам Муни, это брат Дракониди (я уже слышал о нем), глухонемой водопроводчик или слесарь, по имени Жора. Справа, у стены, занавеска. Из-за занавески доносится храп. Где-то поскрипывает жестяной вентилятор. Или, может быть, это льется из крана вода?

Вот он какой, клуб Дракониди, о котором рассказывали мне столько чудес! Я почему-то был уверен, что тут позолота и бархат, а тут засаленные столы, шелуха от подсолнухов, пыль и такая вонь!

Мы усаживаемся с Блохиным в дальний угол. По нашему столу пробегает прусак.

Прямо против двери висит лубочный портрет царя — дородного мужчины с большой бородой. Этот царь умер два года назад, но его портреты все еще продолжают висеть во всех трактирах, парикмахерских, полицейских участках.

Глухонемой тотчас же подает нам на черном подносе два стакана мутноватого чаю с солеными булками, какие подают только к пиву.

— Этот Жорка — артист, ой-ой-ой! — говорит подмигивая Муня.— Дать ему три папироски — и он проглотит вон того прусака... даже двух...

— При чем тут прусаки, Муня? Ты меня звал... Я пришел... А ты о каких-то прусаках... папиросах.

Муня смеется:

— Да, да! Мы с Тимошей придумали... То есть придумал Тимоша... Замечательный план... вот увидишь... Сейчас придет Тимоша, он расскажет...

Но улыбка у Блохина невеселая. Или, может быть, просто рассеянная? Разговаривая со мной, он вытянул шею и смотрит не отрываясь в ту сторону, где стоит на табуретке керосинка. Я не заметил, откуда и как подле керосинки появились какие-то трое. Я глядявваюсь в них. Это наши из шестого класса. Вздуродорженные, потные, машут руками и громко говорят все зараз. Бурно обсуждают вчерашнее приключение с кошкой.

— Настоящий бунт!—восхищается Муня.

Он знает все подробности «бунта» и рассказывает их мне и двум—трем гимназистам, пересевшим из-за соседнего столика.

«Бунт» произошел после того, как Шестиглазый, закончив свою длинную речь, приставил руку ко лбу козырьком и сказал:

— Пусть тот, кто принес эту кошку, сам встанет и признается во всем.

И тогда случилось неожиданное: встали все, как один человек.

— Вы не поняли! — мягко сказал Шестиглазый. — Кто не принимал в этом деле участия, продолжайте сидеть на местах. Пусть встанет только тот, кто виноват.

Все продолжали стоять.

Шестиглазый насупился. Наступило молчание. Потом он пошел по рядам и стал тыкать пальцем то в одного, то в другого:

— Это сделал ты?

— Я.

— А ты почему же стоишь?

— Потому что это сделал я.

— Но почему же стоит Кондурушкин?

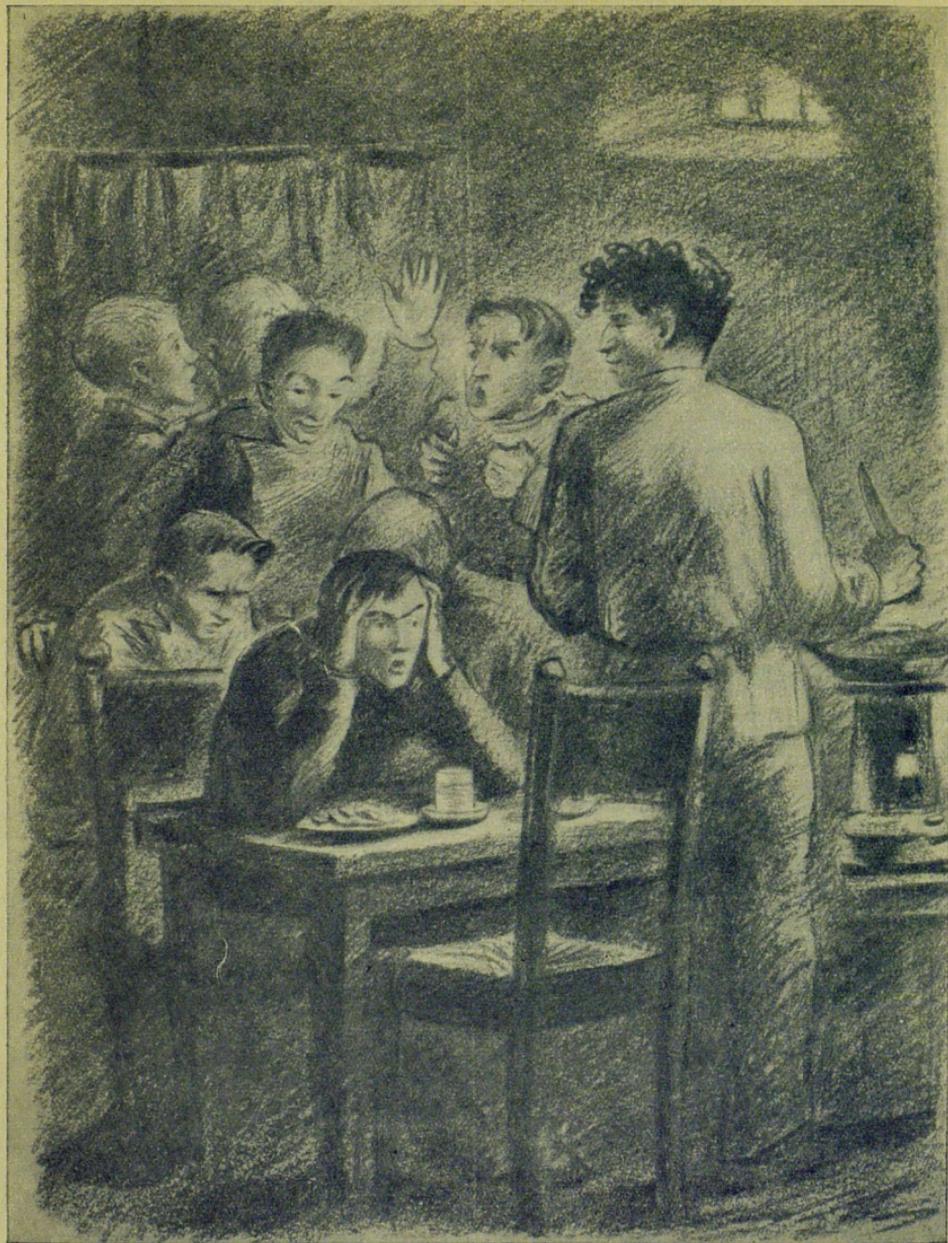
— Это сделал я,— тотчас же заявил Кондурушкин.

Шестиглазый обратился к первому ученику, к Супруненко, и первый ученик Супруненко, глядя ему в глаза ясными своими глазами, твердо сказал:

— Это сделал я.

— А, вы так!— со смехом сказал Шестиглазый.

Он даже как будто обрадовался, что дело приняло такой оборот, и произнес новую, очень красивую речь, угрожая преступникам чуть не Сибирью за бунт. Но преступники продолжали стоять на своем. Тогда он заявил, что дает им срок до вторника и, если в течение этого срока они не выдадут своих к о н о в о д о в, он исклю-

«Коноводы» спорят и стучат по столу кулаками.

чит их всех, до одного... и пускай они идут в свинопасы!

«Коноводы» (в тот день я впервые услышал это слово) собрались теперь здесь, у керосинки, и спорят и стучат по столу кулаками...

Впрочем, у меня так сильно болит голова (должно быть, от чада и голода), что вскоре я перестаю понимать их.

Одно только чувство сохранилось во мне: жажда поскорее увидеть Тимошу. Мне кажется, что едва передо мной возникнет его курносое, ушастое лицо, голова у меня сразу перестанет болеть.

Отчего же он не идет? И что он такое придумал, чтобы мне вернули мой герб? И с каким видом войдет он сюда? Веселый или грустный, с нахмуренным лбом? И почему он не пришел с Блохиным?

Тускло светится в темной стене обитая рваной клеенкой дверь, я с жадностью смотрю на нее и ненавижу каждого человека, который появляется в ней, за то, что этот человек — не Тимоша.

Я знаю, что мое дело пропащее, что, сколько ни думай, все равно ничего не придумаешь, и все же с надеждой гляжу в темноту и прислушиваюсь к каждому звонку, доносящемуся сверху из лавки, где сверкает черная борода Дракондида.

— Муня! Что же вы придумали, Муня? — минутно приставал я к Блохину.

— Увидишь, — рассеянно отвечает Блохин, и я с негодованием чувствую, что думает он о другом. Такой у него непостоянный и суетливый характер!

В самый разгар перебранки с двумя коноводами он убегает к стене против двери и под портретом царя играет с каким-то черномазым в орлянку.

Потом долго ищет на грязном полу закатившийся гривенник.

Потом садится на корточки и рассматривает уродливые фотографии «алжирских красавиц», которые при свете керосинки глухоноемой показывает братьям Бабенчиковым.

Потом подходит к столику, где обедают шоколадной халвой Володька и Степа Бугай, и, дирижируя бубликом, поет вместе с ними свирепую песню о нашем надзирателе Галикине (он же Барбос):

«У Галикина колит,
У него живот болит!
Это очень, это очень
Это очень хорошо,
Заме-ча-тельно!»

Потом подбегает к Зенкевичу, собирает лю марок, и меняет у него «Кубу» на «Яву».

Нет такого человека, мимо которого он мог бы пройти, не затеяв с ним игры или дела. Он нужен каждому, и каждый — ему.

Во всей этой толпе только и слышно:

— Мулька!.. Муля!.. Блохин!.. Самуил!..

И скоро мне начинает казаться, что в комнате не один Блохин, а пять или шесть.

По всем моим внутренностям проходит отвратительной волной тошнота.

Я не знаю, ночь на дворе или день, лето ли, зима ли. Мне кажется, что я уже целые годы сижу в этой вонючей дыре и умру, не дождавшись Тимоши.

Мне кажется, что, чуть я увижу его веснушчатое и милое лицо с единственными в мире ушами, растопыренными до последней возможности, меня перестанет мутить.

— Где Тимоша? — говорю я Блохину.

Но он не слышит: он примостился к соседнему столику и играет в шахматы с горбатым Иглицким.

Глава IX. Нечаянная встреча

Удивительную кличку мы дали Тимоше в гимназии. Мы назвали его: «У Меня Инда Сердце Трепещет».

Кличку эту получил он давно, еще в первом классе, когда в старом здании, на Пушкинской, случился пожар. Тимоша был тогда новичок. Он только что приехал из Архангельска.

Увидев горячие стены соседнего класса, он побледнел и сказал:

— У м-м-меня инда сердце т-трепещет! (и даже не т р е п е щ е т , а т р я п е щ е т).

И мы несмотря на испуг рассмеялись: таким необычным показалось нам это «инда» и это «тряпещет». С тех пор мы так и прозвали его.

Всем своим «тряпещущим сердцем» он крепко привязался ко мне. Почему привязался, не знаю. Может быть, потому, что еще в те ранние годы, когда он появился в гимназии, я единственный выслушивал до конца его длинные речи и не убегал после первых же слов. Как и все заики, он страстно любил говорить. Но никто из товарищей не слушал его, так как, заикаясь, он брызгал слюной и мучительно выдавливал из себя каждую букву. Я же по целым часам не отходил от него: ведь он, единственный из всех моих знакомых, мог рассказать мне о контрабандистах (живых, настоящих!), которых он видел своими глазами, так как

отец его был заведующим черноморской таможней. И какими красивыми, гордыми, дерзкими выходили эти смельчаки в его рассказах! И как ловко убегали они от полиции!

И вскоре случилось чудо, которого я до сих пор не могу объяснить: разговаривая со мной, Тимоша почти перестал заикаться. Мы подружились и начали запоем читать из недели в неделю чудесный журнал «Вокруг света», который выписывал ему отец из Москвы, о пиратах, людоедах, следопытах, ковбоях, огнедышащих горах и африканских миражах.

У меня до сих пор сохраняется «Всадник без головы» Майн Рида, подаренный мне Тимошей на двенадцатом году моей жизни...

— Сюда! Сюда! «У Меня Инда Сердце Трепещет!» — вдруг вскрикивает Муня Блохин и бросается к двери, где на высокой ступеньке стоит, растерянно щурясь, Тимоша.

Я тоже бегу к нему. Оказывается, его долго не пускал Дракондиди, и он чуть не силой ворвался сюда. Его беззубый рот улыбается мне как всегда, но глаза его тоскливы и тревожны. Русые волосы потемнели от пота.

— Ну, Тимоша, говори же, говори!

— Айда за занавеску! — предлагает Блохин.

Мы идем за занавеску. Там никого нет. Только на длинной скамье растянулся какой-то пьяный. Голова его, прикрытая шинелью, лежит на сундуке, к которому примыкает скамья. Тут же, на сундуке, стоит свечка, рядом — пустой полуштоф.

Похоже, что спящий задался единственной целью — щегольнуть перед слушателями всем разнообразием храпов, какие только есть в его горле. Он храпит то нежно, то взрывчато, то со свистом, то с рокотом, то даже с каким-то чириканьем, а теперь так четко и спокойно произносит после каждой своей трели слово «пуххх»!

За занавеской Тимоша садится в изнеможении на край сундука и начинает подробно рассказывать все, что он делал с утра, чтобы выручить меня из беды. Ум у него очень медлительный. Его рассказы всегда изобилуют такими подробностями, которые слушателям кажутся лишними, и теперь он начинает издалека, с нашего Гришки Зуева, и даже не с него, а с его матери. Оказывается, вчера вечером он случайно узнал, что мать Зуева, владелица бань и базарных

лярков, чудовищно толстая женщина, хорошо знакома с нашим усачом Симоненкой, а Симоненко — закадычный приятель попа.

Тимоша пространно рассказывает, как он с Гришкой Зуевым ходил к Симоненке, а потом с Симоненкой — к попу на Преображенскую улицу. Но едва только поп услышал, что дело идет обо мне, он зафыркал на Симоненку как кот на ежа и, дергая себя от злости за бороду, пробурчал, что никогда... никогда...

Тимоша краснеет до слез и в смущении смотрит не на меня, а на Муню: ему стыдно повторить слова Мелетия.

Я ни о чем не допытываюсь. Мне уже все — все равно. Меня бьет лихорадка. Бедная моя мама! Скорей бы на воздух! Все лицо мое в холодном поту. И на что я надеялся, когда под весенними звездами бежал сюда по Маразлиевской улице?

Дальше Тимоша подробно рассказывает, как он вместе с Лекой Курындиной бегал хлопотать обо мне к Зюзе Козельскому, к Пюнтиной и даже на Пересыпь к Финти Монти.

— К Финти Монти?

— Но не застал его дома... Ушел, говорят, из квартиры и где-то, понимаешь, пропал. Еще со вчерашнего дня.

И вдруг из-под шинели, которой укрыт с головой лежащий на скамье человек, вылетают одно за другим знакомые, любимые, родные слова:

— Мазепи! Свистуны! Горлопаны! Финти Монти! Рваные пантуфли! Куроцапы! Алеуты! Жуки на заборе!

Мы вскакиваем точно в комнате разорвался снаряд. Финти Монти!!! Милый Финти Монти! Неужели он здесь, в этой вони и мерзости?

Финти Монти приподнимается, медленно и грузно садится, смотрит на нас крохотными, медвежьими глазками, гладит свои длинные как у Бульбы усы и говорит спокойно, с ленивой насмешливостью:

— Ерундистика! Собачья брехня!

И опять надолго замолкает, словно раздумывая, спать ли ему дальше или проснуться совсем. И, видимо, решает спать. И тянет кверху свою худую шинель, чтобы опять укрыться с головой.

Мы ошеломлены неожиданной встречей:

— Здравствуйте, Иван Митрофаньч!

— Здорово, багательня! — говорит он небрежно.

И вдруг, к моему изумлению, быстро хватает меня за кушак.

— Ты думаешь, куриная ты слепота,—

Финти Монти поднимается и смотрит на нас своими крохотными, медвежьими глазками.

говорит он, притягивая меня к своему сундуку,— ты думаешь, что тебя выгнали к чортовой бабушке за то, что ты накуралесил с попом или с этим... как его? С Козельским? Глиняная твоя голова!

И в ту же минуту снова засыпает как мертвый. Я стою над ним сгорбившись, не зная, что делать. Но он тотчас же встряхивается и говорит как ни в чем не бывало, снова хватая меня за кушак:

— Не за то тебя гонят, что ты виноват, а за то, что ты курносый Гнилокишкин, за то, что ты черная кость. В этом вся твоя, дурень, вина. Шестиглазому велено выкинуть из гимназии всю бедноту, всех кухаркиных детей, Гнилокишкиных, вот он и брешет на тебя как на каторжного, чтобы было ловчей тебя выгнать. Всё же как-то совестно сказать человеку: «Лишаем тебя права учиться за то, что твоя маменька бедная». Гораздо удобнее набрехать на тебя, будто ты чума и холера, от которой нужно очистить гимназию, чтобы ты не заразил остальных... Он уже, подлюга, наделился выкинуть на улицу семь человек: тебя, Чумакова, Яковенко, Глушкова, Христопуло... и тех, из шестого класса. Уж он найдет у вас болячки, будь покоен. Ему приказано — он и старается...

— Но кем же приказано, Иван Митрофаньич? — спросил, как на уроке, Блохин.

— А вон он висит, Храпоидол!

И, раздвинув занавеску, Финти Монти ткнул пальцем в висящий на далекой стене глянцевиый портрет царя.

— Все из-за него, толстозадого!

— Для чего же ему нужно? — начал я, но сконфузился и замолчал на полуслове.

Я хотел спросить, какая же радость царю, если мы, беднота, останемся дураками и неучами.

Иван Митрофаньич угадал мою мысль:

— А зачем ему, чтобы из тебя вышел студент? Богатенькие... Они не пойдут бунтовать. А которые бедные... да еще из простого народа, — ого!.. Надо же ему спастись свою шкуру!

Сердце у меня застучало. Значит, незачем мне и оправдываться перед всеми этими Шестиглазыми и Прощками! Все равно они решили меня погубить! Значит, зря я надеялся на Тюнтину, на Зюзю Козельского! Шестиглазый нарочно взваливает на мои плечи чужую вину, чтобы ему было удобнее отнять у меня мое право учиться.

Голова у меня вдруг закружилась, будто

я попал на карусель: и Финти Монти, и глухонемой, и занавески, и свечка, и Тимоша, и Муня полплыли передо мной по широкому кругу и сразу точно провалились куда-то. Я сел на что-то жесткое, железное, и мне опять показалось, что я сию минуту умру. Долго ли я сидел, я не знаю. Голос Финти Монти звучал для меня словно из далекого погребца, да и то до моего слуха долетали одни лишь ругательства: «Хамелеоны!», «Холуи!», «Компрачикосы!»

Когда я очнулся, за занавеской было уже много народу. Из-за всех столиков сбежали сюда гимназисты. Тимоша куда-то исчез. Иван Митрофаньич говорил Блохину, указывая пальцем на Жору:

— Ты думаешь, он глухонемой? Гого-го! Такой же глухонемой, как ты. Шныряет тут, растопырив уши, и слушает. А потом бежит и доносит начальству. Собственный шпион его сиятельства Люстиха!

Жора попытался улизнуть.

— Поди-ка, поди-ка сюда! — крикнул ему вслед Финти Монти. — Нечего прятаться за спиной у Моргулиса! Поди-ка, Иуда, сюда и скажи нам, за сколько полтинников продал ты Карла Клемма?

Карл Клемм, восьмиклассник, долговязый и хилый, был в прошлом году исключен из гимназии за то, что как-то вечером собрал у Дракондии человек семь или восемь товарищей и стал читать им запрещенный роман Чернышевского, тут, на сундуке за занавеской.

«Глухонемой» посмотрел на Финти Монти с нескрываемым бешенством.

Он открыл было рот, чтобы ответить, но вовремя спохватился и замычал, как дурак, притворяясь, что не понимает, о чем говорится.

— Муня, уйдем! — сказал я.

Но Муня был так поражен последними словами Финти Монти, что отмахнулся от меня как от мухи. Я с трудом встал на ноги и, шатаясь, направился к выходу, к которому повел меня незнакомый мужчина.

Тут открылась обитая войлоком дверь, и я попал в какой-то нето сарай, нето погреб. Оттуда я выбрался в темный, пахнущий молоком и коровами двор и увидел звездное темносинее небо, луну, силуэт голубятни и какую-то женщину, которая кинулась ко мне из-за темной стены.

— Мама!

(Окончание в следующем номере)

Эрнст Тельман — борец за мир и свободу

Фриц

„Веселый старый Гамбург“

На северо-востоке Германии, в устье Эльбы, пронизываемый сырыми ветрами, дующими с моря, лежит один из величайших портов мира — Гамбург.

На левом берегу Эльбы — сердце Гамбурга. На много километров протянулись пристани, к которым могут одновременно пришвартоваться сотни кораблей. Высоко вверх поднялись хоботы гигантских под'емных кранов. В доках, опираясь на деревянные подпорки, лежат огромные корпуса пароходов. Лишенные своей естественной опоры — воды, — они кажутся неуклюжими. На верфях непрерывно трещат пневмати-

ческие сверла и молотки. Подручные клепальщики то и дело вынимают из горнов раскаленные заклепки, и желтые огоньки во всех направлениях прорезают воздух.

Здесь, на левом берегу, никто не живет: полумиллионное население Гамбурга живет на правом берегу. Там, зажатые в кольцо подвесных железных дорог, по которым с шумом и грохотом проносятся электрические поезда, чернеют узкие, зловонные улочки Бамбэка, Сан-Паули и других кварталов, населенных рабочими. Рядом с заводами и кораблями, построенными по последнему слову техники, — дома, лишенные самых не-

бходимых удобств, ведра с нечистотами, стоящие тут же, у порогов жилищ, столетняя грязь и копошь, в'евшаяся в стены.

А неподалеку, на берегу озера Альстер, в зелени садов, роскошные виллы богачей — тех, кому принадлежат все богатства левого берега, на кого трудится полмиллиона жителей правого.

Каждый день, ранним утром, десятки электрических поездов подвозят к набережным Эльбы рабочих. Пароходики развозят рабочих по верфям и докам. Через Эльбу перекинуты четыре моста. Но и этого мало: под дном реки прорыт широкий тоннель, и по нему сплошной массой движутся люди — десятки тысяч людей! Идут рабочие: грузчики, докеры, кораблестроители, — торопятся в порт безработные, надеясь найти хоть какую-нибудь работу. Все они, и рабочие и безработные, одеты в поношенные голубые комбинезоны. За спинами у них мешки. В орту у большинства трубки.

Полтора часа, от половины шестого до семи, движется этот поток. Потом мосты пустеют, пустеет и тоннель.

Лишь когда на Эльбе загораются красные и белые фарватерные огни и гамбургские капиталисты отпускают своих наемных рабов, опять на час, полтора шумно становится на мостах и в тоннеле: поток течет в обратном направлении.

За последние годы, под властью фашистов, Гамбург медленно умирает. У стенок

порта, на мертвом приколе, стоят сотни кораблей. Их механизмы покрыты ржавчиной. Видно, что давно уж не пускались они в ход. Подъемные краны застыли, расставив свои мощные лапы. Они похожи на ихтиозавров в музее. Им некого разгружать и нечего нагружать. Фашисты обрекают немецкий народ на голод: они покупают в других странах только то, что может пригодиться им для войны. Поэтому порт мертв.

Зато неподалеку от Гамбурга, в военных доках и пристанях Киля и Вильгельмсгафена, работают вовсю: там строятся сверхмощные линкоры и крейсера, спускаются на воду десятки подводных лодок.

Но были времена, когда пароходы под флагами всех стран мира бороздили мутные воды Эльбы. Они привозили хлеб из Аргентины, шерсть и мясо из Австралии, хлопок и пряности из Индии, чай и рис из Китая. На набережных и улицах города можно было услышать речь на любом из существующих в мире языков. Толпы матросов кочевали из кабачка в кабачок.

В «веселом старом Гамбурге», как называют в своих песнях этот город матросы, в семье домового извозчика родился 16 апреля 1881 года Эрнст Тельман — любимец германских рабочих, вождь немецких коммунистов, которого фашистские тюремщики вот уж пять лет держат за решетками одиночной камеры.

Детство

Отец Эрнста — Иоганнес Тельман — был смелым и честным человеком. Тогда против социалистов действовали очень жестокие, «исключительные» — как они назывались — законы: за принадлежность к партии посылали на каторгу, бросали в тюрьму. Эти законы не остановили Иоганнеса Тельмана: в 1884 году он стал социалистом.

Однажды хозяин ни за что обругал Иоганнеса. Иоганнес не смолчал. Тогда хозяин уволил его и сообщил всем другим предпринимателям, что этот рабочий «красный».

Потом, куда ни толкался Иоганнес в поисках работы, всюду перед ним закрывались двери.

Товарищи по партии предложили ему оборудовать маленькую пивную — Bierkneipe. В таких кнайпе рабочие Гамбурга проводили свой досуг. Это были своеобразные рабочие клубы. В некоторых из них встречались рабочие-революционеры.

Такой была и кнайпе «папаши Иоганне-

са», как звали отца Тельмана знакомые рабочие. «Сегодня вечером у папаши Иоганнеса», — говорили они друг другу. И вечером за кружкой пива в знакомый подвальчик сходились товарищи по партии.

Эрнст в таких случаях стоял на страже. Он внимательно следил за каждым, кто направлялся к дверям пивной, и как только появлялся незнакомый человек, давал условный знак. Речи смолкали, а в дующих пиво и орущих пьяные песни посетителях никто не заподозрил бы рабочих-революционеров.

Был Эрнст широкоплечим, здоровым мальчуганом. Как и все гамбургские ребята, увлекался он мечтами о море, о дальних странах. Часами простаивал он в порту, наблюдая, как разгружается какой-либо красавец пароход, или бродил вместе с оравой такеж же сорванцов — портовых мальчишек — по аллеям замечательного гамбургского зоопарка.

Но одна черта отличала Эрнста от това-

ршей — страсть к чтению: Эрнст каждую свободную минуту отдавал книгам.

А свободного времени было у него не так много. Среди рабочих, приходивших к папаше Иоганнесу, оказался предатель. Он донес полиции. Кнайпе была закрыта, а папаша Иоганнес арестован.

Эрнст был еще подростком, а уж он должен был помогать семье.

Каждый день, до школы, в 4 часа утра, Эрнст выходил с ручной тележкой на рынок: он перевозил продукты и уголь, таскал

корзины и мешки в квартиры богачей, дети которых еще спали или завтракали.

Потом Эрнст бежал в школу. А ночью мать, просыпаясь, заставляла мальчика за чтением. Она тушила свет и прогоняла его спать. С рассветом Эрнсту опять предстояло начать трудовой день.

— Пошлите Эрнста в высшую школу, у него большие способности, — говорили учителя папаше Иоганнесу.

— Это было бы правильно, — отвечал он, — а деньги?

Юность

Воздух Гамбурга полон запахов всех стран света. Огни выходящих в море кораблей зовут за собой, навстречу бурям и штормам, в далекие страны, о которых так увлекательно рассказывается в прочитанных книгах.

В жизни все оказалось совсем не так, как в мечтах. Все долгое плавание провел Эрнст в трюме парохода, делая самую грязную работу. Когда пассажиры I и II классов рассаживались в плетеных креслах на палубе и любовались звездами, он, свалившись от усталости, засыпал в уголке кубрика.

В Америке Эрнст сошел на берег. Он решил остаться в стране, о которой читал, что люди живут там свободно и богато.

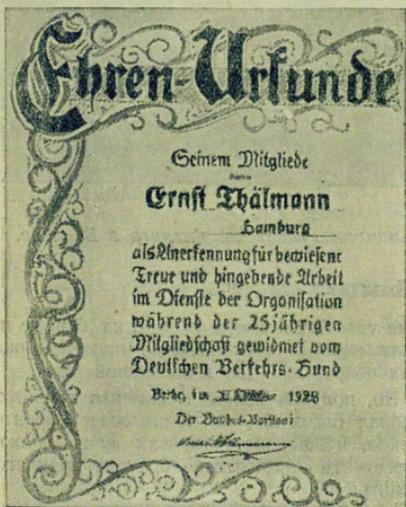
Эрнст нанялся батраком на ферму. Вскоре он убедился, что рабочему человеку в Америке жителя не лучше чем в Гамбурге, не лучше чем на корабле: та же работа до седьмого пота, то же бесправие, тот же нищенский заработок.

И Эрнст понял, что нет на земле счастливых стран, что за счастье людей надо упорно бороться. По-новому зазвучали для Эрнста слова «Интернационала», который тихо, вполголоса, распевали рабочие, приходившие в кнайпе к папаше Иоганнесу.

Эрнст вернулся в Гамбург. Как и отец, стал он ломовым извозчиком в порту. Товарищи избрали Тельмана своим профсоюзным уполномоченным, и очень часто можно было видеть, как Эрнст, проезжая по улице, останавливал вдруг телегу. Лошадь топталась на месте, нетерпеливо помахивала хвостом, а Тельман подолгу беседовал с товарищем о профсоюзных делах или, если тот не был еще членом профсоюза, уговаривал его вступить в профсоюз.

Вскоре Эрнст Тельман стал любимым другом и советником гамбургских рабочих. Когда кому-нибудь из них приходилось туго, «жал ботинок», как выражаются немцы, они говорили: «Пойдем к Тедди. Он поможет. Он скажет, что делать». Тедди — так любовно прозвали товарища Тельмана гамбургские рабочие.

С 16 лет Эрнст Тельман был членом социал-демократической партии (тогда в Гер-

Почетная грамота, полученная Тельманом по случаю 25-летнего пребывания в союзе транспортных рабочих.

Когда Эрнсту Тельману было 14 лет, он нанялся на океанский пароход, отправляющийся в Америку. Его не пугали ни тяжелая работа, ни опасность плавания. Наоборот, он хотел испытать свои силы, испытать свою волю и выдержку. Он мечтал о необычайных подвигах, удивительных приключениях...

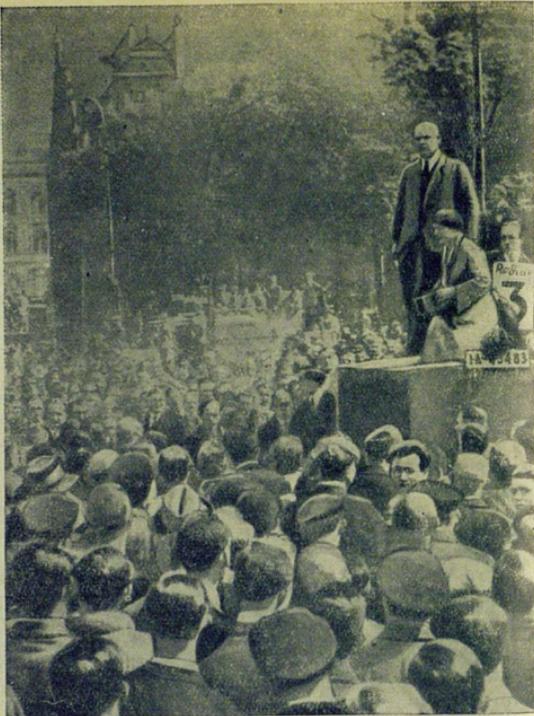
мании коммунистической партии еще не было). Многие руководители этой партии за теплые местечки продались капиталистам.

Однажды хозяин предприятия, на котором работал Тельман, сказал ему:

— Вы можете добиться хорошего положения в жизни, если откажетесь подстрекать рабочих!

Тельман сжал кулаки. Ему — гамбургскому портовому извозчику, революционеру и сыну революционера — предлагают стать предателем! Как хотелось ему двинуть кулаком этого лощеного хозяйчика, думающего, что за золото можно купить все — даже совесть рабочего-революционера! Но он сдержал себя и даже вежливо ответил, что подстрекать рабочих, т. е. учить их, как надо бороться против капиталистов, он не перестанет, что, наоборот, этому делу он посвящает всю свою жизнь.

Тогда с Эрнстом случилось то же, что в свое время случилось с папашей Йоганнесом: его выбросили на улицу, фамилия и все его приметы были занесены в «черный» список, и ни один предприниматель не давал ему больше работы.

Тов. Тельман выступает на митинге в Берлине.

Против войны

Мировая война, которую в течение долгих лет готовяляли пушечные фабриканты, генералы и шпионы, разразилась.

Социал-демократические вожди окончательно изменили рабочему классу: они голосовали за войну, которую затеяли капиталисты, чтобы еще туже набить свои кошельки.

Эрнст Тельман был в числе тех немногих революционеров, которые сразу и решительно выступили против братоубийственной войны. Его досрочно мобилизовали и отправили на фронт.

Одетый в солдатскую шинель, отданный под надзор свирепому фельдфебелю, Тельман не смирился: он связался с гамбургскими товарищами, от них получал революционные листовки и распространял среди солдат.

Чтобы избавиться от опасного человека, офицеры посылали Тельмана на самые тяже-

лые участки, в самую гущу огня. Они не давали ему отпуска. Тельман провел в окопах непрерывно два с половиной года.

Но, получив отпуск и приехав домой, он собрал таких же, как и он, солдат-фронтовиков, чтобы обсудить, как лучше в окопах вести пропаганду против проклятой войны.

Многие рабочие-социал-демократы, не согласные со своими руководителями, поддерживавшими войну, образовали независимую социал-демократическую партию. Среди них был и Эрнст Тельман.

Когда Карл Либкнехт и Роза Люксембург организовали коммунистическую партию Германии, Тельман был душой с ними, но он не хотел один переходить к коммунистам. Он хотел повести за собой как можно больше рабочих. И действительно, благодаря работе Тельмана в 1920 году приморская ор-

ганизация независимой социал-демократической партии почти целиком перешла в ряды коммунистов.

Радостный, возбужденный, писал товарищ Тельман в те дни родителям:

На баррикадах

В октябре 1923 года рабочие Гамбурга восстали. В ночь на 24 октября пять групп рабочих одновременно напали на полицейские участки, разоружили полицейских и захватили оружие. Вожаком восстания был тов. Тельман.

Полицейских и солдат было больше чем восставших, да и вооружены они были куда лучше. Тов. Тельман расположил отряды революционных рабочих на крышах домов. Перебираясь с крыши на крышу, с балкона на балкон, они держали под обстрелом в десять раз сильнее противника.

Сам Тельман со своим штабом устроился под открытым небом, в одном из гордских парков.

Шестьдесят часов город находился в руках восставших. Шестьдесят часов продолжалась героическая борьба. Но правые предатели, пробравшиеся тогда в центральный комитет коммунистической партии Германии, не подняли на борьбу всех рабочих Германии. Борющиеся гамбургские рабочие остались одни. Надо было отступать.

И тут еще раз сказались замечательные качества тов. Тельмана. Под его руковод-

«Мои дорогие родители, шлю сердечные приветы. Здесь, в Галле, вчера произошло окончательное решение. Мы самые честные, самые правдивые, самые передовые. С революционным приветом. Ваш Эрнст».

ством восставшие рабочие отступили в полном порядке, сохранив силы для решающего боя.

Войска наводили Гамбург, полицейские ищейки днем и ночью обшаривали рабочие кварталы, ища Тельмана.

Через несколько дней после подавления восстания, в 7 часов утра, поток рабочих, как и обычно, залил тоннель под рекой Эльбой. Люди шли хмурые, сосредоточенные. И вдруг в полумраке тоннеля, при свете матовых фонарей увидели они знакомую фигуру Тельмана, которого товарищи подняли на руки. Поток остановился. Эрнст Тельман произнес короткую речь и скрылся в толпе.

На следующий день Тельман неожиданно появился на собрании рабочих верфи «Блюм и Фоссе». Тысячи рабочих выслушали его речь о том, что борьба не кончилась, что нужно копить силы для новых боев.

Охранники и полицейские окружили двор, в котором происходило собрание. Они тщательно разглядывали в лицо каждого выходящего, а Тельман спокойно плыл по Эльбе на катере директора, который заранее был захвачен его товарищами.

Во главе немецких коммунистов

Эрнст Тельман — верный ученик Ленина и Сталина. У них он учился, как надо организовывать рабочих. И после подавления гамбургского восстания он писал:

«Для успеха революции не хватало важнейшей предпосылки — существования железной, сплоченной, неразрывно связанной с широчайшими массами коммунистической партии, способной объединить разрозненную борьбу рабочих масс, организовать ее и повести».

Такую партию создали в России Ленин и Сталин. Такой стремился тов. Тельман сделать коммунистическую партию Германии.

Когда были разгромлены правые предатели, во главе компартии Германии стал тов. Тельман.

Под его руководством компартия Германии стала массовой партией. Он создал Союз красных фронтовиков, в который вошли сотни тысяч революционных рабочих.

Однажды в Берлине фашисты напали на маленький отряд красных фронтовиков. Красные фронтовики устроили демонстрацию протеста. На углу Громманштрассе и Бисмаркштрассе конные полицейские, размахивая саблями, врезались в ряды демонстрантов.

Красные фронтовики упорно защищались. Вот раненый рабочий схватился с полицейским. Он истекает кровью, а полицейский вновь замахнулся саблей. Тут к раненому подскочил Эрнст Тельман Грудью своей прикрыв он товарища, приняв на свою голову удар полицейской сабли.

— Тельман ранен!

Эта весть разнеслась по колоннам. Не было предела возмущению красных фронтовиков. Полицейские были опрокинуты и в беспорядке бежали. Раненый Тельман с белой окровавленной повязкой на голове продолжал шагать во главе рабочих колонн.

Следуя примеру Ленина и Сталина, Эрнст Тельман был крепко связан с трудящимися. Внимательно прислушивался он к голосу рабочих и как никто другой знал об их настроениях и мыслях. Приезжая в Гамбург (ЦК компартии находился в Берлине), он сразу же шел в гавань, к парходным пристаням или в портовые пивные, где подолгу беседовал с рабочими. Со всех концов Германии приходили в Берлин, в дом Карла Либкнехта, рабочие, крестьяне, молодежь, среди них много членов социал-демократической партии, которые искали у Тедди помощи и совета.

Эрнст Тельман был тесно связан с молодежью и с детьми рабочих.

Дочь его Ирнгард была пионеркой. Приезжая в Гамбург, он всегда заставлял рассказывать ее, что думают дети рабочих, что говорят они, что делается в школе. А от своей маленькой Ирнгард узнавал он, как работают пионеры, и часто давал советы гамбургским комсомольцам, как лучше работать с ребятами.

Он услышал от дочери, что юные пионеры и «красные соколы» (детская организация социал-демократов) ссорятся между собой. Тогда он позвал к себе вожатого и объяснил ему, что это неправильно. Он говорил: «Юные пионеры и «красные соколы» — дети рабочих. Не ссориться они должны, а дружно работать. Очень грустно, что рабочие организации раз'единены. Мы день и ночь боремся за то, чтобы создать единый фронт всех рабочих против наших врагов—капиталистов

«Свободу Тельману!» — с риском для жизни написали антифашисты эти слова на фабричной трубе.

и помещиков. Наша молодежь и наши дети в этом отношении должны идти впереди». Гамбургские рабочие праздновали 1 Мая. Во главе демонстрации шли пионеры.

Один полицейский офицер хотел сорвать мирную демонстрацию, вызвать кровавое столкновение. Во главе отряда конной полиции в'ехал он в ряды пионеров и стал разгонять их. Многие ребята были избиты резиновыми дубинками.

Возмущенные рабочие вступились за своих детей. Полицейские схватились за револьверы. Казалось, что кровопролитие неизбежно.

Тут к полицейскому офицеру подскочил Эрнст Тельман. Он схватил под уздцы его лошадь и закричал громовым голосом:

— Спрячь револьвер, мерзавец!

Офицер растерялся и спрятал револьвер в кабуру. Полицейские отступили.

Раз Ирнгард в письме попросила отца писать ей чаще и больше. Тельман ответил: «Мне пишет так много детей рабочих, которые голодают и просят хлеба, ко мне и партии обращается так много нуждающихся, взывающих о помощи людей, что мне прежде всего нужно заботиться о них. Моя семья — не только ты, мама и дедушка. Моя семья — весь рабочий класс».

„Ты с нами идешь!“

Тельман ненавистен фашистам и их зэвьям, фабрикантам и заводчикам. Еще в 1922 году организовали они покушение на жизнь товарища Тельмана: бросили в его квартиру гранаты. К счастью, тогда товарища Тельмана не было дома.

После одной массовой коммунистической демонстрации буржуазные газеты со страхом и злобой писали: «Эрнст Тельман зовет — и сотни тысяч идут на его зов несмотря на отчаянную погоду. Ни один полководец не смог бы так быстро собрать вокруг себя такие массы. К чему это может привести?»

А когда фашисты пять лет назад захватили власть, они первым делом бросились искать Тельмана, желая с ним расправиться.

Товарищи предлагали Тельману уехать за границу, но он отказался.

— В борьбе с классовым врагом мы должны до последней минуты защищать наши позиции. В самых тяжелых условиях борьбы мы должны без колебания оставаться на посту, — так говорил Эрнст Тельман немецким коммунистам на их партийном с'езде.

И он остался на своем посту. В самых тяжелых условиях. Без колебаний...

Тов. Тельман ушел в подполье. Берлинские рабочие тщательно укрыли вождя коммунистической партии.

Но пробравшийся в партию предатель выдал Тельмана фашистам.

3 марта 1933 года целая орда агентов Гестапо и полицейских окружила дом рабочего, в котором скрывался тов. Тельман. Они схватили его, заковали в железные кандалы и потащили в полицию.

Судья Фогт, которому было поручено вести дело Тельмана, доложил фашистскому министру Герингу, что он не может справиться с обвиняемым. Тот держит себя смело, отказывается отвечать на вопросы. Тогда Тельман был выдан Гестапо. Четыре охранника часами до крови избивали Тельмана нагайками. После этого к нему явился сам поджигатель рейхстага — Геринг. В ответ на протест товарища Тельмана этот убийца заявил: «Научитесь лучше ладить с судьей, отвечайте на вопросы, и тогда такие вещи не повторяются».

Тельман, конечно, отказался. Его опять избивали, опять пытали. Он тяжело заболел и долгое время пролежал больной в тюремной камере.

Таким путем фашисты пытались сломить волю революционера. Но это им не удалось. Один перед сворой палачей, Тельман остался несгибаемым большевиком, преданным великому делу Ленина — Сталина, за которое он борется всю свою жизнь.

Мужественное и твердое поведение тов. Тельмана в фашистской тюрьме наполняет

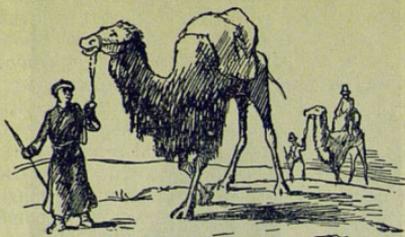
Тов. Тельман в фашистской тюрьме.

мужеством и твердостью сердца всех борцов против фашизма. С его именем на устах в борьбе за его освобождение сплачивается в единый фронт весь немецкий народ.

В подпольных листовках и прокламациях облетают всю Германию посвященные Тельману слова революционного поэта Иоганнеса Бехера:

«Тебя постоянно мы вспоминаем,
И когда мы шагаем, ты с нами идешь!»

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО „КОМПАС“

Известия Географического общества читателей журнала «Пионер» № 16

Женщины - путешественницы

Л. С. Баранов

В историю русской географической науки вписаны имена не только мужчин, но и женщин. Правда, их было мало: до революции женщине были закрыты двери в науку. Только немногие настойчивые и смелые женщины вместе со своими мужьями — географами — совершали путешествия и вели научную работу. О самых выдающихся из них мы рассказываем в этом номере «Компаса».

В прошлые времена героинь-путешественниц и женщин-географов было очень мало. Теперь же в нашей социалистической стране многие тысячи девушек учатся на естественных и географических отделениях вузов, сотни и тысячи женщин-геологов, метеорологов, ботаников и зоологов работают по исследованию нашей прекрасной и богатой страны. Путь в географию открыт для каждой советской женщины.

Первая полярная путешественница

Дубельшлюпка «Якутск», подняв паруса, вышла из города Якутска 30 июня 1735 года, чтобы плыть вниз по Лене в Северный Ледовитый океан. Вслед за ней потянулись тихоходы-«дошаники», груженные провиантом.

Этот отряд судов был частью большой географической экспедиции. Она должна была обследовать все северное побережье России, от Архангельска до Камчатки.

Когда благодаря сведениям, собранным ею, был составлен в 1752 году первый географический атлас русского государства, все стали звать многолетний труд русских моряков и ученых «Великой северной экспедицией».

Судно «Великой северной экспедиции».

Начальником одного из экспедиционных отрядов этой экспедиции на дубельшлюпке «Якутск» был молодой моряк, капитан-лейтенант Прончищев. Вместе с отрядом ехала молодая жена начальника Прончищева. Она была единственной женщиной из 55 человек экипажа и первой женщиной в мире, участвовавшей в полярной экспедиции. К сожалению, мы знаем о ней очень мало. Надо было быть смелой, чтобы отправиться в такое опасное путешествие на утлом судне. Северная экспедиция была тогда новым делом. Моряки и ученые еще не научились жить и работать в суровых высоких северных широтах. Отряд должен был провести в водах Ледовитого океана и на северном побережье материка два—три года. И Прончищева несла все тяготы путешествия наряду с мужчинами:

После месяца плавания по Лене суда вышли в море.

Отряд Прончищева имел поручение описать и составить карты побережья океана к западу от устья Лены.

Суда очень медленно шли в полярном море. Пришлось стать на зимовку в устье реки Оленек. Построили две избы из плавникового леса.

13 ноября солнце скрылось под горизонтом на два с половиной месяца. Наступили полярная зима и ночь.

В доме из плавника было мало тепла. Неблагополучно было и с пищей. Среди участников экспедиции появилась цынга — спутник безвитаминного питания.

Солнце вновь засветило 22 января. Пришло и полярное лето. Но отряд был прикован к зимовке: льды, носившиеся перед устьем реки, не выпускали суда. Среди больных цынгой был уже начальник отряда Прончищев. Только самоотверженная забота жены сохраняла ему жизнь.

Семья географов

В 60-х годах прошлого столетия редкие посетители Зоологического музея Московского университета — четные ученые и юные студенты — с удивлением смотрели на молодую девушку с энергичными чертами лица.

Через 11 месяцев, 3 августа, суда экспедиции вышли в море. Они упорно плыли на запад.

Пробираясь «с великой опасностью» через густые льды, суда экспедиции доплыли до устья Хатангской губы. Шли «через великую нужду», среди льдов «узостью в несколько сажений».

С утра 19 августа стали подниматься к северу. Это был уже Таймырский полуостров! Видели, как по льду ходило «множество белых медведей, а в воде заметили белух и моржей». Глубина моря увеличилась: размотали лот на 120 сажений, но дна не достали. Достигли наибольшей широты в это плавание — 77°23'.

Во время тумана попали в густые льды. Дальше плыть было невозможно. Повернули назад. Ветер уйм, а мороз увеличился. Шли целый день на гребле, в «густой воде». Все работали. Больные и уставшие люди изнемогали. Наконец, подул ветер, и суда пошли на парусах.

В Хатангской губе «жила никакого нет и лесу мало». Двинулись на старую зимовку. Но войти в устье реки Оленек мешал сильный противный ветер. Шел густой снег, снасти замерзали. Люди измучились. Прончищев от цынги скончался.

Только на седьмой день борьбы с противным ветром суда могли пристать к прошлогоднему зимовью. Похоронили командира.

А через пять дней, 11 сентября 1736 года, умерла и жена его — Прончищева. Их общая могила сохранилась и ныне.

В честь Прончищевой была названа бухта на Таймырском полуострове. Найдите ее на картах Арктики и вспомните первую полярную путешественницу.

на не смущалась ко-
сыми взглядами: она
твердо решила стать
ученым зоологом и
ботаником.

В 1868 году Ольга
Александровна вместе
со своим мужем
Федченко, тоже зоо-
логом, поехала в
Туркестан. Тогда это
была загадочная
страна: она была
только что завоевана
русскими войсками,
по дорогам и глухим
местам бродили ос-
татки разбитых отря-
дов. За ними гоная-
лись русские отряды,
стычки и перестрел-
ки случались почти
ежедневно. Три года
среди схваток и боевых тревог прове-
л Федченко в Туркестане, то взби-
раясь в горы, то спускаясь в цветущие
долины.

Они обследовали окрестности Таш-
кента и Самарканда — старых куль-
турных центров Средней Азии; были
в пустыне Кызыл-Кум; посетили гор-
ную страну дикой красоты — Зерав-
шан; хорошо изучили плодородную
Фергану; побывали и у начала грозно-
го Памира, на красивейшем, вечно сне-
говом Заалайском хребте.

Ольга Александровна привезла из
Туркестана громаднейший гербарий из
1800 растений. Она неплохо рисовала
и сделала много зарисовок старинных
зданий и пейзажей.

Средняя Азия покорила Федченко.
Они решили посвятить жизнь изуче-
нию этой дикой и красивой страны.
Их манили к себе высокие снеговые
вершины и крыша мира — Памир.
Чтобы забраться туда, нужны трени-
ровка и знание гор. Федченко поехали
в Швейцарию.

Муж Ольги Александровны решил
взобраться на высочайшую вершину
Европы — Монблан. Жена с грудным
ребенком осталась ждать его на бере-
гу Женевского озера.

Спускаясь с вершины Монблана,

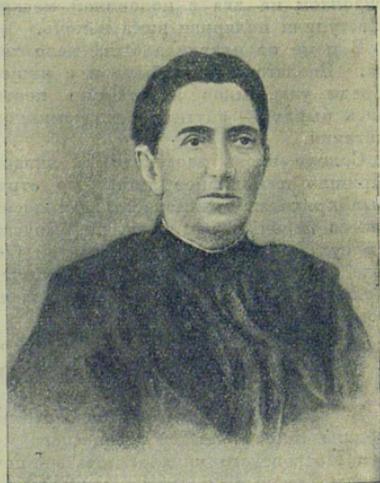

Площадь в Бухаре.

Рисунок Федченко.

Федченко почувствовал себя плохо.
Проводники оставили его, а сами по-
шли за носилками. Когда они верну-
лись, то нашли его мертвым.

Ольга Александровна взялась одна
доставить до начала участка вместе с муж-
ем изучение Средней Азии. И вместе
с тем она поставила себе целью вос-

Ольга Александровна Федченко.

питать сына таким же страстным естествоиспытателем, как и его родители.

Федченко собрали столько научных материалов, что Ольге Александровне помогли их обрабатывать двадцать ученых, но последний, 42-й выпуск «Трудов Туркестанской экспедиции А. П. и О. А. Федченко» Ольга Александровна целиком написала сама.

Вырос сын. Он окончил естественное отделение Московского университета и, конечно, стал ботаником.

Ольга Александровна решила повезти сына туда, где началась научная работа его родителей, в тот район Туркестана, где она оборвалась. Ольге Александровне было 56 лет, но она по-

ехала в неизученный, заманчивый Памир. Это путешествие по Памиру продолжалось 52 дня, в течение которых Ольга Александровна почти не слезала с лошади, питаясь все это время исключительно чаем и сухарями.

И еще два путешествия совершила путешественница в горы Средней Азии. Все свои знания растительного мира Туркестана она собрала в серьезной и большой работе «Конспект туркестанской флоры».

Федченко умерла в 1921 году, 76 лет. Последняя ее книга вышла из печати за месяц до ее смерти. Научная работа Ольги Александровны продолжалась 53 года.

По пескам и горам Центральной Азии

К лагерю экспедиции прискакал казак на взмыленной лошади. Он рассказал Александре Викторовне Потаниной, что на отряд во главе с ее мужем, начальником экспедиции Г. Н. Потаниным, напала монастырская стража, сбита с лошадей и отобрала у всех оружие. Только он один, рассказывал казак про себя, успел спастись.

Лагерь экспедиции Русского географического общества для изучения Монголии стоял на реке Черный Иртыш, или, как называют его монголы, Ирдыс. Начальник экспедиции с отрядом спутников ушел в монастырь Мары-Суме, чтобы найти там проводника.

Что делать? Следует ли пытаться спасти шесть человек, захваченных в плен, или нужно готовиться к защите лагеря, на который может напасть монастырская стража?

В лагере людей осталось мало. На всякий случай все вооружились и приготовились к бою. Только после долгих переговоров Чага-Гыген — глава монастыря — выпустил пленников.

Экспедиция двинулась дальше изучать Монгольский, или южный, Алтай и истоки Черного Иртыша.

Александра Викторовна вела метеорологические наблюдения и помогала мужу составлять гербарий. Она много сделала в собирании этнографических данных. Ей как женщине легче было

Монголка на лошади.

сговориться с женщинами изучаемых народностей.

Никто по виду этой застенчивой и немного замкнутой молодой женщины не мог бы угадать, сколько было твердости и решительности в ее характере и какие трудности и лишения она способна была переносить.

С детства она любила читать. Тех, кто ее знал, она изумляла ясностью мыслей и большим запасом литературных сведений.

Путешествие по Монголии требовало больших физических сил. Александра Викторовна описала, особенно неприятный для путешественников, монгольский способ езды в почтовых каретах. Это двухколесная телега, запряженная так, как у нас запрягают тройку, только без лошади-коренника. Кучера си-

дят верхом на запряженных лошадях. По бокам и впереди — всадники. Все они скачут галопом, всадники кричат и при встрече с препятствием на дороге круто сворачивают на ходу. Путешественника кидает, бросает и бьет. Долго такой езды не выдержать.

В 1884 году Александра Викторовна вместе со своим мужем отправилась в путешествие на три года в глубь Азии по неисследованным европейцами частям Китая, Центральной Монголии и Восточного Тибета.

Путешественники изучали горные области. Здесь жили остатки древнейших кочевых народов Центральной Азии. Александра Викторовна собрала очень ценные этнографические материалы и зарисовки. Обратный путь через пустыню Гоби был очень тяжел. Пришлось идти часть пути пешком и страдать от голода и жажды.

Но что значили эти лишения, когда путешественников ждали малоизученные страны — Монголия и Тибет! Они видели кочующие монастыри, кочующие библиотеки, переносные войлочные храмы высотой в многоэтажный дом, школы в кочевых палатках, странствующих медиков и кочевые лазареты при минеральных водах. Все это свидетельствовало о высокой культуре кочевого народа, который многие географы считали дикарями.

Посещали путешественники и города — монастыри Гамбум, Лавран и другие. Здесь они видели «поразительную картину нищеты и медленной голодной смерти, рядом с безрассудной расточительностью на храмы и блестящую обстановку жизни высших духовных лиц, которые, благоденствуя вволю,

Александра Викторовна Потанина.

за глаза насмеваются над народной глупостью».

В 1892 году Потанины поехали во второй раз в Восточный Тибет. Александре Викторовне было уже более 50 лет. Доехали до Тибетского нагорья и уже начали устраиваться на зимовку, как Александра Викторовна заболела. Ей становилось все хуже. С помощью двух англичанок, встреченных в пути, ее повезли к врачу. Но больная в дороге умерла. Ее тело привезли в русский город Кяхту, где и похоронили.

После смерти Александры Викторовны была издана книга, в которой собраны ее главнейшие статьи и очерки.

Тангутки из Амдо (Тибет).

Костюм богатой монголки.

Исследователи Сибири

Лет 60 назад на Байкале можно было часто увидеть небольшую лодку. В ней плавали два человека: геолог Черский и его жена Марфа Петровна.

Берега Байкала поднимаются отвесными утесами. Волны с шумом разбиваются у каменной стены. Черский всматривался в характер и строение горных складок утесов и зарисовывал их.

Велик Байкал: его длина — 700 километров, ширина колеблется от 25 до 80 километров, а наибольшая его глубина — океанская — 1521 метр. Только через четыре года Черские закончили свою работу по изучению Байкала.

Черский, царский политический сыльный, приобрел свои знания по геологии и зоологии в очень трудных условиях. В 1873 году начались исследования Черского в Восточной Сибири. Женильба на сибирячке Марфе Петровне совпала с началом обследования Байкала в 1877 году. Для Марфы Петровны это был университет: зимою за книгами, а летом на практике под руководством мужа. Черский помогал своей жене учиться. И она оказалась прилежной ученицей, любознательной и вдумчивой. Марфа Петровна хорошо ознакомилась с зоологией, ботаникой и основами геологии. Позднее они оба работали на метеорологической станции, под 65° северной широты, на реке Нижняя Тунгуска, притоке Енисея.

Приехав в Петербург, Черский с помощью жены написал большую книгу о географии Восточной Сибири.

И как раз в ту пору в Академию наук пришло известие из Иркутска о находке у берегов рек Якутии двух трупов мамонтов.

Академия наук решила отправить экспедицию года на четыре, чтобы обследовать берега рек Якутии — Колымы, Индигирки и Яны. Начальником ее избрали Черского. Жене Черского Марфе Петровне поручили заведывать ботанической и зоологической частью экспедиции. Стоит назвать еще одного участника этого путешествия, Сашу, двенадцатилетнего сына Черских.

В начале 1891 года экспедиция отправилась в далекий путь. От Петербурга до Урала дорога показалась нашим путешественникам короткой, потому что они мало знали эту часть нашей страны. Зато за Уралом семья Черских могла с гордостью сказать: «Мало есть людей, кто больше их исходил, изъездил и описал океан русской сибирской земли».

От Якутска начиналось путешествие по малообследованным землям. Члены экспедиции отправились верхом на лошадях через самую глухую часть Якутии до Верхне-Колымска, на верховьях реки Колымы.

Самыми трудными были переходы по кочковатому или гладким торфяным болотам. Черский писал об этом:

«Лихорадочная торопливость овладевает лошадью, чувствующей, как вязнут ее ноги; с трудом освобождая их из зыблотеющей трясины, животное мечется и бьется, из-под ног его вырываются большие куски мохового покрова и взлетают далеко вперед и в сторону. Надеюсь найти около корней деревьев более устойчивую почву, лошадь мчитя прямо на дерево. А деревья растут на зыблотеющей торфянике. Его корни не выдерживают тяжести взбравшейся на них лошади — дерево наклоняется, ударяет по лицу и глазам всадника и разбивает ящики с экспедиционным имуществом. Выбившись из сил, лошади падают. Раздаются крики якутских погонщиков: тох-то, тох-то (стой, стой)».

Дорога трудная, до путешествия Черских никто ее не описал, не положил на карту.

В сборе материалов для коллекций принимала участие Марфа Петровна. Не оставался без дела и Саша; его помощь была нужна там, где требовалось ловить и искать.

В Верхне-Колымск приехали в конце августа и поселились во «втором по изяществу» доме. Жители города (их было 55 человек) называли этот дом крепостью. Здесь экспедиция должна была провести зиму.

Зима была холодной, морозы дохо-

дили до — 58° С. Слюду и ситцевые лоскутки в окнах заменили ледяными «стеклами» до двух верхков толщиной.

Недоставало муки, сахара и свечей. По местному обычаю, питались рыбой во всех видах. Из растертой икры лососевых готовили оладьи и блины, пекли пироги с рыбой начинкой.

Наблюдали северное сияние, которое якуты называют «юкагирскими огнями». Но не одна природа привлекала внимание Черских: они собирали этнографический материал о племенах юкагиров и ламутов, «страдавших от всевозможного рода и видов кулаков», а потому вымиравших при царизме.

Пришла весна, спала весенняя вода в реке. 1 июня, погрузившись на карбас (палубная лодка), экспедиция отплыла вниз по реке. Вот теперь началась самая интересная часть путешествия. Перед взорами путешественников открылись разрезы берегов северной реки, обнажив ископаемые богатства и тайны прошедших геологических эпох жизни на земле.

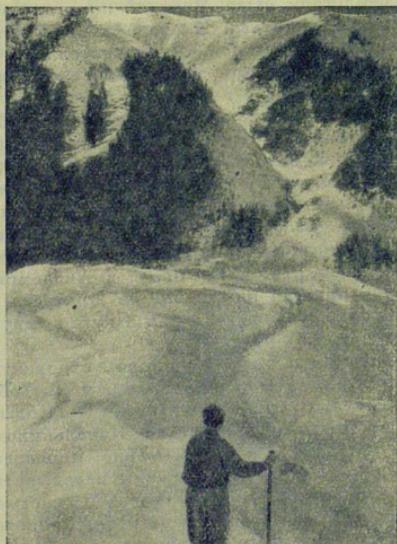
Черский в дороге заболел. Он еще пытался, сидя день и ночь в носовой части карбаса, делать наблюдения. А когда он не смог выходить из внутреннего помещения карбаса, наблюдения вела Марфа Петровна, сообщая их мужу, который делал записи в дневник путешествия. Когда Черскому стало трудно писать, он поручал сыну Саше записывать под диктовку все наблюдения.

Чувствуя, что его оставляют силы. Черский продиктовал приказ о том, чтобы после его смерти экспедиция продолжала работы под руководством Марфы Петровны. Он поручил своей жене доставить экспедицию до Нижне-Кольмска.

В конце июня 1892 года Черский умер. Похоронив мужа в устье реки Омолон, притока Колымы, Марфа Петровна продолжала экспедицию. Она довела наблюдения до Нижне-Кольмска, где сдала коллекции и отчеты новому начальнику экспедиции Э. В. Толю.

Снежные лавины

В горах Кавказского заповедника мне довелось провести четыре зимы (1933—1937 годы), и за это время я не раз наблюдал одно из самых грозных явлений зимней природы в горах — снежные лавины. Наш горный приют на Тыбге помещался близ верхней границы леса, на небольшом бугре. Отсюда мы делали лыжные вылазки для наблюдения за зимней жизнью туров. Склоны вокруг были лавиноопасны, но так как предыдущая зима была малоснежной, то обвалов близ лагеря не было, и мы, в конце концов, привыкли спокойно кататься здесь на лыжах и подтаскивать хворост, не помышляя об опасности. И вот в последнюю зиму (1937 год), в то время когда мы пили чай в лагере, огромный снежный обвал скатился к самому лагерю, остановившись в каких-нибудь 30—40 шагах от нашего помещения. Нам был слышен лишь легкий шелест снега, которому никто не придал значения. Мы страшно изумились, когда, выйдя наружу, увидели совсем рядом уже за-

Скатившаяся лавина.

стывший «язык» снежной лавины. Под снегом был похоронен участок кленового леса, большими комьями забита наша «лыжная» горка, а несколько выше склон на протяжении нескольких сот метров чернел голой землей, с которой был снесен весь снег.

Дни снегопада и оттепелей чередуются с морозами, и это приводит к слоистости снега. Такой снег на крутых склонах очень непрочен. Иногда достаточно бывает пройти на лыжах, чтобы подрезать целое поле снега, стремительно соскальзывающее вниз. Лавины этого типа зовутся *пластовыми*.

Лавины из рыхлого и сухого снега, падая по крутому склону, частью распыляются в воздухе, и поэтому их называют *пылеобразными*. Они падают почти всегда с сильным гулом, слышимым на несколько километров. Во время снегопада на крутых склонах снег подолгу не задерживается, и в иные дни эти лавины движутся с большой правильностью, повторяясь на одном и том же месте через несколько часов. Когда масса снега в лавине очень велика, перед лавиной проходит сильнейшее давление воздуха, опрокидывающее деревья даже на противоположном склоне. Попасть в такую лавину человеку — верная гибель, так как снеговая пыль, проникая глубоко в легкие, вызывает быстрое удушье.

Особенно много бывает в горах лавин после снежной зимы, уже ближе к весне. Февраль, март и апрель — самые лавинные месяцы. Однако большие обвалы бывают и позже, даже в мае и начале июня. В те дни, когда в горах дует теплый ветер — фен, — редкие полчаса пройдет, чтобы не услышать гула падающего снега. Начинается он с отдельных, сравнительно слабых ударов (это падают отдельные комки снега, и начинается отрываться основная масса снега от склона), затем быстро усиливается, переходя в грозный гул, напоминающий раскаты

Снежный карниз на краю обрыва. Его падение может быть началом лавины.

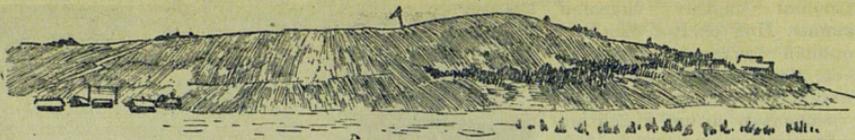
грома. Внизу склона звук опять замедляется. Лавина движется 1—2 минуты, проходя в это время путь в 1,5—2 километра.

Лавины из мокрого снега на пологих склонах движутся медленно и в это время очень напоминают поток лавы из вулкана. Бывает видно, как отдельные комки движутся, то вращаясь, то скользя; видно, как снег, словно живое чудовище, медленно обтекает ствол дерева. Но вот напор снега усилился, слышен треск... и дерево падает вниз; новые груды снега уже закрыли его и повлекли дальше, распирающая своей тяжестью.

Особенно грозные лавины упали у нас весной 1932 года. Одна из них прошла около 2 километров лесом и сломала более 5 тысяч стволов пихты.

Зимой в снежных лавинах нередко гибнут дикие животные. Весной, во время таяния снега, в лавинах находили останки серн, гуров, оленей и косуль. Несколько лет тому назад на горе Оштен снежным обвалом было засыпано стадо серн более чем из двух десятков голов. Весной, когда снег растаял, сюда долго ходили рыси и медведи, раскисавшие падаль.

*А. А. Насимович,
старший научный сотрудник
Кавказского заповедника*

Загадка одинокого холма

Юра Мазинг (город Борисов, БССР) прислал интересное сообщение о ключе Студенце в 14 километрах от города Борисова.

Среди плоских холмов, окружающих деревню Халхалец и полого спускающихся к долине реки Начи, выделяется один, в углу, между долинами рек Начи и Березины. На распаханном гребне холма стоит одинокая сосна с причудливой вершиной.

Я часто ходил на этот холм. На его гребне я находил куски известняка с окаменевшими раковинами. Однажды во время такой прогулки я встретился в кустарнике с колхозным мальчиком из близлежащей деревни Яблочины. Мальчик предложил сходить к находящемуся в кустах, почти у самого гребня холма, источнику. Меня удивило, что источник находится на такой большой высоте. Тогда мальчик рассказал об особенностях этой горы.

Лет 15—20 тому назад у подножья крутого склона горы бил ключ, не замерзавший даже зимой. Его вода имела постоянную температуру: летом она казалась холодной, зимой — теплой. Ключ назывался Студенцом. Вода считалась целебной: жители ближних деревень, у которых болели глаза, приходили за водой, которую они называли «доброй водой». Но однажды источник неожиданно исchez.

Когда в 1917 году немцы заняли деревню Халхалец и согнали крестьян копать на горе окопы, почти на самой ее вершине, то в одном из окопов стала бить из стен ключевая вода, грозя его залить. Немецкие офицеры приказали засыпать окоп.

На горе есть ложбины, поросшие кустарником. Лет 6—7 тому назад в одной из них стала бить фонтаном вода. Колхозники связали два тонких и длинных шеста и опустили их в скважину, из которой била вода, но дна ее не достали

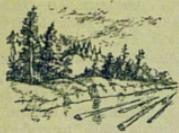
Вода залила ложбину, которая не имела выхода в долину, и в ней образовалось маленькое озерцо. Современем этот водоем зарос, и получилось болото. Но перейти через него было не так-то легко: оно дрожало, как студень. Пласт болота толщиной в полметра, как лед, покрывал водоем.

В один из засушливых годов, когда выгорали хлеба, растущие внизу, колхозники прокопали в подошве горы канаву и по ней спустили воду из болота на поля. Болото в тот же день высохло, осевший пласт его разорвался на куски. Вечером этого же дня в деревню Яблочину прибежали жители деревни Рогатки, расположенной за горой. Деревня эта основалась после гражданской войны на том месте, где в 1920 году находилась польская застава — рогатка. Деревня очень большая, она растянута почти на 5 километров небольшими поселками. В ближайшем к горе поселке, из которого прибежали люди, исчезла в колодцах вода. «Зачем вы украли нашу воду?» — полшутя говорили они. Рогатские колодцы в то время достигали в глубину лишь 5—7 метров. Пришлось их докапывать до уровня реки Березины.

Пробираясь через кусты, мы с мальчиком попали в небольшую ложбину. Там, под зеленым сволом ветвей, находилась выкопанная криница — ямка, наполненная грунтовой водой. На воде плавала радужная пленка. Я взял пруттик и ударил им по воде — пленка расплзлась длинными языками: пленка была нефтяная.

Чем же объяснить явления, происходящие на одиноком холме? Прошу вас, дорогие товарищи, члены Географического общества «Компас», помочь мне разгадать эту загадку природы.

Фонд
Географического
Общества.

Вася Груздев (деревня Высокая, Пыщугский район, Горьковская область) живет в очень интересном для географов Ветлужском

крае. Каждым летом Вася устраивает «путешествия» по краю. Река Ветлуга когда-то была убежищем раскольников, которые скрывались в непроходимых, дремучих лесах от царских солдат. У реки Керженца находится озеро, в котором, по легендам, скрывается «невидимый град Китеж», во время нашествия татар будто бы опустившийся на дно озера. В лесах по Ветлуге до сих пор водится много медведей, лосей, куниц, которые в других местах редки.

По реке Ветлуге с весны до половины лета идет лес в Волгу. Сначала идут «соймы» — беляны, а затем «моль» — лес, пущенный не в плотках, а просто отдельными бревнами.

Самолеты охраняют от лесных пожаров обширные леса вдоль рек.

Володя Мамкин (город Карабаш, Челябинская область) рассказывает о походе учеников 8-го класса на Уральский хребет. Пошли трое

ребят: Володя, Толя и Коля — да еще собака.

У «Крестов» ребята устроили привал. Во время гражданской войны из Златоуста в Карабаш шел отряд красногвардейцев. На этом месте они устроили привал и вырезали на елях несколько крестов. С того времени это место и называется «Крестами».

Переходя через разлившуюся речку Сухой Киолим, Володя остунился и упал в воду, но благополучно вылез. Ребята дошли до шихана «Чортовые ворота». Это громадные серые глыбы камня. Ребята нашли что-то вроде ком-

наты среди каменных глыб и в ней за-
ночевали. Собака охраняла их сон.

Александр Мешеряков (село Ширингуш, Мордовская АССР) собрал сведения о старинных селениях. Он сообщает:

«Товарищ сказал мне, что хочет идти в деревню Жуково за 4 километра от Ширингуша посмотреть городенца (городки). Я не пошел, так как у меня не было времени. Вечером я попросил дедушку рассказать мне о городках. Он рассказал следующее. Когда-то в городках, а их было два, жили разбойники. Они делали набеги на Керенск (ныне районный центр), грабили купеческие обозы, которые проезжали по тракту, соединяющему Нижний Новгород с Тамбовом. Когда в одном из этих городков узнали о разбоях, то в городки послали отряд солдат, которые разогнали разбойников.

Я заинтересовался городками. После длительных розысков я увидел мыс, который находился между двумя оврагами. Крутые склоны оврагов были похожи на стены крепости. По краям их и на третьей стороне я нашел остатки вала. С третьей стороны он много выше и шире, с дорожкой в середине (по рассказам старожилов, здесь находились ворота). Дальше был выкопан ров. И еще дальше сделаны волчьих ямы, рвы и валы. Длина городка — около 20 метров, ширина — около 60 метров. Потом я стал искать другой городок. Наконец, я нашел и его. Он был похож на первый, но был больше по своей площади, и овраг был гораздо глубже. В некоторых местах как в первом, так и во втором городке находятся остатки нето колодцев, нето дымоходов, нето спусков внутрь городка. Это глубокие отверстия. По рассказам старожилов; в некоторых из них остались остатки лестницы и ведут они будто бы в помеще-
ние.

Вильгельм Гауф

(1802 — 1827)

Вильгельм Гауф прожил недолгую жизнь: он умер, едва достигнув двадцати пяти лет, в том возрасте, когда многие великие писатели не написали еще ни одной строки. Написанные Гауфом книги были лишь его первыми пробами. Но справедливо назвал Гауфе известный немецкий поэт Уланд:

«Он не изведал осени, но уже его весна дает понять, какие бы плоды принесла осень».

Весенними плодами столь рано умершего писателя явились томик стихов, роман, рассказы, несколько повестей. Большинство этих произведений уже позабыто. Но среди книг, написанных Гауфом, были и сказки. Он написал свои сказки как бы мимоходом. Однако именно эти сказки принесли Гауфу славу.

Сын провинциального чиновника и домашнего учителя, едва успевший снять с себя студенческую каскетку, Гауф вступил в литературу в тяжелое, душное время. Шли годы нового, девятнадцатого века; грозные события французской революции превращались в воспоминания; Европой правил австрийский канцлер Меттерних — вдохновитель международной контрреволюции. И многие писатели того времени стремились увести читателей в свой книжный мир, как нянька уводит засидевшегося вечером ребенка в детскую комнату, чтобы здесь, в покойном сумраке, он поскорее забыл волнующие впечатления. Их книги не рассказывали ничего о настоящем, существующем мире, не помогали людям понять, почему им так тяжело живется, не учили бороться за лучшую жизнь.

Напротив, создавая в своих книгах чудесный, сказочный мир грез и фантазии, они как будто стремились заставить читателя забыть о всех творившихся вокруг ужасах, о голоде, нужде, унижениях, стремились отвлечь его от борьбы, усыпить, убаюкать его.

Это стремление убаюкать чувствуется и в книгах Гауфа. Но, сказочник и фантаст, он в отличие от своих литературных друзей оставался на твердой почве действительности.

«Как гигант Антей становился непобедимо силен, когда касался ногой матери-земли, и терял силу, как скоро Геркулес поднимал его на воздух, так и поэт могуч до тех только пор, пока не покидает почвы действительности, и становится бессилем, лишь только начнет мечтательно парить в голубом воздухе».

Так, вспоминая древний миф, заметил Генрих Гейне о таких немецких писателях начала XIX века.

Гауф в своих сказках раскрывал перед читателем мир, подобный заколдованному лесу, мир, где странные растения опутывают ноги, высокие грибы, звуча как золотые колокольчики, вырастают у подножия деревьев, а птицы кивают своими умными клювами, и все же читатель ощущает, что создатель этого заколдованного леса не «мечтательно парит в голубом воздухе», а, по выражению того же Гейне, «твердо цепляется за земную действительность». Как бы чудесна, как бы фантастична ни была сказка Гауфа, в ней всегда можно найти картины подлинной жизни, таких людей, какие бывают в действительности, настоящие человеческие чувства и отношения, ибо подлинным источником вдохновения сказочника Гауфа было творчество народа, а творчество народа всегда обращено к земле и к жизни на ней человека.

В ряду прославленных европейских сказочников Гауф занимает свое, особое место. Сказки Шарля Перро тоньше и изящнее, сказки Андерсена — трогательнее и проникновеннее, ибо их создавал писатель не только не истощенный воображения, но и большого сердца, сказки Гофмана — глубже и страстнее... Зато из всех великих сказочников Гауф выделяется своим юмором. Улыбка не покидает читателя в путешествии по всему заколдованному лесу Гауфа.

«Наши сказки не всегда касаются султанов, визирей и пашей, — они часто описывают и обыкновенных немецких горожан», — писал Гауф во введении к «Молодому англичанину».

В конце концов, здесь фантастично только одно допущение, что орангутанга можно обучить беседе с людьми, игре в кегли и шахматы. Все остальное — совершенно реальная, не лишенная едкости сатира на душную жизнь немецкого провинциального городка с его смешной буржуазной чопорностью и самодовольством. Сказочник Гауф умел не только увлечь полетом своей фантазии, но и жалить своей наблюдательностью, может быть, не очень больно, но все-таки жалить.

А. РОСКИН

Молодой англичанин

Перевод с немецкою И. Татариновой

В. Гауф

Рис. Ю. Кискачи

В южной части Германии расположен городок Грюнвизель, где я родился и вырос. Этот городок ничем не отличается от всех других. В центре небольшая базарная площадь с колодезем, тут же старенькая ратуша, на базарной площади дома мирового судьи и именитых купцов, а на двух—трех узких улочках обитают остальные жители.

Все друг друга знают, всякому известно, что где творится, и когда у главного пастора, бургомистра или врача к столу готовится лишнее блюдо, то к обеду об этом знает уже весь город. После обеда дамы ходят друг к другу с визитом и обсуждают за чашкой кофе с пирогом это великое событие и приходят к заключению, что пастор, вероятно, выиграл в лотерею безбожно много денег, что бургомистра «подмазали» или что доктор получил от аптекаря несколько золотых за то, чтобы он выписывал рецепты подороже.

Вы можете себе представить, какой неприятностью для такого захолустного городка, как Грюнвизель, был приезд человека, о котором никто не знал, откуда он, на что живет, что ему надобно!

Правда, бургомистр видел его паспорт, но за чашкой кофе у доктора он заявил, что хотя на паспорте и стоит совершенно правильная виза из Берлина в Грюнвизель, все же за этим что-то кроется, ибо вид у приезжего подозрительный. Бургомистр пользовался в городе большим уважением, и нет ничего удивительного в том, что приезжего стали с тех пор считать подозрительной личностью. А его образ жизни не мог разубедить обывателей в этом мнении.

Приезжий снял за несколько золотых большой дом, до того пустовавший, перевез туда целый воз странной утвари: печек, горнов, больших тигелей — и жил там в полном одиночестве. Он даже стирал сам, и у него не бывал никто, кроме одного грюнвизельского старичка, который закупал ему хлеб, мясо и овощи. Но и тому разрешалось входить только в сени, и там приезжий принимал от него покупки.

Я был десятилетним мальчуганом, когда приезжий появился у нас в городе, но и сейчас еще я ясно помню то беспокойство, которое вызвал в городишке этот человек.

После обеда он не ходил, как другие, на кегельбан, по вечерам не ходил в гостиницу, чтобы, как прочие, выкурить трубку табачку и потолковать о том, что пишут в газетах. Напрасно бургомистр, мировой судья, доктор и пастор поочереды приглашали его к себе отобедать или выкупать чашку кофе — он всякий раз отказывался под тем или иным предлогом. Поэтому одни считали его сумасшедшим, другие же с уверенностью утверждали, что он волшебник и колдун.

Мне минуло восемнадцать — двадцать лет, и все еще этого человека называли у нас в городе «приезжим» господином.

Однажды случилось, что к нам в город зашли люди с заморскими зверями. Такие бродячие комедианты с верблюдом, умеющим кланяться, пляшущим медведем, потешными, наряженными по-человечьи собаками и обезьянами, проделывающими разные штуки, проходят обычно через весь город, останавливаются на перекрестках и площадях, извлекают из своих дудок и барабанов весьма неблагозвучную музыку, заставляют свою труппу плясать и прыгать, а затем собирают по домам деньги.

Труппа, появившаяся в Грюнвизеле на этот раз, была замечательно огромным орангутангом, почти человеческого роста, который ходил за задних лапах и умел проделывать всякие забавные штуки. Эта собачья и обезьянья труппа остановилась и перед домом приезжего господина.

Когда раздались звуки барабана и дудки, он сначала, очень рассерженный, появился в темном, потускневшем от времени окне. Но затем подобрел, высунулся, к общему удивлению, из окна и от души смеялся над проделками орангутанга. Он даже дал за это удовольствие такую крупную серебряную монету, что весь город говорил об этом.

Наутро труппа тронулась в путь. Верблюд нес множество корзинок, в которых удобно уселись собаки и обезьяны, а поводыри и большая обезьяна шли следом за верблюдом.

Не прошло и нескольких часов после их ухода из города, как приезжий послал на почту, к великому удивлению почтмейстера, спешно потребовал карету и почтовых лошадей и выехал через те же ворота и по той же дороге, по которой отправились звери. Весь городишко был вне себя от досады, так как никто не знал толком, куда он поехал.

Была уже ночь, когда приезжий господин под'ехал опять к воротам. В карете сидел еще какой-то незнакомец. Шляпа у него была низко надвинута на лоб, а уши и рот повязаны шелковым платком. Писарь на заставе счел своим долгом заговорить с незнакомцем и попросить у него паспорт; но тот ответил весьма неучтиво, буркнув что-то на совершенно непонятном языке.

— Это мой племянник, — вежливо сказал приезжий господин писарю, сунув ему в руку несколько серебряных монет, — это мой племянник, и пока что он плохо понимает по-немецки. Он сейчас как раз выругался на своем родном диалекте по поводу задержки.

— Ну, ежели это племянник вашей милости, — ответил писарь, — то пусть едет без паспорта. Вероятно, он будет прожигать у вас?

— Разумеется, — сказал приезжий, — и, должно быть, пробудет здесь довольно долго.

У писаря не было больше возражений, и приезжий с племянником в'ехали в городок.

Впрочем, бургомистр, а с ним и весь город досадовали на писаря. Он мог бы, по крайней мере, запомнить хоть несколько слов, сказанных на языке племянника. Тогда можно было бы узнать хотя бы, уроженцами какой страны были они с дядей. Но писарь уверял, будто он говорит не по-французски и не по-итальянски, а скорее по-английски, и, если он не ошибается, молодой человек сказал: «God dam!» Так писарь и сам выпутался из беды и моллоду человеку помог приобрести прозвище. Ибо теперь в городишке только и разговору было, что о молодом англичанине.

Но молодой англичанин тоже не показывался ни на кегельбанае, ни в пивном погребеке; но все же давал много пищи людским толкам. А именно, часто случалось, что в обычно столь тихом доме приезжего раздавались страшные крики и шум, так что люди, задравши головы, толпились перед домом.

Молодой англичанин в красном фраке и зеленых штанах, вздохмаченный и страшный, метался с невероятной быстротой по всем комнатам от окна к окну, а старик-приезжий в красном халате гонялся за ним с арапником в руке. Он часто промахивался, но несколько раз собравшимся перед домом любопытным казалось.

На шум прибежал из своей комнаты старик-дядя и не очень нежно касался арапником спины племянника.

что он настиг юношу, так как из дому слышались жалобные и испуганные стоны и щелканье бича.

Столь жестокое обращение с молодым человеком возбудило живейшее участие у дам нашего городка, и, в конце концов, они упрости бургомистра вмешаться в это дело. Он послал приезжему господину записку, в которой в довольно резких выражениях порицал его за суровое обращение с племянником и грозил, если такие сцены не прекратятся и впредь, взять молодого человека под свою особую защиту.

Но каково же было удивление бургомистра, когда приезжий господин впервые за десять лет самлично явился к нему. Старик оправдывал свое поведение особыми указаниями, которые ему дали родители юноши, поручившие ему воспитание молодого человека. «В общем это умный, способный мальчик, — заявил приезжий господин, — но языки даются ему с большим трудом». Он страстно же-

лает научить племянника бегло говорить по-немецки, чтобы затем взять на себя смелость ввести его в грюнвизельское общество, между тем этот язык дается юноше с таким трудом, что часто не остается ничего другого, как выпороть его надлежащим образом.

Бургомистр был вполне удовлетворен его объяснением и вечером в погребке рассказывал, что редко встречал столь образованного и учтвого человека, как приезжий. «Жаль только, — прибавлял он, — что он так мало бывает в обществе; но я полагаю, что как только его племянник научится немножко говорить по-немецки, он будет часто посещать мой журфикс».

Этого случая было достаточно, чтобы общество совершенно изменило свое мнение. Приезжего стали считать человеком учтвым, мечтали поближе познакомиться с ним и считали вполне естественным, что в старом доме время от времени слышались ужасные крики. «Он обучает племян-

ника немецкому языку»,—говорили грюнвизельды и шли своей дорогой.

К концу третьего месяца обучение немецкому языку как будто закончилось, ибо старик перешел теперь к следующей ступени образования. В городе проживал хилый старик-француз, обучавший молодежь танцам; приезжий призвал его к себе и предложил ему давать уроки его племяннику. Он намекнул, что хотя тот и очень понятлив, но в отношении танцев несколько своенравен; в свое время он брал уроки у другого танцмейстера, но тот обучил его таким рискованным па, что воспроизвести их в обществе неудобно; племянник же именно поэтому считает себя искусным танцором, хотя в его танцах нет ни малейшего сходства ни с вальсом, ни с галопом, ни с экосезом или французом. Впрочем, он пообещал по талеру за урок, и танцмейстер с радостью согласился взять на себя обучение своевольного юноши.

Француз сообщал затем по секрету, что не встречал на свете ничего более странного чем эти уроки танцев. Племянник, довольно высокий, стройный юноша, пожалуй, только несколько коротконогий, всегда являлся на урок тщательно завитой, в красном фраке, широких зеленых штанах и белых лайковых перчатках. Говорил он мало и с иностранным акцентом. Сначала он бывал довольно благонравен и понятлив, но затем вдруг начались какие-то странные прыжки, неуместные движения и такие антраша, что танцмейстер совершенно терял голову; когда же учитель пробовал его образумить, тот стаскивал с ног изящные туфли, запуская ими французю прямо в голову и принимая скакать по всей комнате на четвереньках.

На шум прибежал из своей комнаты старик-дядя в широком красном халате, в золотом бумажном колпаке на голове и не очень нежно касался арапником спины племянника. Тогда племянник разражался громким воем, забирался на столы и шкафы, даже на оконные карнизы и говорил что-то на странном, непонятном языке. Но старик в красном халате не давал себя провести. Он хватал его за ногу, стаскивал вниз, колотил изо всей силы и при помощи пряжки стягивал потуже ему галстук, после чего племянник всегда становился благонравным и чинным, и урок танцев продолжался без помехи.

Когда же танцмейстер настолько продвинул своего питомца, что можно было пригласить на урок музыканта, племянник будто переродился. Подрядили музыканта из городского оркестра и усадили его на стол в заброшенном зале старинного дома. Танцмейстер изображал даму, причем старик заставлял его облачаться в шелковую юбку и индийскую шаль; племянник приглашал его и принимался с ним танцевать и кружиться. Это был неумотный, неистовый танцор. Он не выпускал учителя из своих длинных рук несмотря на его стоны и крики, и тому приходилось танцевать до тех пор, пока он не валялся в полном изнеможении или пока рука музыканта не отказывалась водить смычком.

Танцмейстера эти уроки чуть было не свели в могилу, но талер, который он аккуратно получал каждый раз в уплату, и хорошее вино, которым потчевал его старик, делали свое дело, и он снова приходил на урок, хотя накануне и зарекался переступить порог пустынного дома.

Но грюнвизельды смотрели на это дело совсем иначе чем француз. Они считали, что у молодого человека много данных для светского образа жизни, а дамы, испытывавшие большой недостаток в кавалерах, радовались, что к зимнему сезону получат такого лихого танцора.

Однажды утром служанки, возвратясь с базара, сообщили своим господам о необычайном происшествии. Перед пустынным домом стояла роскошная зеркальная карета, запряженная рысаками, и лакей в пышной ливрее держал дверцу. Тут распахнулись двери пустынного дома и оттуда вышли двое нарядных господ: один из них был старик-приезжий, а другой,— по всей вероятности, молодой человек, который с таким трудом учится немецкому языку и с таким увлечением танцует. Оба сели в карету, лакей вскочил на пяточки, и карета — вы только представьте себе! — покатила прямо к дому бургомистра.

Услышав от своих служанок это известие, хозяйки мигом сорвали с себя кухонные передники и чепцы, не отличавшиеся безупречной чистотой, и привели себя в надлежачий вид. «Совершенно ясно,— говорили они своим домочадцам, которые метались, наводя порядок в гостиной, одновременно служившей и для других делей,— совершенно ясно, что приезжий решил вывезти племянника в свет. Ста-

рый дурак за десять лет ни разу не счел нужным побывать у нас в доме, но ради племянника, как говорят, очаровательного молодого человека, ему можно это простить». Так говорили они и навставляли своих сыновей и дочерей, чтобы те в присутствии приезжих вели себя чинно, держались прямо и разговаривали более изысканно.

Городские умницы угадали правильно: старик с племянником объезжали всех по очереди, стараясь снискать расположение в каждой семье.

Все были в восторге от обоих приезжих и сожалели, что не приобрели раньше этого приятного знакомства. Старик оказался весьма достойным и рассудительным человеком. Правда, разговаривая, он все время улыбался так, что нельзя было сказать с уверенностью, говорит ли он серьезно или нет, но он говорил о погоде, об окрестностях, о летних удовольствиях в погребке на горе, говорил так разумно и рассудительно, что все были им очарованы.

А племянник! Он восхитил всех, завоевал все сердца. Правда, что касается внешности, его лицо нельзя было назвать красивым: нижняя часть, особенно челюсть, слишком выдавалась вперед, и цвет лица был чересчур смугл; кроме того он по временам корчил уморительные рожи, жмурил глаза и скалил зубы, но все же, по общему мнению, черты лица у него были оригинальны и интересны.

Трудно было себе представить более подвижную, более ловкую фигуру. Правда, костюм как-то странно сидел на нем, но все ему было замечательно к лицу. Он с большой живостью бегал по комнате, присаживался то на софу, то на кресло, вытаскивал ноги, но то, что у другого молодого человека сочли бы в высшей степени вульгарным и неприличным, у племянника истолковывалось как признак гениальности.

«Он англичанин, — говорили окружающие, — а они все таковы. Англичанин может растянуться на диване и заснуть в присутствии десяти дам, которым некуда сесть, так что они принуждены стоять около него. На англичанина за это нельзя обижаться».

Старого дядю он слушался беспрекословно. Достаточно было одного строгого взгляда дяди, чтобы образумить его, когда он пускался вприпрыжку по комнате

или, по своей любимой привычке, забирался с ногами на стул. И как можно было сердиться на него за это, когда дядя в каждом доме говорил хозяйке: «Племянник мой еще несколько дик и невоспитан, но я крепко надеюсь на общество: оно его отшлифует и образует как следует, — и именно вашим заботам я поручаю его особенно настоятельно».

Итак, племянника вывели в свет. И в этот и в последующие дни в Грюнвизеле только и разговору было, что об этом событии. Но старик на этом не остановился. Казалось, он совершенно переменил и образ мыслей и строй жизни. После обеда он отправлялся вместе с племянником в погребок на горе, где пило вино и развлекалось кеглями грюнвизельское общество. Племянник выказал себя в игре большим искусником: он никогда не сшибал меньше пяти или шести кеглей зараз. Правда, время от времени на него как будто что-то находило: вдруг ни с того ни с сего он мчался стрелой влед за шаром и учинял среди кеглей настоящий разгром, или же, сшибив короля, он становился на свою изящную завитую голову и дрыгал в воздухе ногами; иной раз не успеешь и оглянуться, как он уже сидит на крыше проезжающей мимо кареты и строит оттуда рожи; просеет немножко, спрыгнет и снова вернется к обществу.

Всякий раз, как разыгрывались такие сцены, старик усердно извинялся перед бургомистром и прочими присутствующими за невоспитанность своего племянника, они же смеялись, приписывали все его молодости, уверяли, будто и сами в его возрасте отличались таким же проворством, и прямо обожали молодого повесу, как они его называли.

Иногда он порядком сердил их, и все же они не решались выражать свое недовольство, ибо молодой англичанин всюду сходил за образец начитанности и рассудительности.

По вечерам старик с племянником хаживали и к «Золотому оленю» — в местную гостиницу. Хотя племянник был еще совсем молодым человеком, он держал себя, как старик, усаживался за столик, надевал неизменные очки, вытаскивал огромную трубку, закуривал ее и дымил пуще всех. Когда же разговор заходил о газетах, о войне и мире и доктор высказывал одно мнение, бургомистр — другое, а все прочие поражались глубине их поли-

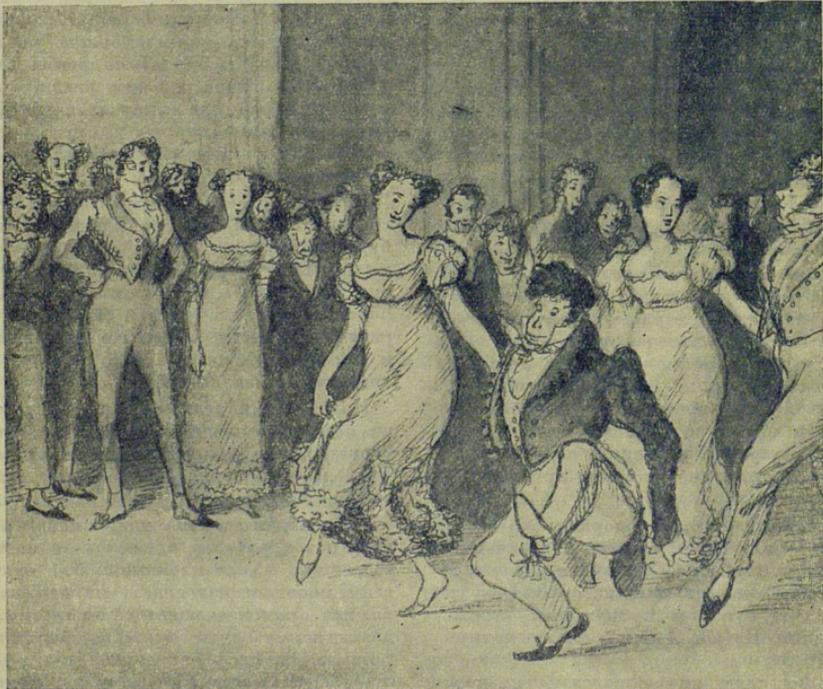
тических знаний, племяннику могло вдруг придти в голову высказать совершенно противоположное мнение. Он ударял тогда по столу рукой, с которой никогда не снимал перчатки, и самым недвусмысленным образом давал понять бургомистру и доктору, что они ничего толком не смыслят, что он слышал об этих делах совсем иное и понимает их гораздо глубже. Затем он выражал на странном, ломаном немецком языке свое мнение, которое, к великой досаде бургомистра, все признавали совершенно правильным, ибо, как англичанин, он, разумеется, знал все гораздо лучше прочих.

Когда же затем бургомистр и доктор, разозлясь, но не решаясь вслух высказать свое недовольство, садились играть в шахматы, племянник придвигался к ним поближе, заглядывал сквозь свои большие очки бургомистру через плечо и критиковал тот или иной ход, говорил доктору, что ему надлежало бы пойти так-то и так-

го, и оба игрока втайне приходили в ярость. Когда же затем бургомистр ворчливо предлагал ему сыграть с ним партию, чтобы по всем правилам сделать ему мат, ибо он считал себя вторым Филадельфом, то старик-дядя потуже стягивал племяннику галстук, после чего тот становился совсем серьезным и чинным и делал бургомистру мат.

До тех пор грюнвизельцы каждый вечер развлекались картами по полкрейцера за партию; племянник счел эту ставку мизерной и стал ставить кроненталеры и дукаты, утверждая, будто никто не играет столь искусно, как он, но затем обычно проигрывал невероятные суммы, что снова примиряло с ним разобидевшихся было партнеров. И они ни капли не совестились, забирая у него столько денег. «Ведь он же англичанин, а значит, богат от рождения», — говорили они и клали дукаты к себе в карман.

Итак, племянник презрего господина

Без дальних слов молодой англичанин брал первую попавшуюся даму за руку и становился с нею в первую пару.

в скором времени завоевал необычайные симпатии в городе и во всей округе. Старожилы не помнили, чтобы в Грюнвизеле когда бы то ни было видели подобного молодого человека. Нельзя сказать, чтобы племянник чему-либо обучался кроме танцев. Латынь и греческий были для него, как говорится, китайской грамотой. Однажды во время какой-то игры в доме у бургомистра ему нужно было написать несколько слов, и вот оказалось, что он не умеет даже подписать собственную фамилию. В географии он делал грубейшие ошибки; ему ничего не стоило пересадить немецкий город во Францию или датский — в Польшу. Он ничего не читал, ничему не учился, и пастор часто задумчиво качал головой по поводу полного невежества молодого человека. И, тем не менее, все, что он делал и говорил, все находили прекрасным, ибо он был настолько нагл, что всегда считал себя правым и все свои речи заканчивал словами: «Я это лучше знаю!»

Так подошла зима, и тогда племянник приобрел еще большую славу. Всякое общество без него казалось скучным. Когда какой-нибудь умный человек говорил что-нибудь, все зевали; когда же племянник изрекал на плохом немецком языке нелепейший вздор, все развешивали уши. Этот совершенный во всех отношениях молодой человек вдобавок оказался еще и поэтом. Почти каждый вечер он вытаскивал из кармана лист бумаги и прочитывал обществу сонет. Правда, нашлись люди, утверждавшие, будто многие из его стихотворений плохи и бессмысленны, а остальные они уже где-то читали в напечатанном виде, но племянник не смущался: читал себе и читал. Затем он просил присутствующих обратить внимание на красоту его стихов и всякий раз добивался оглушительного успеха.

Но настоящим триумфом для него были грюнвизельские балы. Никто не танцевал неутомимее и быстрее его, никто не проделывал столь рискованных и оригинально-грациозных прыжков. При этом дядя всегда одевал его чрезвычайно нарядно и по последней моде, и хотя костюм обычно сидел на нем как-то нескладно, все находили, что все на нем очаровательно и к лицу.

Правда, кавалеры были несколько обижены новыми порядками, которые он завел. Прежде бал всегда открывал бурго-

мистр собственной персоной, а в дальнейшем распорядиться танцами предоставлялось наиболее родовитым молодым людям, но с появлением приезжего молодого человека все изменилось. Без дальних слов брал он первую попавшуюся даму за руку, становился с ней в первую пару, делал все, как ему заблагорассудится, и оказывался хозяином, распорядителем и королем бала. А так как дамы находили такую манеру превосходной и весьма приятной, то мужчины не смели возражать, и племянник оставался в том сане, в который возвел себя сам.

Балы, казалось, доставляли особое удовольствие и старику. Он глаз не спускал с племянника, все время тихонько пошмыгивал, а когда все устремлялись к нему, рассыпаясь в похвалы учтивому, благовопитанному юноше, он не мог от радости совладать с собой, разражался веселым смехом и вел себя, как безумный. Грюнвизельцы приписывали эти бурные проявления веселости его большой любви к племяннику и находили это вполне естественным. Но время от времени дяде приходилось прибегать к отеческому внушению, ибо среди изящнейших танцев молодому человеку вдруг могло взбрести на ум в один прыжок вскочить на помост, где восседал городской оркестр, вырвать контрабас из рук органиста и отчаянно запиливать на нем или перевернуться и потанцевать на руках, дрыгая ногами в воздухе. Тогда дядя обычно отводил его в сторону, строго журил и ту же стягивал ему галстук, и племянник опять становился благонравным.

Так вел себя племянник в обществе и на балах. Но, как это обычно водится, дурные нравы распространяются куда легче хороших, и в новой оригинальной моде, как бы она ни была нелепа, всегда есть что-то притягательное для молодежи, еще не задумывающейся над собой и светом. Так было и в Грюнвизеле с племянником и его странным нравом. Когда молодые люди увидели, что племянника не только не бранят, но даже превозносят за его нелепые манеры, грубый смех, болтовню и дерзкие ответы старшим, что все это даже находят гениальным, то они решили: «Стать таким гениальным по-всей очень легко».

Прежде это были прилежные, дельные молодые люди; теперь они думали: «К чему учиться, когда невежество дает куда

больше?» Они забросили книги и стали слоняться по улицам и площадям. Прежде они были учтивы и вежливы со всеми, ждали, пока их спросят, и отвечали пристойно и скромно, теперь они становились на равную ногу со взрослыми, вмешивались в разговор, дерзко высказывали свое мнение, смеялись в лицо даже самому бургомистру, когда он что-нибудь говорил, и утверждали, будто знают все лучше всех.

Прежде грюнвизельские молодые люди питали отвращение к грубому и вульгарному поведению. Теперь они распевали непристойные песни, курили огромные трубки и шатались по кабакам. Они покупали себе большие очки, хотя и отлично видели, нацепляли их себе на нос и считали, что стали взрослыми людьми, ибо похожи на пресловутого племянника. Дома и в гостях они растягивались, не снимая сапог и шпор, на диванах, раскачивались на стульях в хорошем обществе или подпирали кулаками щеки, а локтями опирались на стол.

Напрасно твердили им матери и друзья, как все это глупо и неприлично; они ссылались на блестящий пример племянника. Напрасно доказывали им, что племяннику как англичанину приходится прощать некоторую грубость. Словом, жалко было смотреть, как под влиянием дурного примера племянника совершенно исчезли в Грюнвизеле добрые нравы и обычаи.

Но недолго радовалась молодежь такой грубой, разгульной жизни: следующее событие сразу все изменило. Зимние увеселения предполагалось закончить большим концертом, участвовать в котором должны были музыканты городского оркестра и искусные грюнвизельские любители музыки. Бургомистр превосходно играл на виолончели, доктор — на фаготе, аптекарь, хотя и не обладал настоящим дарованием, недурно играл на флейте, несколько грюнвизельских девиц разучили арию, — словом, программа была составлена прекрасно. Но приезжий заявил, что хотя этот концерт обещает быть превосходным, в нем все же не хватает дуета, а в каждом порядочном концерте обязательно бывает дует.

Это заявление вызвало некоторое замешательство. Правда, дочь бургомистра педала, как соловей, но где раздобыть кавалера, который мог бы спеть с ней дует? Вспомнили даже о старом органисте, ко-

торый когда-то пел великолепным басом; но просяжий объяснил, что все эти хлопоты излишни, так как его племянник замечательно поет. Все были поражены этим новым прекрасным дарованием юноши. Ему пришлось спеть кое-что для пробы, и несмотря на некоторую странность манер все сочли, что он поет как ангел. Итак, спешно разучили дует. Наконец, настал вечер, в который уши грюнвизельцев должны были услыхаться концертом.

К сожалению, старик-приезжий не мог присутствовать при триумфе своего племянника, так как заболел, но он передал бургомистру, навестившему его за час до концерта, кое-какие распоряжения относительно своего племянника.

«Мой племянник — добрейшая душа, — сказал он, — но время от времени в голову ему приходят странные мысли, и тогда он делает всякие нелепости. Именно поэтому я весьма сожалею, что не могу присутствовать на концерте. Меня он сильно побаивается и прекрасно знает, почему! В его оправдание я должен сказать, что эти проказы происходят не от дурного характера, а имеют скорее чисто физическое происхождение: они свойственны его природе. Пожалуйста, господин бургомистр, если ему взбредет на ум ни с того ни с сего усесться на нотный попюитр или во что бы то ни стало провести смычком по контрабасу или еще что-нибудь в этом же роде, то будьте так любезны, распусти-те немножко его высокий галстук, а если он и тогда не успокоится, снимите его вовсе. Вот увидите, каким он сразу станет послушным и чинным!»

Бургомистр поблагодарил больного за доверие и обещал в случае надобности поступить по его совету.

Зал был переполнен, так как на концерт явился весь Грюнвизель вместе со всей округой. Охотники, пасторы, чиновники, помещики — все, живущие на расстоянии трех часов езды, прибыли с чадами и домочадцами разделить с грюнвизельцами редкое наслаждение. Музыканты из городского оркестра справились превосходно; вслед за ними выступил бургомистр, исполнивший партию на виолончели под аккомпанемент аптекаря, который играл на флейте; после них органист с большим успехом пропел басовую арию; немало хлопали и доктору, сыгравшему на фаготе.

Первое отделение закончилось, и все с

«Держите, держите его! — вне себя кричал бургомистр. — Он с ума сошел! Держите его!»

нетерпением ждали второго, в котором молодой приезжий и дочь бургомистра должны были исполнить дуэт. Племянник явился в роскошном наряде и уже давно успел привлечь к себе внимание присутствующих. Никого не спрашивая, растянулся он на великолепном кресле, предназначенном для некоей графини, проживавшей по соседству. Он вытянул ноги и рассматривал всех в огромный бинокль, которым пользовался, не снимая и своих больших очков, и возился с огромным псом, которого захватил с собой несмотря на запрещение вводить в зал собак. Графиня, для которой было приготовлено кресло, вошла в зал, но племянник и виду не подал, что собирается встать и уступить ей место; наоборот, он уселся еще плотнее, и никто не решился сделать молодому человеку какое-либо замечание; а знатной даме пришлось сидеть на самом простом соломенном стуле среди прочих женщин нашего города, чем, как говорят, она осталась весьма недовольна.

Во время прекрасной игры бургомистра, во время превосходной басовой арии органиста, даже во время фантазии, исполненной доктором на фаготе, когда все слушали, затаив дыхание, племянник заставлял собаку приносить ему носовой платок или громко болтал с соседями, так что те, кто его не знал, поразились странному поведению молодого человека.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что все с любопытством ждали, как он исполнит свой дуэт. Началось второе отделение; музыканты городского оркестра исполнили небольшой номер, затем бургомистр в сопровождении своей дочери подошел к молодому человеку, передал ему ноты и сказал: «Мосье! Не благоволите ли вы пропеть теперь ваш дуэт?» Молодой человек расхохотался, оскалил зубы, вскочил и вместе с ними проследовал к пюпитру, а все общество замерло в ожидании.

Органист взмахнул палочкой и кивнул племяннику, чтобы он начинал. Тот взгля-

нул сквозз свои большие очки на ноты и испустил отвратительный жалкий звук. Органист крикнул ему: «На два тона ниже, уважаемый: до, вам надо взять до!»

Но, вместо того чтобы взять до, племянник снял с одной ноги башмак и запустил им органисту прямо в голову, так что взвилось облако пудры. Увидя это, бургомистр подумал: «Ах, вот опять напали на него его причуды физического порядка!» Он подскочил, схватил его за шею и немножко распустил ему шарф. Но молодому человеку стало от этого еще хуже. Он вдруг заговорил не по-немецки и не по-английски, а на каком-то никому непонятном языке и стал странно прыгать. Бургомистр был в отчаянии от такой досадной помехи и решил вовсе снять галстук с молодого человека, с которым, должно быть, приключилось что-то совсем неладное. Но едва он это сделал, как окаменел от ужаса, ибо вместо человеческой кожи нормального цвета шея у молодого человека оказалась покрытой темнокоричневой шерстью. А племянник стал прыгать еще выше и нелесее. Он запустил свои лайковые перчатки себе в волосы, потянул и — о чудо! — его прекрасные волосы оказались париком, который он швырнул бургомистру в физиономию; голова же у него была покрыта такой же коричневой шерстью.

Он стал перепрыгивать через столы и скамейки, опрокидывать пиюитры, топтать скрипки и кларнеты и, казалось, совсем обезумел.

«Держите, держите его! — вне себя кричал бургомистр. — Он с ума сошел! Держите его!» Но сделать это было не так-то просто, потому что он снял перчатки и показал когти; он впиался людям в лицо и ужасно дарапался. Наконец, одному отважному охотнику удалось справиться с ним. Он так сжал его длинные руки, что тот теперь только дрыгал ногами, хохотал и кричал хриплым голосом.

Все собрались вокруг и глядели на странного юношу, который теперь совсем не походил на человека. Один ученый, проживавший по соседству и собиравший всякие чудеса природы и чучела животных, подошел поближе, внимательно посмотрел на него и с удивлением воскликнул: «Господи боже мой, милостивые государины и милостивые государи, как допустили вы это животное в порядочное

общество? Ведь это же обезьяна! Если вы мне его уступите, я охотно дам за него шесть талеров и сделаю из него чучело для моей коллекции».

Кто описет удивление грюнвизельцев, когда они услышали эти слова. «Как? Обезьяна, орангутанг в нашем обществе? Юный приезжий — просто-напросто обезьяна?» — восклицали они и в полном изумлении тупо смотрели друг на друга.

Они не могли верить, они не доверяли собственным ушам. Мужчины подвергли его тщательному осмотру. Но он как был, так и остался самой обыкновенной обезьяной.

— Но как же это возможно?! — воскликнула супруга бургомистра. — Ведь он же часто читал мне свои стихи! Вед он не раз бывал у меня на обеде, как и другие молодые люди!

— Как! — всполошилась докторша. — Ведь он же пивал у меня кофе, часто и помногу, по-ученому разговаривал с моим мужем и курил?

— Как! Разве это возможно? — подхватили мужчины. — Ведь он же катал с нами шары на кегельбане в погребе и спорил о политике, как нам подобный!

— Ну как же! — жаловались дамы. — Ведь он вел у нас на балах танцы! Обезьяна! Обезьяна! Это чудеса, наваждение!

— Да это чары и дьявольское наваждение, — сказал бургомистр, протирав галстук обезьяны, или племянника. — Глядите! В этом шарфе таится заклинание, при помощи которого он нас очаровывал. Вот широкая полоса эластического пергамента, покрытая всякими диковинными письменами. Мне даже сдается, будто это по-латыни. Кто-нибудь может прочесть?

Пастор, ученый человек, не раз проигрывавший обезьяне партии в шахматы, подошел, взглянул на пергамент и сказал:

— Нет, только буквы латинские, а написано здесь:

*«Ах, обезьяна так смешна,
Когда ест яблоко она».*

— Да, — продолжал он, — это адский обман, своего рода чары, и заслуживает примерного наказания.

Бургомистр держался того же мнения и тотчас же отправился к приезжему, который, несомненно, был волшебником,

а шесть полицейских несли обезьяну, так как необходимо было сейчас же приступить к допросу.

Они подошли к пустынному дому, сопровождаемые целой толпой народа, так как всякому хотелось посмотреть, что будет дальше. Они стучали в дверь, звонили в звонок, все напрасно: никто не показывался. Тогда бургомистр, разозлившись, приказал выломать двери и отправился наверх, в спальню к приезжему. Но там нашли только старую домашнюю утварь. Приезжего и след простыл. А на его письменном столе лежало большое запечатанное письмо, адресованное бургомистру, которое тот тут же и вскрыл. Он прочитал:

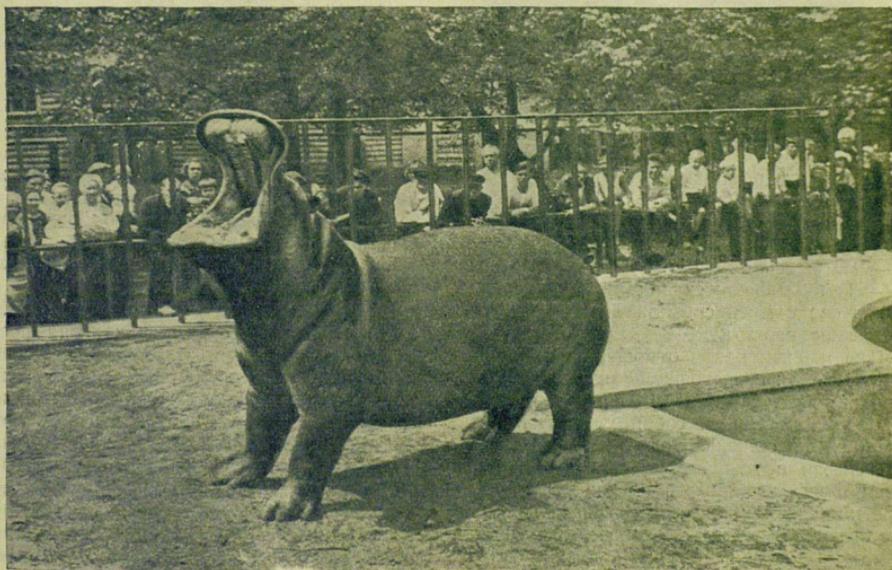
«Милые мои грионвизельцы!

Когда вы будете читать это письмо, меня уже не будет в вашем городке, а вам уже давно будет известно, какого роду-племени мой воспитанник. Примите шутку, которую я разрешил себе сыграть с вами, как хороший урок, и впредь не навязывайте приезжему, желающему жить по-своему, ваше общество. Я считал се-

бя слишком хорошим для того, чтобы участвовать в ваших вечных сплетнях, усвоить ваши дурные привычки и смешные нравы. Вот почему я и воспитал себе в заместители молодого орангутанга, столь полюбившегося вам. Будьте здоровы и используйте по мере сил сей урок».

Грионвизельцам было очень стыдно перед всей округой. Утешались они только тем, что все это случилось при помощи сверхъестественных сил; но больше всех стыдились грионвизельские молодые люди, которые переняли дурные привычки и повадки от обезьяны. Отныне они уже не клали локтей на стол, не качались на стуле, молчали, пока их не спросят; они сняли очки и стали попрежнему вежливы и благонравны, а если кому-нибудь случилось вернуться к тем дурным и нелепым манерам, то грионвизельцы говорили: «Это обезьяна!» А обезьяну, так долго игравшую роль молодого человека, отдали тому ученому, у которого был кабинет редкостей. Она и поныне разгуливает у него по двору, он кормит ее и как дикушку показывает всякому гостю.

В Московском зоопарке

«Антоша» просит кушать.

Попробуй, огни!

Профессия собаки

Н. Розенкноп

По заданию редакции, я поехала в собачий питомник.

— А вы не боитесь собак? — спросил меня дежурный.

— Не боюсь.

— Тем лучше, — сказал он, — я познакомлю вас с моей собакой Джерри. Дайте мне вашу перчатку.

Я не поняла, какое отношение моя перчатка имеет к предстоящему знакомству, но перчатку дала. Он вышел из комнаты и скоро вернулся, ведя за собой худую черную ищейку. Она обнюхала шахматистов, которые сидели в дежурке, ткнулась носом в диван и вдруг рванулась ко мне. Уперлась передними лапами о диван и залаяла прямо мне в лицо. Я увидела ее заблестевшие глаза и острые клыки. Дежурный, должно быть, заметил, что я испугалась, и дернул поводок. Собака замолчала. Ее острые уши вздрагивали, она пристально следила за мной. Когда

я протянула руку к портфелю, она яростно подскочила и вцепилась в рукав.

Дежурный объяснил мне, что Джерри нашла меня по запаху перчатки.

— Это самая лучшая собака, — сказал он. — Я расскажу вам о ней.

Вы, наверное, думаете, что я зря расхваливаю свою собаку. Рост у нее маленький, кости торчат, шерсть лохматая, ничем примечательная собака. Так я вам скажу: другой такой собаки на свете не сыщешь! Приведите мне сюда самую красивую собаку, я на нее и смотреть не захочу. Вот наш Джек, уж на что красивый пес: и шерсть у него гладкая, и сам стройный, — а я свою Джерри не сменяю на него.

Посмотрите, какие у нее умные глаза. Я знаю, что она думает сейчас. И она понимает меня, по голосу чувствует, какое у меня настроение.

Если я с кем-нибудь сердито и громко

разговариваю, так она издевается вся. Очень беспокоится за меня. Ее однажды чуть не сочли из-за этого бешеной. Я разговаривал с воров в одной комнате, а ее привязал в соседней. Так что с ней делалось! Встала на задние лапы, передними перебирает, уши насторожила, трясется. Те, кто были в комнате, испугались. Я вошел, она сразу притихла, глаза виноватые, легла на пол и виляет хвостом, извиняется, значит, за беспокойство.

Я как-то заболел и несколько дней не приходил к ней, она очень скучала без меня, не ела ничего. Да я и сам, если не вижу ее день, словно потерял что-то.

Так что у собак дело совсем не в наружности. Вот некоторые любят комнатных собачек, шпидцев, фокстерьеров разных. А на что они годятся? Разве это собаки? У наших профессия есть, они стерегут границу, ловят преступников, человека спасти могут. У нас в питомнике есть пес Гольд. Так он спас жизнь своему проводнику Сотину. Как-то ночью вел Сотин двух преступников, у одного оказался нож. Шли они по темному переулку. Вор зашел сзади, выхватил нож, замахнулся и хотел всадить в спину Сотину, а Гольд с преступника глаз не спускал, кинулся к нему на грудь и повалил на спину. Гольд очень сильный пес, с ним никто не может справиться. А признает он только Сотина.

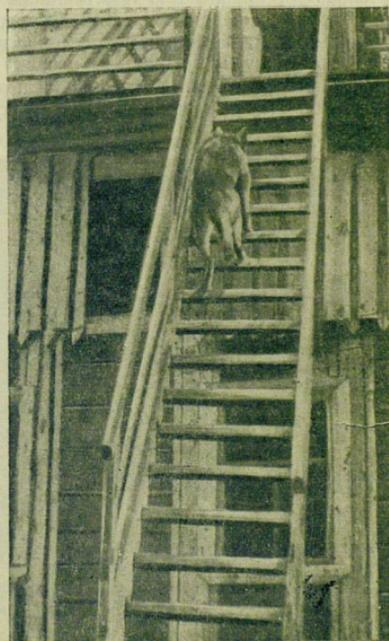
Джерри очень ловкая. Посмотрели бы вы, как она прыгает! Мой рост — метр 80 сантиметров, так она свободно достает до моего затылка. Да что там метр 80 сантиметров, она берет барьер в два с половиной метра. В воздухе летящая вся, как птица. А по пожарным лестницам так лазает, что за ней не угнаться.

Сейчас ей два года, а привезли ее к нам двухмесячным щенком. Неказистый был щенок, на него никто и смотреть не хотел: морда худая, уши висят, шерсть торчит, ростом ниже всех щенят, но зато веселый. Бегаёт по двору, найдет какую-нибудь кость и играет с ней. Стал я приглядываться к нему, вижу: смысленный пес и характер хороший. А для нашей работы очень важно, какой у собаки характер. Некоторые думают, что у всех собак характер одинаковый, — так они собак не знают. У каждой собаки свой характер, и не всякая собака может у нас работать. Бывают очень ласковые собаки: кто ни поманит их, они и бегут. В нашем деле это не годится. А бывают трусливые собаки: чуть где услышит шум — сразу под лавку. С такими собаками и вовсе

ничего не поделаешь. Со злыми тоже работать трудно: они на всех кидаются, на них приходится надевать колючий ошейник.

А этот щенок мне понравился: веселый, зря ни на кого не кидается, со всеми играет, ну а если раздражить, то уж спуску не даст: оскалит зубы и готов разорвать. Взял я этого щенка и стал его обучать. Сколько он ватных костюмов порвал, — не считать. Вы, наверное, не знаете, что это за ватные костюмы, так я вам расскажу.

У собак чутье, конечно, врожденное, они различают самый тонкий запах и по запаху могут найти человека. Но это их чутье надо развить и использовать для работы. Вот и стал я учить Джерри. Вышел с ней на полянку. На улице тепло, а Петров в ватном костюме в кустах сидит. Увидел нас и начал шуметь в кустах. Джерри заволновалась, тянет меня к кустам, а я ее держу, не пускаю. Петров выскочил из кустов и давай махать мешком у морды Джерри. Она из себя выходит, рвется вперед, еле я ее удерживаю. Очень разозлилась. Тут Петров побежал, я спустил Джерри с поводка, и она

След ведет на чердак...

помчалась за ним. Дороги не разбирает, перепрыгивает через кусты. Ручеек там протекал, так она через него одним прыжком перескочила. Петров отбежал в сторону и спрятался. Она потеряла его из виду, не знает, куда ей дальше бежать, стоит по середине, злая, шерсть взъерошенная, храпит от злости, и глаза кровью налиты. Стал я ее в землю носом тыкать, чтобы она учуяла запах. Вижу: не понимает, пришлось опыт проделывать еще раз, только уж дразнил ее не Петров, а другой человек. На третий раз она догадалась: нашла по следам человека, который ее дразнил, догнала его и начала трепать. Если бы не ватный костюм, не знаю, что бы с ним и было. Я ее не останавливал, пусть рвет костюм! Ведь для нее это удовольствие. А мне надо было ее приучить, чтобы она искала человека, даже если он ее и не раздражал. А если бы я сразу запретил ей рвать его, так она и догонять бы в другой раз не стала. Какое ей удовольствие? Я ей приказываю перестать, а она не слушается: очень уж возбуждена была.

Вы, может быть, слышали, что караульные собаки всегда хватают преступников за правую руку? Джерри тоже так делает, а приучил я ее так: мой помощник надевал на правую руку какую-нибудь повязку и дразнил ее этой рукой. Когда она кидалась на него, он старался подставить ей правую

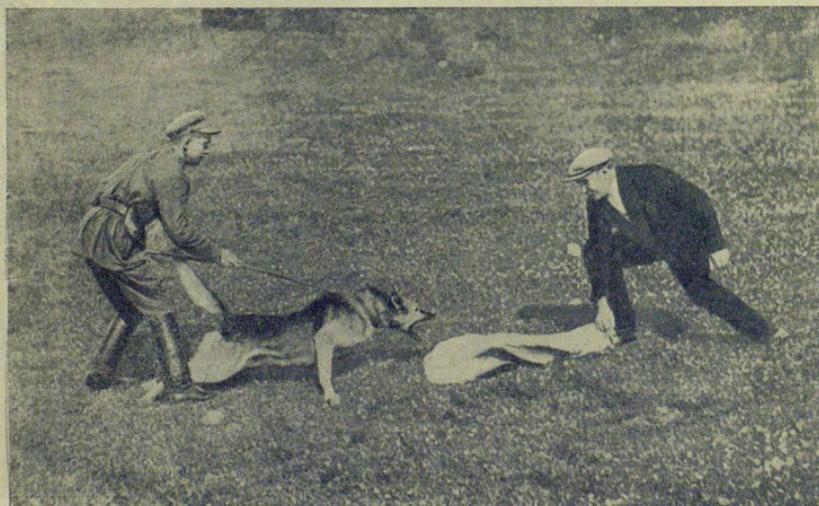
руку; она и привыкла, если ей скажешь: «Хватай!», — хватает за правую руку.

Я уж говорил вам, как Джерри по пожарным лестницам лазает. А как она их раньше боялась: увидит лестницу и бежит от нее. Она как-то раз упала с лестницы, поэтому стала ее бояться. Я взял Джерри на руки, поставил на лестницу и стал переставлять ее лапы.

Приучил. Вместе с ней я и через барьер перепрыгивал. Через маленький барьер она скоро научилась перепрыгивать, а через большой—сначала не решалась. Я стал подсаживать ее, она зацепится передними лапами за барьер, и сама уж подтягивается вверх. Я крикну: «Барьер!», — и она перескакивает.

Командовать надо твердо, уверенно, чтобы собака чувствовала, что я сильнее ее. И если уж дашь команду, то менять ее нельзя, а то в другой раз собака не слушает.

Когда я обучал Джерри, я увидел, что это незаменимая собака: умная, понятливая, только очень нервная. Она привыкла на дело выезжать на мотоцикле и как услышит, что трещит мотоциклет, не может спокойно сидеть. А если на работе потеряет след, так прямо беда, бегает взад и вперед, в глазах тревога. Как-то мы выезжали с ней и не поймали преступника. В тот день была очень плохая погода: мороз, ветер —

Это тренировка. Собаку раздражили, и сейчас удержать ее нелегко.

все следы замело снегом. Еду я обратно невеселый, а Джерри совсем грустная. На меня даже не смотрит, стыдно ей, что не нашла след.

Очень важно, чтобы проводник и собака доверяли друг другу. Представьте себе: ночь, надо лезть на чердак, не зная, есть там кто или нет. Джерри тихонько подымается по лестнице, оглянется, видит, что я за ней иду, и дальше лезет. Знает, что я не брошу ее. Она ко мне привыкла и ни за что сейчас с другим проводником работать не будет.

И я ей тоже очень верю. Бывают случаи, когда кажется, что она ошибается, неверно идет, а потом оказывается что зря не доверял. Был такой случай. Приехали мы на одно дело, там воры обокрали квартиру и скрылись. Джерри привела меня к забитой лестнице. Я рванул дверь раз, другой, не поддается. Крепко заколочена. Все жильцы говорят, что эта дверь уже давно забита, и никто ее не открывал. А Джерри лает и не отходит от двери. Я пошел кругом, нет никакого хода. Кругом народ собрался, смеются: ошиблась, говорят, ваша собачка. А я вижу, Джерри настаивает на своем — здесь да и только. Бегает, в дверь царапается и все на меня смотрит. Что тут делать? Раз Джерри так уверена, значит, тут были воры, но дверь-то давно забита, сам вижу: болты ржавые. Подошел я к двери, ударил по ней ногой, вдруг одна доска выпала. Джерри пролезла в эту дыру, а мне никак не пролезть. Я стою у двери. Вдруг слышу рычит Джерри глухо, словно ей кто рот заткнул. Я крикнул:

— Дайте топор — дверь рубить!

Побежали за топором, а я стоять не могу: «Что там с собакой?» — думаю. Слышу: хрипит. Не выдержал я, высадил дверь плечом. Смотрю: лежит на полу парень, а над ним Джерри стоит, пошевелился не дает. Оказывается, этот парень спрятал здесь ворованные вещи, а удрать не успел. Увидел Джерри и стал душить ее.

Другая собака, увидев, что нет хода, может быть, и ушла бы, а Джерри настойчи-

вая. За это я ее люблю, очень люблю, но не балую.

В другой раз мы искали украденные вещи, и Джерри повела меня прямо к голубятне. Я ее в другую сторону веду, а она тянет к голубям. «Неужели, — думаю, — голубями заинтересовалась?» А оказалось на голубятне были спрятаны вещи.

У нас часто бывают проверки собак, как они выучены. Так вот Джерри — отличница. Не смейтесь: у нее все отметки отличные. Пришел к нам однажды член комиссии, стал рядом со мной и ударил меня по плечу, не сильно, а так, чтобы посмотреть, как Джерри будет меня защищать. Она в него вцепилась, еле-еле ее оттащили, думаю, у него до сих пор следы остались от ее зубов. Даже меня слушать не хотела. А вообще она слушает меня хорошо. Без разрешения не лает. Помню, сидели мы ночью в лесу, в засаде. Небо было все в тучах, темно, хоть глаза выколи. Джерри видит, обстановка тревожная, жется ко мне и повизгивает. Вдруг чувствую: напряглась она вся, того и гляди залает, все дело испортит. Я положил ей на спину руку, она поняла и перестала визжать.

Когда Джерри свободна, так она может и за кошкой погналась. А на работе пусть хоть под самым ее носом бегают кошки, внимания не обратит.

Сегодня мы уж пять раз выезжали. Джерри устала. Ведь уж двенадцатый час ночи. Вы думаете, у нее глаза закрыты, так она спит? Нет. Я вот скажу тихонько: «Джерри». — То-то, сразу вскочила. Нет, Джерри на дежурстве не уснет.

Мы расстались. Я шла и думала о Джерри. Вот такие же храбрые, преданные собаки, как Джерри, помогают охранять наши границы. В любую погоду — будь то сильный мороз или жара — они вместе с пограничниками в дозоре всматриваются в темноту и ловят каждый шорох.

Я уверена, если Джерри будет на границе, она не пропустит врага.

В Соединенных штатах Америки. Полицейский и сыщик ведут арестованного забастовщика.

Расправа

(Рассказ французской журналистки)

Наша машина медленно продвигалась вперед по занесенной снегом дороге, то и дело обгоняя целые толпы женщин, детей и стариков, нагруженных домашним скарбом. Это были мирные жители Теруэля, отправившиеся искать пристанища в отдаленных от фронта республиканских городах.

Дул холодный, северный ветер. Серые, тяжелые тучи затеняли все небо. Пошел снег. Беглецы кутались в одеяла. Натягивали на головы какое-то тряпье.

Вдруг раздался крик, панический, многоголосый крик: «Самолеты!»

(Продолжение читай на 105 стр.)

Демонстрация с вывернутыми карманами

По улицам итальянского города Палермо шли демонстранты. Они изо всех сил кричали: «Да здравствует дуче!»¹, а фашистские полицейские зверски избивали демонстрантов резиновыми дубинками и пытались заставить их замолчать.

Почему так странно вели себя полицейские? Конечно, не лозунг, который выкрикивали демонстранты, смущал их. Если бы мы были в тот день на улицах Палермо, то сразу открыли бы действительную причину: у всех демонстрантов карманы были вывернуты наружу.

Шагая с вывернутыми карманами и восклицая «Да здравствует Муссолини!», демонстранты как бы говорили: мы нищи и голы, у нас пустые карманы — вот до чего довел нас Муссолини.

¹ Так фашисты называют Муссолини.

У берегов Южной Калифорнии ученые бросили в воду 1000 закупоренных бутылок с почтовыми открытками. На открытках — просьба к каждому, кто найдет бутылку, написать о месте находки в государственную лабораторию рыболовства.

Таким путем ученые установят направление и силу морских течений.

ОРАТОР ГО ВОРИЛ ПЯТЬ ДНЕЙ

Оратор говорил уже пятый день. Он читал главы из Библии, по несколько часов цитировал речи ораторов, произнесенные много лет тому назад и совсем не относящиеся к теме его выступления. Обширное помещение сената было пусто. Лишь несколько сенаторов, сидя глубоко в креслах, решало кроссворды или просто спало. Это в сенате Соединенных штатов Америки «обсуждается» закон против суда Линча.

В Южных штатах США очень часто белые плантаторы дико расправляются с неграми. Стоит какому-нибудь белому заявить, что негр будто бы совершил какой-нибудь проступок, как толпа белых «джентльменов» хватается нечестного. Без суда и следствия негров расстреливают, вешают и даже сжигают на костре. Такая расправа называется судом Линча.

Когда в сенат был внесен закон, направленный против линчевания, сенаторы Южных штатов решили сорвать принятие этого закона. Они воспользовались тем, что, по конституции, каждый сенатор имеет право говорить, сколько ему вздумается.

Вот они и говорили: кто — день, кто — два, а кто — пять дней! Конца такому «обсуждению» не было видно, а между тем сенату предстояло утвердить еще ряд очень важных законов. Правительство сдалось и прекратило обсуждение закона против линчевания.

Письмо из Эльзаса

Дорогие товарищи!

На этом снимке вы видите меня с гармоникой, которую мне подарил отец.

Вначале отец разучил со мной гаммы, потом песенку «Кукушка, кукушка кукует в лесу» и чекгольные другие.

Теперь мне нужно выучить ноты; это уже трудней.

Мой старший брат Фернанд сражается в Испании в Интернациональной бригаде.

К его возвращению я хочу выучить все песни, которые они там поют.

Вот будет он доволен!

Я приветствую вас от всей души и желаю вам также получить в подарок такую замечательную гармонику.

Ваш Рудольф Б.

Франция, Эльзас, Вительсхейм.

(Письмо это было напечатано в журнале «F. I.»)

К РАССТРЕЛУ!

Самыми жестокими способами поддерживают японские генералы «боевой дух» своих солдат. Один запасной, которого призвали в армию для того, чтобы послать воевать в Китай, прощаясь с семьей, заплакал. За это он был приговорен к расстрелу.

Чжу Дэ — Красная доблесть

О Чжу Дэ — одном из первых командиров, а потом главнокомандующем китайской красной армии — в Китае рассказывают много легенд. Говорят, что он видит на сто ли вокруг, может направить на неприятеля столбы дыма и ветра. Многие верят, что Чжу Дэ неуязвим — разве тысячи пуль не миновали его?

Японские захватчики, занимая город за городом, проникали в глубь Китая. На севере провинции Шанси хвдцинкам был нанесен первый основательный удар. Части 8-й народно-революционной армии разгромили целую японскую дивизию.

Командует 8-й армией Чжу Дэ. Два иероглифа, составляющие имя «Чжу Дэ», по-китайски означают «Красная доблесть». Родители, так назвавшие Чжу Дэ, не могли, конечно, знать, как подойдет ему это имя.

Чжу Дэ с детства мечтал быть военным. Юношей окончил на военную школу. Перед ним открывалась проторенная дорожка: он мог стать крупным чиновником, мог стать генералом. Но Чжу Дэ не пожелал идти по этой дорожке: он стал революционером, коммунистом.

Во время великого северного похода, когда части красной армии с боями продвигались с юга на север, бойцы всегда видали своего командира впереди, с винтовкой в руках. Хотя Чжу Дэ уже перевалило за 50 лет, он большую часть пути — много тысяч километров — прошел пешком, отдавая своего коня уставшим бойцам.

Чжу Дэ — Красная доблесть — любим не только своими бойцами: он любим всем китайским народом, который видит в нем человека, беззаветно отдающего все свои силы и всю свою жизнь борьбе за свободу Китая.

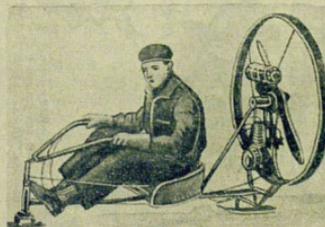
НОВОЕ ПЛЕМЯ

Открывая и захватывая новые земли, империалисты бесощадно уничтожали коренных жителей. Только в самых отдаленных уголках сохранились еще первобытные племена.

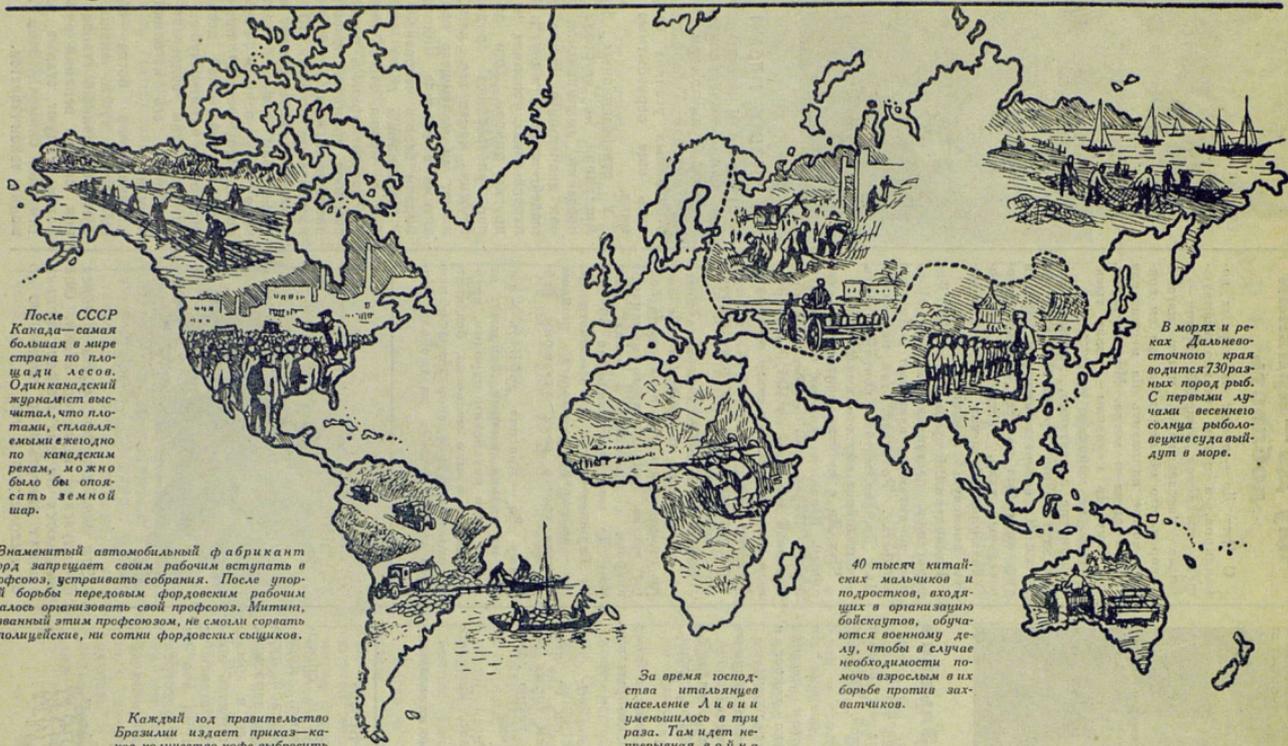
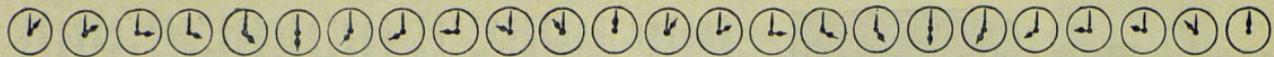
У северозападных берегов Австралии, на островах Воскресения, американская научная экспедиция нашла племя людей, которые живут в более первобытных условиях чем все другие дикари. Они до сих пор употребляют орудия и оружие каменного века, не имеют ни малейшего представления о металле, никогда не видали белого человека.

Американцы долго изучали быт и нравы этого племени. Им посчастливилось видеть церемонию принятия юношей в число воинов, т. е. полноправных членов племени. Юношей подвергают испытаниям, в которых они должны показать свою силу воли и выносливость. Испытуемому прокалывают острой иглой десны и выбивают камень зубы. Если он при этом вздрогнет или вскрикнет, его изгоняют из племени.

Немедленно после обряда выбивания зубов юноши танцуют священный танец воинов (смотри верхний снимок). Затем танцуют старые воины (нижний снимок). Этим церемония заканчивается.

Эти сани с пропеллером изобрел французский инженер Жанны. Они опираются на два плоских конька и могут двигаться со скоростью до 32 километров в час.

После СССР Канада — самая большая в мире страна по площади лесов. Одиноканадский журналист высчитал, что плотинами, сглаживаемыми ежегодно по канадским рекам, можно было бы оплести земной шар.

Знаменитый автомобильный фабрикант Форд запрещает своим рабочим вступать в профсоюзы, устраивать собрания. После упорной борьбы передовым фордовским рабочим удалось организовать свой профсоюз. Митинг, созванный этим профсоюзом, не смели сорвать ни полицейские, ни сотни фордовских сыщиков.

Каждый год правительство Бразилии издает приказ — какое количество кофе выбросить в море. Хозяевам кофейных плантаций невыгодно продавать кофе по дешевым ценам — вот они и выбрасывают в море десятки тысяч тонн кофе.

Весной наши колхозы и совхозы сепаширт и засеют 90 миллионов гектаров. Это в четыре раза больше всей посевной площади Германии и в восемь раз больше всей посевной площади Италии.

40 тысяч китайских мальчиков и подростков, входящих в организацию бойскаутов, обучаются военному делу, чтобы в случае необходимости помочь взрослым в их борьбе против захватчиков.

За время господства итальянцев население Ливии увеличилось в три раза. Там идет непрерывная война между колонизаторами и туземцами

В морях и реках Дальневосточного края водится 730 разных пород рыб. С первыми лучами весны стелется рыбацкая сеть в море.

Австралия — единственный материк, полностью расположенный в южном полушарии. Поэтому времена года там обратные нашим. Когда у нас лето, — там зима, когда у нас весна, — там осень. В северном полушарии теперь весна, идет сев, а в Австралии уже убирают урожай.

Марки китайской республики

Марка, которую вы видите сверху, выпущена недавно. Над Великой китайской стеной, построенной больше двух тысяч лет назад, летит современный самолет. Эта марка характеризует Китай наших дней, где наряду с самолетами, железными дорогами, современными фабриками и заводами можно найти места, где люди живут так же, как жили много вьнов тому назад.

На этой маленькой марке вы видите китайца, работающего на рисовом поле. Рис—основная пища для большинства населения Китая. Это самая распространенная в Китае сельскохозяйственная культура.

Ни в одной стране нельзя встретить такого широкого и разнообразного применения мелких судов, как в Китае. Часто джонка служит китаю и домом.

На этой марке изображен один из наиболее известных в Китае храмов. Говорят, что он построен больше тысячи лет назад.

Почта в Китае была учреждена в 1896 году. До этого марки в течение 18 лет выпускало таможенное управление. В 1936 году к сорокалетию китайской почты была выпущена марка (см. внизу справа), на которой изображен Главный почтамт в Шанхае.

На марке слева — китайская пагода.

Когда республиканцы заняли Теруэль, измученные жители города высыпали на улицу из своих убежищ, где они скрывались от фашистских зверств.

На снимке: республиканские бойцы раздают воду теруэльским ребятам.

Расправа

(Продолжение. Начало см. на стр. 102)

В мгновение ока толпа беглецов свернула с дороги. Мы высочили из машины и бросились вслед за другими в поле. Но не успела я сделать и трех шагов, как застрочил пулемет. Это был какой-то кошмар! Убийцы в упор стреляли по беззащитной толпе. Бредящим полетом, на расстоянии всего лишь 20 метров от земли, проходили они над нашими головами, без промаха посылая вниз смерть. Пулеметы! Ручные бомбы! И все это против толпы женщин, детей и стариков.

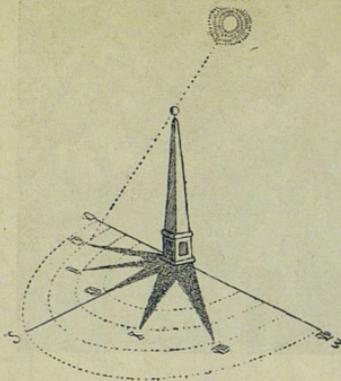
В двух шагах от меня к стволу дерева прижался мальчик лет 7 или 8. Одной ручонкой он обхватил ствол, другой судорожно натягивал на голову кусок одежды, точно оно могло укрыть его от пуль. Рядом корчился, обливаясь кровью, раненый в живот старик. Чуть подальше на снегу сидел 11-летний мальчуган. Он растерянно мотал окровавленной рукой. Кроме стрекотания пулемета и взрыва гранат на поле не было слышно ни звука: испуганные люди затаились на снегу, боясь даже собственного дыхания. Лишь бы не привлечь на себя внимания палачей!

Сколько времени длилось это избиение, не знаю. Мне казалось, что время остановилось. Казалось, что этот ужас никогда не кончится... Наконец, они взмыли вверх. Сделали над полем несколько кругов, точно любящая делом рук своих, и повернули на запад. Самолеты давно уже исчезли в тучах. Но никто не шевелился. «А вдруг вернутся?» — думал каждый из нас. Первым пришел в себя раненый в руку мальчуган. Он медленно встал, оглянулся, сделал несколько шагов и с душой раздрающим криком бросился к распростертой на снегу женщине.

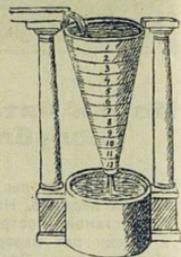
— Мама! Мама! Они убили ее! Мама! — кричал ребенок, обнимая труп матери. Это было сигналом. По полю заметались фигуры. Отовсюду неслись отчаянные крики. Там мать оплакивает своего ребенка. Там внучка плачет над убитым дедом.

И вдруг снова крик «Самолеты!» Они вернулись. Вернулись, чтобы добить оставшихся в живых. Опять стрекочут пулеметы. Опять рвутся ручные гранаты...

Какие слова нужно найти, чтобы описать эту казнь!

ВРЕМЯ

Э. Зеликович

Рис. П. Рябова

Удивительная это вещь — время!

Его нельзя ни обонять, ни осязать. А вместе с тем мы прекрасно знаем, что жить, не считаясь с временем, нельзя.

Но как измерять время? Комнату можно мерить метрами, воду — литрами. Как же измерить то, чего мы никакими органами не воспринимаем?

Человек замечательно решил эту задачу. Время он измеряет с помощью скорости.

Если один поезд движется вдвое быстрее другого, то он затрачивает на какой-то путь вдвое меньше времени чем другой поезд. И наоборот: в одно и то же время более быстроходный поезд проходит вдвое большее расстояние. Но расстояние мы видим, следовательно, мы видим, какой из двух предметов движется быстрее и какой медленнее. Вот почему скоростью (и расстоянием) можно измерять время.

Еще в незапамятные времена люди начали измерять время по самому заметному равномерно движущемуся предмету — по Солнцу.

Наблюдая за видимым перемещением Солнца по небу, человек нашел две основные меры времени: сутки и год.

Так Солнце сделалось главным счетчиком времени.

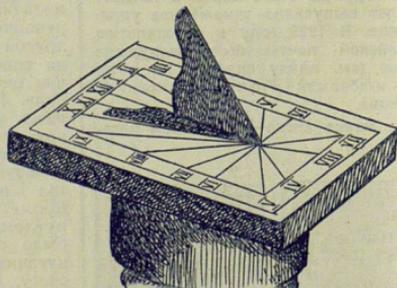
Проходили века. Человеческая культура росла; общественная жизнь усложнялась. Препрежних, грубо-приближенных мер времени (утро, день, вечер) уже стало недостаточно. Тогда человек разбил сутки на часы. Но часы уже нельзя точно определять наглаз по

положению Солнца на небе. И вот тогда люди сделали другое важное открытие: они воспользовались тенью, чтобы узнавать часы.

Так уже за несколько тысячелетий до начала нашего летоисчисления появились простейшие солнечные часы.

По рассказам греческих писателей, древние греки заимствовали их у вавилонян.

У солнечных часов два главных недостатка: ими можно пользоваться только днем и притом в ясную погоду. Поэтому в глубочайшей же древности у человека возникла другая идея — идея водяных часов. Промежуток времени измерялся количеством воды, вытекающей капля за каплей из отверстия на дне сосуда. Такие часы были известны уже египтянам, вавилонянам и древним грекам. А индусы и китайцы, наоборот, измеряли время количеством воды, втекающей через малое отверстие в сосуд, который плавал в большом бассейне.

Солнечные часы.

Были еще и песочные часы (в них поне­многу сыпался мелкий песок) и ламповые ча­сы, в которых узнавали время по пониже­нию уровня сгорающего масла. Искусные часовщики-изобретатели построили слож­ные водяные часы, клеписидры, — механизмы с осями и зубчатыми колесами. Палая на лопасти, вода двигала цилиндр с цифрами или циферблатом. Вращаясь около непод­вижной стрелки, он показывал время. Клеп­сидры, которые строились в Александрии еще в 3-м веке до начала нашего летосчис­ления, показывали время уже довольно точ­но.

История часов

И все же не только секунд, но и минут в точности не могли отмерять клеписидры. Тут понадобилось еще одно замечательное изобретение, сделанное уже в новое время.

Маленькая стрелочка... — такая простая для нас с вами вещь, а как мучился без нее один из величайших ученых — Галилей! Он изучал важнейшие законы механики, и сколько лишнего труда приходилось ему тратить из-за отсутствия равномерно дви­жущейся стрелки! Рассказывают, что малые промежутки времени он отсчитывал по «пульсу спокойного монаха»...

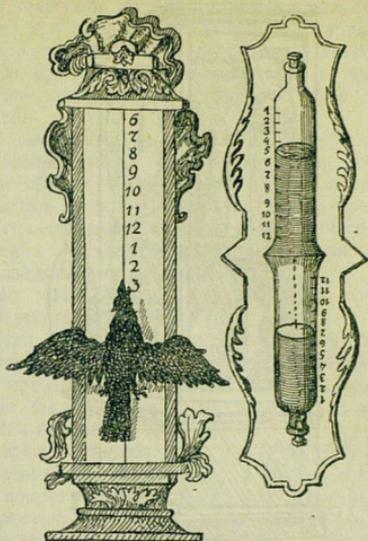
Но как раз Галилей и сделал то откры­тие, которое позволило человеку точно разделить сутки на любое число одинако­вых мелких частей.

Галилей установил законы маятника.

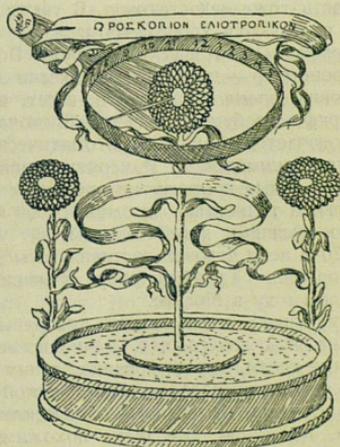
Представьте себе качающийся маятник. Сначала его размахи велики, затем они становятся все меньше и, наконец, совсем замирают, но длительность отдель­ных качаний (в известных пределах размаха) совершенно одинакова. Она станет, од­нако, другой, если изменить длину маят­ника. Значит, можно соорудить маятник та­кой длины, чтобы все его качания длились в точности по секунде. Это замечательное свойство маятника и решило дело.

Ведь наши современные часы — не что иное, как счетчик колебаний маятника. Благодаря трудам многих ученых и изобре­тателей маятник был соединен с механиз­мом системой зубчатых колес и гирь. Среди этих изобретателей главным творцом со­временного часового искусства был знамени­тый математик и физик Гюйгенс. И вот в 17-м веке появились часы с маятником.

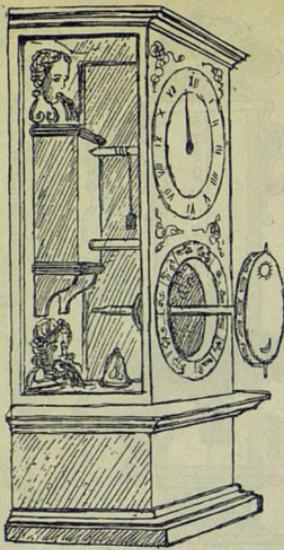
Сейчас построены механизмы, работаю­щие с исключительной точностью, — хроно­метры. «Хронос» — по-гречески «время»,

Изящные водяные часы французской работы. Справа показано их внутреннее устройство. Видно, что эти часы похожи на песочные: вода постепенно переливается из верхнего цилиндра в нижний.

Старинный рисунок: подсолнечник, указывающий время.

Водяные часы с циферблатом.

так что «хронометр» можно было бы перевести по-русски «временер».

За год хронометр может «отстать» или «уйти вперед» всего лишь на несколько минут.

Вместе с тем появились секундомеры. Однако для некоторых научных работ их точность тоже недостаточна. В таких случаях пользуются хронометром.

«Граф» — по-гречески «пишу». Поэтому хронограф — прибор, механически записывающий время. Записи он ведет, вроде телеграфа, на бумажной ленте. Включается и выключается хронограф автоматически — электрическим током. Измеряет и записывает он малые промежутки времени с изумительной точностью, до одной сотой и даже до тысячных долей секунды!

В 20-м веке человек заставил часы даже заговорить... Такой прибор появился в прошлом году в Москве.

«Говорящие часы», строго говоря, — совсем не часы: ничего того, что мы привыкли видеть в часах, кроме маятника, в них нет. Люди усовершенствовали часы до такой степени, что они, заговорив человеческим голосом, перестали уже быть похожими на часы. Отвечают эти часы только по телефону. Как только ваш телефон соединяется с говорящим аппаратом, механический го-

лос сообщает вам, сколько сейчас времени: в часах и минутах. Голос записан, как в звуковом кино, на фильмах: на одном — часы, на другом — минуты. Фильмы укреплены на вращающихся барабанах, соединенных с точными электрическими часами. После того как время названо, говорящий аппарат сам выключает ваш телефон.

Сколько длятся сутки?

«Вот простой вопрос! — подумаете вы. — Всякий знает, что в сутках 24 часа!»

Так ли это просто? Всякий безошибочно отличит сегодняшний день от вчерашнего, но где граница между ними? Правда, Солнце ежедневно восходит и заходит, но в разные дни это происходит в разное время. Поэтому сутками считается в астрономии промежуток времени между двумя следующими друг за другом полднями. А так как в полдень Солнце находится точно на юге, то определить с помощью современных астрономических приборов, когда настает полдень (а значит и длину суток) как будто не составляет труда.

Но тут нас ждет совершенно поразительный и пренеприятный сюрприз.

Оказывается, сутки вовсе не одинаковы: они в течение года то растут, то укорачиваются, и не во всех сутках 24 часа.

Как же это может быть? Ведь сутки — это один оборот Земли вокруг своей оси! Значит, она вращается неравномерно: то быстрее, то медленнее?..

Разберемся в этом. Измерим сначала каким-нибудь хронометром все сутки в году. Еыведем затем их среднюю величину. Получатся средние сутки.

А теперь попробуем определить величину суток не по Солнцу, а по звездам. Наблюдая их в течение тысячелетий, люди заметили, что расположение большинства из них на небе совершенно не меняется. Поэтому они так и называются «неподвижные звезды». А раз они неподвижны, то с их помощью можно измерить время одного оборота земного шара вокруг своей оси.

Вот вы видите из окна висящее на яблоне яблоко. Если бы кто-нибудь стал поворачивать вашу комнату (а яблоня оставалась бы неподвижно), то скоро яблоко исчезло бы из вашего поля зрения. Но когда комната совершит полный оборот вокруг своей оси, яблоко снова появится в окне, в том самом месте, где оно было раньше. Если бы вы записали при этом время, когда яблоко пересекло, скажем, раму форточки

в первый и во второй раз, то легко вычислили бы время оборота комнаты вокруг своей оси.

Так астрономы и поступают. Вращающаяся комната — это Земля, форточка — телескоп, а яблоко — звезды. Время, прошедшее между двумя появлениями звезды в телескопе, и есть длительность одного оборота Земли вокруг своей оси.

Тут нас ждут два новых сюрприза. В-первых, по звездам получается, что длительность всех суток совершенно одинакова. Что за странное противоречие между звездами и Солнцем!

Еще загадочнее второе открытие: по звездам сутки почти на 4 минуты короче наших средних суток. И из одной меры времени получаются уже две: «средние солнечные сутки» и «звездные сутки». В чем же тут дело?

В году приблизительно $365\frac{1}{4}$ суток. Значит, казалось бы, за год Земля $365\frac{1}{4}$ раза оборачивается вокруг своей оси. Однако это не так: ведь Земля не только вращается, но и обращается одновременно вокруг Солнца.

Если бы вы ходили вокруг дерева, постоянно обратясь к нему лицом, то, обойдя дерево, вы совершили бы один оборот и вокруг себя. Сами вы не заметили бы этого, вам мог бы сказать об этом только наблюдавший вас издали человек. Обходя дерево второй раз, вы вздумали в то же время вертеться вокруг самого себя. Допустим, что за время одного «круга» около дерева вы обернулись 100 раз вокруг себя. Это по вашему счету, но далекий наблюдатель опять обнаружил бы ошибку и исправил бы число 100 на 101.

Наши далекие наблюдатели — звезды. Они показывают, что в течение года Земля оборачивается вокруг своей оси $366\frac{1}{4}$ раза, по счету же относительно нашего «дерева» — Солнца — получается только $365\frac{1}{4}$ раза. Звездных суток в году больше чем солнечных: вот почему каждые звездные сутки короче на 4 минуты.

Но почему же длина солнечных суток не всегда одинакова? Разгадка в том, что Земля бывает то ближе к Солнцу, то дальше от него. Будучи ближе, она движется быстрее в мировом пространстве, а дальше — медленнее. В первом случае солнечные сутки растут, во втором — уменьшаются. Но вокруг своей оси Земля вращается совершенно равномерно. Поэтому звезды дают нам точную и постоянную меру времени.

В телескопе протянута отвесно нить. Вот через его поле зрения быстро проскальзывает яркая точка — это звезда. Момент, когда яркая точка пересекает нить, автоматически записывается хронографом на ленте.

В следующую ночь та же точка опять пересекает нить: Земля совершила ровно один оборот вокруг своей оси — прошли звездные сутки. По ним астроном проверяет специальные звездные часы. Их часовая стрелка обходит циферблат ровно в 24 звездных часа.

Но мало измерить сутки: надо точно определить и величину года.

Если бы мы ошибались каждый год всего на полдня, то лет через двести пришлось бы праздновать 1 Мая в шубах и можно было бы ходить в этот день на лыжах: 1 Мая оказалось бы... в середине января.

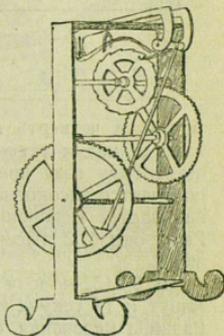
Земной шар несет-ся вокруг Солнца со скоростью около 30 километров в секунду. Пока вы читали эту страницу, Земля прошла по своей орбите больше 5 тысяч километров, а если вы читаете медленно, — то и все десять.

Вследствие движения Земли нам кажется, что Солнце смещается на небе, меняет свое место среди слишком далеких и потому неподвижных звезд. Солнце как бы совершает путешествие среди звезд. И когда минует год, оно возвращается на прежнее место.

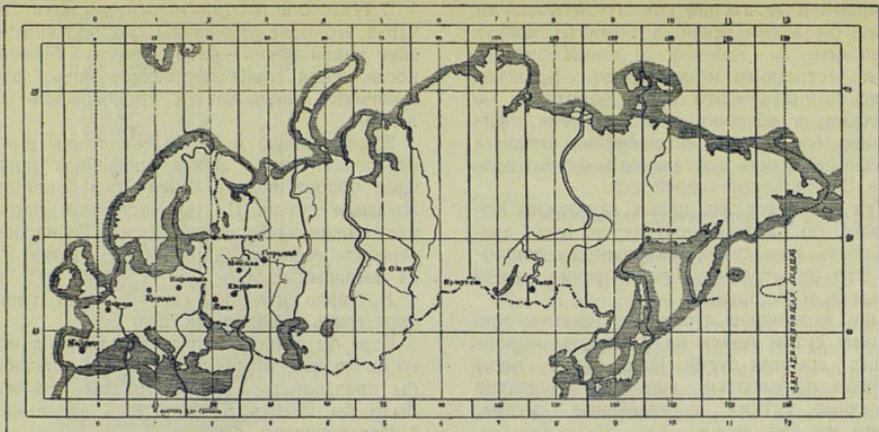
Так можно точно определить звездный год. Но звездный год примерно на 20 минут длиннее того года, при котором календарь никогда не спорит с природой. Этот год, по которому мы и живем, называется тропическим годом.

Он длится около 365,2422 средних солнечных суток. Но такое число неудобно: каждый новый год начинался бы в какой-то другой час: около 3-х часов ночи, в 11 часов утра и так дальше. Любителям встреч нового года пришлось бы устраивать веселые вечеринки в самое неожиданное время суток.

Как поступили, вы, конечно, знаете: отбросили 0,2422 суток, оставив в году ровно 365 дней. Сделанная при этом ошибка

Маятник Галилея.

Пояса времени.

почти на четверть суток возрастает за 4 года до целых суток. Поэтому к каждому четвертому году прибавляют 366-й день, и получается високосный год. Этот календарь называется юлианским: его ввел в древнем Риме около 2 тысяч лет назад Юлий Цезарь.

Но 0,2422-я доля суток все-таки на 11 минут и 14 секунд меньше четверти суток. Разница маленькая, однако в 128 лет и она дает ошибку на целые сутки. Эту новую ошибку исправляет «григорианский» календарь прибавлением к каждому 400 годам по 3 суток. Надо сказать, что и григорианский календарь (принятый теперь и у нас новый стиль) не вполне точен, но ошибку на одни сутки он дает только в 3200 лет.

Шутки времени

Однажды произошел необычайный случай: попало сразу 3 воскресенья на одну неделю!

Об этом случае рассказывает американский писатель Эдгар По. В Лондон приехали два капитана. Первый уверял, что воскресенье было вчера, второй, — что оно будет завтра, а жители Лондона знали, что воскресенье сегодня. Но самое замечательное при этом то, что все были правы: и капитаны и жители Лондона. Как же это могло случиться?

Дело в том, что капитаны вернулись в Лондон из кругосветного путешествия; пер-

вый приехал с запада, второй — с востока. Посмотрим, что происходит при таком путешествии со счетом времени.

Земной шар совершает полный оборот в 24 часа. Следовательно, каждая точка земного шара, кроме полюсов, вычерчивает за сутки в пространстве полную окружность — параллель. Если бы мы укрепили на глобусе тлеющий уголек и стали быстро вращать глобус в темноте, мы увидели бы огненную параллель.

Земной шар вращается с запада на восток. И нам кажется, что Солнце движется по небу с востока на запад. Значит, чем восточнее участок земного шара, тем раньше восходит для него Солнце. Если вы, выехав, скажем, из Москвы, отъедете на $\frac{1}{24}$ долю московской параллели на восток, вы увидите восход Солнца часом раньше чем москвичи. Проехав вторую двадцать четвертую часть параллели, вы увидите восход Солнца двумя часами раньше, третью — тремя часами и так дальше; об'ехав же всю параллель и вернувшись в Москву с запада, вы увидите восход Солнца уже на целые сутки «раньше» чем жители Москвы. Вот и получится, что ваш календарь будет показывать на один день больше чем календари всех москвичей.

Ясно, что при кругосветном путешествии в обратном направлении — на запад — должно получиться обратное: вы отстали бы в счете времени на сутки.

Случай, вроде рассказанного Эдгаром

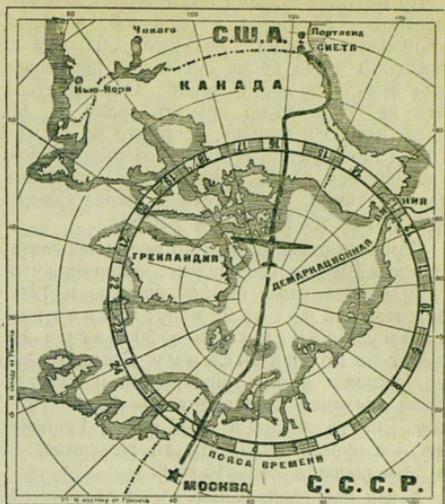
По, произошел после первого кругосветного путешествия, совершенного, как вам известно, более 400 лет назад Магелланом и Эль-Кано. Весь экипаж уцелевшего корабля ошибся тогда в счете времени на целые сутки. Один из моряков никак не мог объяснить при королевском дворе в Испании, как это случилось, за что был поднят насмех.

Теперь этого случиться больше не может (рассказ американского писателя, конечно, — шутка): между Камчаткой и Аляской проходит «линия дат», или, как она еще иначе называется, «демаркационная линия». Она расположена приблизительно на 180-градусном меридиане и идет от Северного до Южного полюса. При пересечении этой линии едущие на восток считают один день дважды, а движущиеся на запад срывают с календаря дополнительный листок.

Вращаясь, Земля подставляет под Солнце все новые меридианы, так что на каждом меридиане свое время. Если бы вы ехали по параллели Ленинграда на восток, вам пришлось бы через каждые 14 километров переставлять свои карманные часы на одну минуту вперед, а при движении на запад — назад. В дореволюционной России в каждом городе и было свое время, на вокзалах же часы показывали общее для всей страны время — «петербургское». По этому времени составлялось железнодорожное расписание и двигались поезда.

В СССР принято международное, «поясное» время. Земной шар разделен меридианами на 24 пояса. Всюду, в пределах каждого пояса, одно и то же время. Разница во времени между двумя соседними поясами ровно на час. Но меридианы проходят часто через город, озеро, остров или отделяют небольшой участок государства от остальной его части. Поэтому, если бы границы поясов шли строго вдоль меридианов, иногда оказалось бы, что на одной улице одно время, а на другой — другое. Чтобы избежать такого неудобства, границы поясов проведены не точно по меридианам, а, как показано на карте, извилистыми линиями.

В Англии находится одна из крупнейших астрономических обсерваторий мира. Расположена она в Гринвичском округе Лондона. Проходящий через нее меридиан считается «нулевым» — от него и ведется на восток и на запад счет времени и меридианов восточной и западной долготы.

Часовые пояса и «линия дат» в Арктике.

Иногда бывает нужно, например при больших морских путешествиях и перелетах, приводить время разных мест земного шара к какому-нибудь одному, общему. В таких случаях пользуются гринвичским временем. Поэтому оно называется «мировым временем».

В европейских государствах три времени: восточноевропейское, средневропейское и западноевропейское. Это значит, что все государства Европы лежат в пределах всего лишь 3 поясов. А СССР охватывает целых 11! Когда в Ленинграде 1 час дня, на Чукотском полуострове в это время уже 11 часов ночи. Вот как велика наша родина!

На полюсе Солнце не показывает времени: разное время имеют только разные меридианы, а в точках полюсов сходятся все меридианы! Значит, на полюсах «одновременно» время всех 24 поясов земного шара.

А где юг, на котором Солнце должно находиться в полдень? Он сразу всюду, кругом: ведь все меридианы идут с Северного полюса на юг. Зато здесь нет ни востока, ни запада... И вот, без суточных смен дня и ночи кружится Солнце полгода над Северным и полгода над Южным полюсами.

Но не только время подшучивает над человеком — случается и обратное: человек «проводит» время. Мы уже знакомы с прыжком через целые сутки при пересечении демаркационной линии. Оказывается, что не обязательно прыгать сразу на 24 часа: можно и меньше, например на 11 часов. Такой именно прыжок совершили прославившиеся на весь мир наши советские героини-летчицы, перелетевшие через Северный полюс из Москвы в Америку.

Помните радиogramмы во время перелета Чкалова? В них сообщалось, например, что самолет находился на 64° широты и 124° долготы в 12 часов 25 минут по сизтлскому времени или в 20 часов 25 минут по гринвичскому. Следовательно, разница между гринвичским и сизтлским временем составляет $20 - 12 = 8$ часов. Сизтл лежит в 16-м поясе, Гринвич же — в нулевом или, что то же самое, — в 24-м поясе, а $24 - 16 = 8$.

А так как гринвичское время отстает от московского на 3 часа, то разница между московским и сизтлским временем равна $8 + 3 = 11$ часам. Если летчики летели от Москвы до самого полюса по московскому меридиану, у них было московское время. Но вот они достигли полюса. И в одно мгновение, при перелете через полюс на сизтлский меридиан, время сделало скачок назад. И летчики сразу «помолодели» на 11 часов.

Мельчайшие и огромнейшие промежутки времени

Киноаппарат делает и показывает зрителям от 16 до 32 снимков в секунду. Хронографы отмеряют тысячные доли секунды. Но техника и ученые приходится иметь дело и с гораздо меньшими промежутками времени. А советскими изобретателями построен недавно научный прибор, производящий десять тысяч снимков в секунду. Пользуются при подобных съемках электрическим светом, но «горит» он не ровно, а отдельными вспышками — искрами. Их число и равно 10 тысячам в секунду. Однако это еще не предел: удалось заснять пулю в полете при искре, длившейся одну стотысячную долю секунды!

Вы сидите у репродуктора и слушаете пение. Радиостанция работает на волне, скажем, в триста метров. Но знаете ли вы, какой удивительно малый промежуток времени скрывается за этой «волной в триста

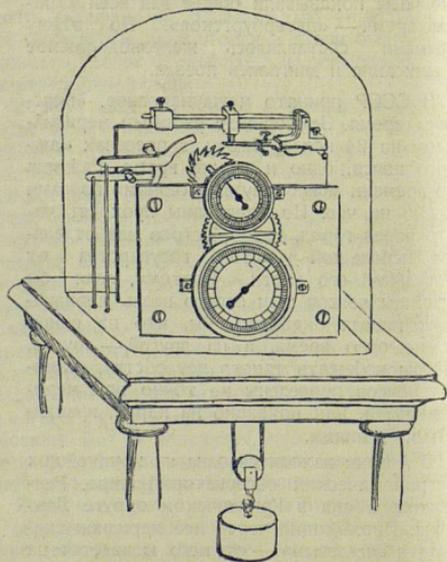
метров»? Таких волн возникает миллион в секунду. Это значит, в каждую миллионную долю секунды появляется новая волна. Волн длиной в 300 метров появляется 10 миллионов в секунду, в 3 метра — 100 миллионов, а в 30 сантиметров — миллиард в секунду!

Из таких же волн состоит и луч света, только световые волны гораздо короче радиоволн и возникает их в секунду намного больше: в среднем около 500 триллионов. Чтобы понять, насколько это число велико, вообразим триллион секунд: они составят 31690 лет. Этот срок втрое больше возраста самой древней человеческой культуры.

Материя состоит из мельчайших частиц — атомов. Но сам атом похож на солнечную систему: в середине его — ядро, вокруг которого вращаются электроны. Но если Земля обходит Солнце за год, то электрон водорода обходит свое ядро — в одну 40 000 000 000 000 000-ю долю секунды.

В этом числе 16 нулей. Оно так велико, что представить его себе невозможно. Если бы мы положили рядом столько тончайших паутинок, они заняли бы четыре миллиарда километров. Эта паутинная лента была бы в 27 раз длиннее расстояния от Земли до Солнца.

Посмотрим теперь, с какими большими

Хронограф Гиппа Уитстона, показывающий время с точностью до $1/1000$ секунды.

промежутками времени приходится иметь дело ученым.

До сих пор мы мерили время пространством: по пройденному телом пути судили о количестве протекшего времени. Астрономы же поступают часто наоборот: мерят пространство временем.

Вот вдали блеснула молния. Сразу ли вы увидели ее? Нет, несколько позже: тогда, когда луч света успел дойти от нее до вашего глаза. А пробегает он в секунду почти 300 тысяч километров. При такой скорости он смог бы в течение одной секунды семь с половиной раз оббежать земной шар по экватору. Поэтому можно считать, что все происходящее на Земле мы видим «сразу», то есть без опоздания.

Иное дело — в мировом пространстве. Если бы молния блеснула на Солнце, мы увидели бы ее только через 8,3 минуты, потому что от Земли до Солнца — около 149,5 миллиона километров. А на самой далекой планете солнечной системы, на Плуtone, молнию можно было бы увидеть только с опозданием в 5,5 часа: Плутон в 40 раз дальше от Солнца чем Земля. Если бы в 10 часов утра Солнце вдруг исчезло, на Плуtone еще в 3 часа дня можно было бы греться «на солнышке».

От ближайшей звезды свет идет к нам более 4 лет. Это значит, что от Земли до нее 40 000 000 000 000¹ километров. Ясно, что мерить такие расстояния километрами неудобно. Их мерят временем. Название этой меры — «световой год». Он равен расстоянию, которое луч света проходит за год.

Расстояние до звезд измеряется десятками и сотнями световых лет.

Почти над Северным полюсом находится Полярная звезда. Взгляните на нее сегодня ночью: вы увидите ее в лучах, которые она послала на Землю еще при жизни наших дедов. А какова она сегодня, такую увидят ее только наши внуки.

В мировом пространстве встречаются звездные скопления — «кучи»... Расстояние до ближайшего такого скопления равно примерно 20 тысячам световых лет. Это вдвое больше возраста человеческой культуры. Когда она зародилась, лучи, в которых мы можем увидеть сегодня такое звездное скопление, были всего на полпути к Земле.

Солнце — одна из миллиардов звезд огромной звездной системы. Глядя на нее изнутри, мы видим по ночам на небе только светлую полосу. Это «Млечный путь».

Его поперечник равен 100 тысячам световых лет. Таких систем во вселенной бесконечное число. Ближайшие удалены от нас примерно на миллион световых лет. Многие из них сфотографированы. Если вам попадет в книжке такая фотография, подумайте: ведь она заснята в лучах света, отправившихся в дальний путь задолго до того, как на Земле появился человек.

Самые далекие из открытых до сих пор звездных систем находятся от нас на расстоянии в 200 миллионов световых лет¹.

Два слова о возрасте солнечной системы.

Планеты рождены Солнцем. Полагают, что это произошло более двух миллиардов лет назад. Возраст Солнца астроном Джинс оценивает в 8 триллионов лет, а существовать оно может еще сотни триллионов лет... Во всяком случае, на триллион лет мы обеспечены его теплом и светом. Вот с какими огромными промежутками времени сталкивается человек при изучении вселенной.

Последний трюк времени

Время течет с какой-то определенной скоростью. Мы не можем ни уменьшить, ни увеличить ее, не можем и остановить время. Что бы мы ни делали, время уносит нас в любой час ровно на час вперед.

Но вот знаменитый физик Эйнштейн, исследуя законы механики, пришел к другому, поразительному выводу: если бы человек стал удаляться от Земли, время у него текло бы медленнее чем на Земле. И чем быстрее он летел бы, тем медленнее оно протекало бы!

Люди будущего смогут покидать нашу маленькую Землю и пронеситься в ракетах по безграничным просторам вселенной. Пофантазируем немного: вообразим себя на месте межзвездного летчика грядущих времен и отправимся мысленно в мировое пространство.

Запасишься необходимыми приборами и питательными таблетками на десятки лет, мы садимся в ракету.

Дан старт. Товарищи кричат еще что-то и машут руками, но мы уже не видим и не слышим их: ракета покинула Землю со

¹ Сейчас обнаружены уже звездные системы, отстоящие от нас на 250 миллионов световых лет. Так что пока писалась и печаталась эта статья, наука расширила радиус доступного ее изучению мира еще на 50 миллионов световых лет!

скоростью 30 метров в секунду, и с каждой секундой эта скорость на столько же возрастает. Благодаря такому ускорению полета вес наших тел, как учит физика, вчетверо увеличивается.

Во всем теле чувствуется страшная тяжесть, но через некоторое время мы привыкаем к ней. Стрелка прибора, показывающего скорость полета, ползет направо. На 112-й день она останавливается на фантастическом числе — 290 470: столько километров пролетает наша ракета в секунду. Эта чудовищная скорость близка к скорости света. С такой именно скоростью мы продолжали лететь, но уже без всякого ускорения.

Проходят годы. Ракета движется по огромной окружности, диаметром в 7,71 световых года. В исходной точке этой окружности находится Земля.

Ровно через 25 лет мы возвращаемся, как условились, на Землю.

Но что произошло на Земле? Никто нас не встречает.

Мы не можем отыскать ни родных, ни товарищей. Новые вещи, новые изобретения, неведомая обстановка. Как все изменилось на Земле, — и только за 25 лет! Мы смотрим на календарь и замираем в изумлении: он помечен каким-то странным

годом. Что такое? На Земле прошло ровно сто лет с тех пор, как мы вылетели!.. Друзья и товарищи давно уже умерли. Время сыграло с нами злую и коварную шутку.

И вот окружающие нас незнакомые люди, как сквозь сон, восстанавливают в памяти слова своих дедов и прадедов. Они говорили им что-то... Да, кажется, о двух смельчаках, отправившихся некогда в межзвездное плаванье!..

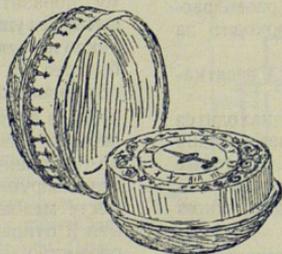
Эти герои не вернулись в условленное время. А их все ждали и ждали... долгие годы. Но они не вернулись совсем. Погибли, конечно, — с момента их вылета прошло 100 лет.

Теперь нами заинтересовался весь мир. Ученые произвели тщательные исследования наших приборов. Установлено, что хронометры и счетчики времени все время работали исправно; их изношенность — 25-летняя. И мы, прилетевшие из мирового пространства, совсем непохожи на стариков.

Значит, с момента вылета мы и в действительности прожили только 25 лет...

В чем же дело? Дело в том, что в ракете, несущейся с космической скоростью, время протекало в четыре раза медленнее чем на Земле.

Так говорит теория Эйнштейна.

«Нюрнбергское яйцо» — пружинные часы, не показывающие минут.

П О Ч Т А

НАША ГАЗЕТА

Письмо Эллы Зеймаль, Туси Ромм, Муры Прапорт, Лиды Мироновой и Майи Дидыч

Москва, 59-я школа, 4-й класс „Б“

О стенной газете мы говорили очень много, на всех сборах. Сначала мы выбрали редактором одного мальчика, который хорошо рисовал. Он решил, что его дело — только оформлять газету. А ребята так привыкли к тому, что газета не выходит, что заметок сами не писали. Тогда мы выбрали редактором Харитонову, а в редколлегию — Маричева и Эллу Зеймаль. Харитонова нарисовала заголовок «За учебу» и больше ничего не стала делать. Приближались выборы в Верховный Совет СССР. До 12 декабря осталось несколько дней. К такому празднику надо было обязательно выпустить стенную газету. Тогда Элла и Мальцев стали сами делать стенную газету. Они попросили вожатых звеньев написать, как работают звенья. Вожатые написали, но заметок было все-таки мало.

— Надо выпустить газету, — сказала Элла. — Тогда ребята будут сами писать.

И члены редколлегии сели и сами написали несколько заметок. Конечно, это нехорошо, что большинство заметок написано членами редколлегии и вожатым отряда, но ведь надо же было выпустить первый номер!

Вечером Элла и Маричев сели делать газету и поздно вечером ее закончили. Газета получилась неплохая. В ней были карикатуры. Правда, не очень хорошо нарисованные, но смешные. Там было нарисовано, как у нас в классе проходит урок рисования, сбор звена. Газета осталась в классе на столе. А наутро, когда мы пришли в школу, газета исчезла. Начался переполох. Мы бегали по всей школе, искали газету, но она как в воду канула. Но нашу редколлегию это не смутило. Она решила делать

новую газету. Вдруг приходит нянечка и говорит:

— Это вы вчера забыли газету на столе? Я спрятала ее.

Мы обрадовались. Нянечка дала нам газету, и мы повесили ее на стену.

Все ребята обступили газету, читают. Те ребята, про которых мы написали, разозлились и стали кричать:

— Это неправильно! Выдумка!

Остальные ребята говорили, что все написано правильно. Больше всех сердился Тимофеев. Лида Миронова написала про него, что он плохо ведет себя на уроках и плохо учится. Тимофеев стал кричать на Лиду. Но Лида не испугалась и спокойно ему говорит:

— Я написала про тебя правду. Нечего кричать: я тебя не боюсь.

Тимофеев разозлился еще больше и изо всех сил ударил Лиду. Мы вступились за нее.

Через несколько дней мы узнали, что Тимофеев избил другого нашего корреспондента, Толстунова (он тоже писал про Тимофеева). Тут мы уж не выдержали и решили его как следует проучить. Срочно выпустили второй номер газеты. Туся написала заметку про то, как Тимофеев расправился с ребятами, которые его критиковали. Сначала мы не хотели подписывать тусиной фамилии, чтобы Тимофеев не узнал, кто про него написал. Но Туся сама сказала:

— Нечего скрываться: надо показать, что мы его не боимся.

Мы подписали ее фамилию. Над заметкой мы сделали большой яркий заголовок: «Правда глаза колет».

Когда мы вывесили этот номер, все ребята побежали читать, а Тимофеев отошел в

сторону и только в самую последнюю перемену стал читать газету.

Ребята стали над ним смеяться. Тогда он сказал: — Я ее изобью.

Но, конечно, он побоялся и не избил Тусю. После этого ребята стали смело писать в газету, и никто уж не пытался делать так, как Тимофеев. Наша редколлегия состоит теперь не из двух, а из пяти человек, и вся редколлегия работает дружно. Ребята с нетерпением ждут, когда выйдет новый номер, и если мы задерживаем хоть на один день, все начинают спрашивать, почему газеты нет, скоро ли она выйдет.

Некоторые ребята, про которых мы писали, исправились. Мы писали про Бергенрина, что он плохо учится и строит из себя клоуна: гримасничает, старается, чтобы ребята над ним посмеялись. Он прочел эту заметку, потом подошел к нам и говорит:

— Я хочу хорошо учиться. Но я многого не знаю, и мне сейчас уж трудно догнать вас. Помогите мне.

Лида Миронова и Майя Дидыч стали с ним заниматься, и он исправил все свои плохие отметки. В третьем номере мы написали об этом. Ведь мы вовсе не хотим

только ругать ребят: мы пишем и о наших отличниках и о хороших делах класса.

В первых номерах мы писали большие передовые статьи. Но потом увидели, что ребята их не читают. А какой же толк писать то, что ребята не читают? Теперь мы пишем очень короткие передовые. В третьем номере мы написали о том, что пионеры не выполняют торжественного обещания. Это была очень маленькая статья. Все ребята прочли ее и очень много говорили о ней. Раз ребята дали клятву быть примерными пионерами, то должны ее выполнять, а иначе никто им не будет верить. Эта заметка подействовала на ребят.

Но не думайте, что мы пишем только об учебе и о пионерской организации: мы помещаем в газете отзывы о книгах, фокусы, задачки, ребусы. Однажды мы напечатали, как сделать украшения к елке. Но мы поместили только рисунок, а объяснение забыли написать, и никто не смог сделать игрушки. Все ребята ругали нас за это.

Очень многие ребята пишут про то, как они проводят свое время, про кинокартины, которые смотрели. Мы устроили обсуждение проекта памятника Павлику Морозова.

Газета выходит каждые десять дней.

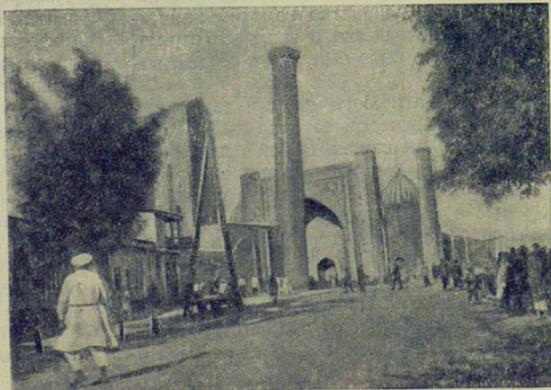
ЗНАКОМСТВО ПО ПОЧТЕ

Письмо Жени Лютикова

*Москва, Истоминский проезд, 3, квартира 25,
фотографии Нины Красноперовой. Самарканд*

В № 8 журнала «Пионер» был напечатан мой перевод с английского языка рассказа Джекоба «Капитан Бросс». Через две недели, после того как вышел журнал, я получил письмо. На конверте стоял штемпель—Самарканд. В Самарканде у меня живет тетка, но почерк у нее не такой, как на конверте. Я не стал долго раздумывать, вскрыл конверт и очень удивился. Письмо было от Нины Красноперовой. Она писала:

«Здравствуйте, Женя. Я прочла ваш перевод «Капитана Бросса», и он мне очень понравился».

Мечеть Шах-Зинда.

вился. Я тоже читаю журнал «Пионер». Я учусь в седьмом классе. Занимаюсь в фото- и электрокружках. Недавно мы сами сделали электропатефон и теперь слушаем музыку. Потом мы сделали модель трамвая, она совсем как настоящий трамвай.

Я была в Ташкенте на слете отличников».

В конце письма Нина просила подробно написать про Москву, про то, как я учусь и как живут московские ребята.

На следующий день я написал ей ответ. Трудней всего было писать про Москву. Ведь в Москве так много интересного, что в двух словах обо всем не расскажешь, надо целую книгу писать. Поэтому я написал ей о Петровском районе, где я живу. Здесь раньше было очень грязно, пройти нельзя было, а теперь улицы асфальтированы, построены хорошие шоссе. Два—три года назад к нам можно было добраться только пешком, а теперь здесь проложена трамвайная линия, и за несколько минут можно доехать до центра.

Я помню, что несколько лет назад здесь не было ни одного большого дома, стояли одноэтажные домики, а теперь дома стоят большие, красивые. И так перестраивается вся Москва.

Я написал Нине о московском Дворце пионеров, рассказывал про детские театры и кино, про наши фотокружок и фотогазету.

Скоро я получил от Нины ответ. В конверте, кроме письма, была целая пачка фотографий.

Нина писала:

«Посылаю тебе фотографии нашего старого города, развалин древних мечетей и дворцов, которые построены очень дав-

С этой террасы видны развалины старинных ворот.

Вход в мечеть Шах-Зинда.

но. Я сделала эти снимки летом, когда мы с подругами увлекались археологией. Мы делали раскопки недалеко от города и нашли черепки от разбитой посуды. На них хорошо сохранились рисунки. Мы нашли еще остатки разных украшений и все отдали в археологический музей.

Я ответил Нине. Наднях я получил от нее еще одно письмо.

ОСТРОВ

Рассказ и рисунки Шуры Примаченко

Город Запорожье. Днепропетровской области

— Дедушка, можно на вашей лодке поехать на остров? — спросил я. Дедушка сидел у стола. Он посмотрел на меня, немного помолчал, потом ответил:

— Бери лодку, да не утоните, осторожнее.

— Ладно, дедушка, не утонем, — проговорил я, выходя на двор.

Там меня ждали Петя и Витя.

— Ну что, дедушка дал лодку? — спросили они меня.

— Конечно. А удочки где?

— Они стоят за деревом, — ответил Петя.

Мы взяли удочки и пошли к Днепру. Лодка старика стояла недалеко от водокачки. Она была небольшая, как раз для нас.

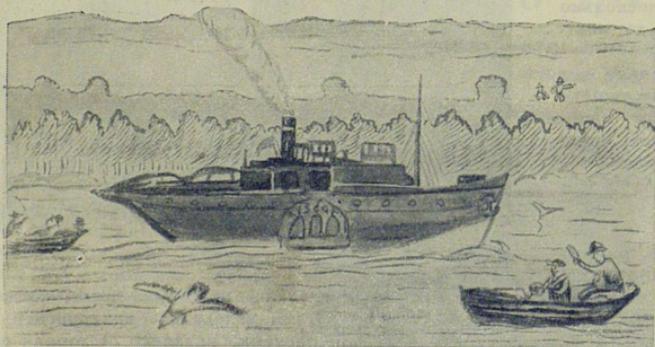
— Я буду грести, — сказал Петя.

— А я — править, — сказал Витя.

Мы плыли быстро. Солнце стояло высоко. Мы доехали до острова и первым делом выкупались.

— Ну, а теперь мы с Петей пойдем, а ты, Витя, останься эколо лодки, половишь рыбу. Мы скоро вернемся, — сказал я.

Мы пошли берегом. Не знаю, сколько мы прошли, но быстро устали и сели отдохнуть на траву. Отдохнув, мы направились к горе. Эта гора занимала почти весь остров. У подножья горы росли большие дубы, тополи, переплетенные диким виноградом.

По Днепру плыли лодки и катера.

— Какой большой дуб, а в нем дупло, — сказал Петя, засовывая в дупло длинную ветку. Не успел Петя рассмотреть дупло, как вдруг из дупла послышалось шипение змеи. Мы побежали изо всех сил, ломая кусты и ветки дикого винограда. Шипение приближалось, оно походило на свист.

— Бежим против солнца! — закричал я.

Цепляясь руками за кусты, деревья, за траву, мы поднимались на гору. Свист больше не доносился: как видно, змея оставила нас в покое. На горе не было так сыро и темно, как внизу. Отсюда все было видно. На самом берегу Днепра мы увидели водокачку, рядом с ней стояла землянка сторожа, который сторожил лодки. Вниз по

течению на берегу стоял каменный шпиль. За шпилем виднелась бухта. Дальше тянулись пески, и вдалеке был виден лес, росший на обрывистом берегу. По Днепру плыло много лодок, глассеров, пароходов и катеров.

Мы успокоились. Я стал рисовать Днепр, а Петя отправился за цветами. Но только я кончил рисовать водокачку, как вдруг увидел Петю. Он с криком бежал ко мне.

— За мной гонится змея! Беги, если хочешь жить! — закричал он, пробегая мимо меня.

Я схватил большой камень и бросил им в змею. Камень угодил в голову змеи. Но она была жива. Руки у меня тряслись. Я схватил большую дубину и пустил в змею. Змея ударила хвостом по земле. Кинув еще одну дубину, я побегал. Мне казалось, что змея ползет за мной, и я бежал так быстро, что ничего не видел вокруг себя. Петя был уже около лодки. Ребята подошли ко мне.

— А, ну-ка, расскажи, — сказал Витя, — что там за змея.

Я рассказал все, что со мной случилось.

— Ну, а теперь давайте поедим, покупаемся и будем ловить рыбу.

После того как приключение окончилось благополучно, у нас появился хороший аппетит, и мы с'ели все, что у нас было.

Солнце склонилось на запад. Часто мимо нас проходили катера с баржами. Откуда-то доносились звуки гармошки. Нам было весело.

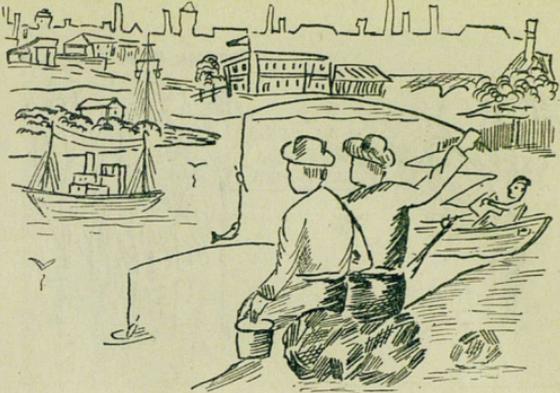
— Лови, Петя! — крикнул Витя, когда мы стали купаться.

— Ловлю! — закричал он и нырнул за мной. Я тоже нырнул. Мы купались долго, играя в «ловитки»: кто кого поймает.

— Давайте рыбу ловить, — предложил Витя.

Вода была очень прозрачная, и мы видели, как бычки подплывали к наживке. Но окуней не было. Когда мы уже собирались домой, я, наконец, поймал большого окуня.

Солнце скрылось. Мы поплыли домой, поставили лодку на место и разошлись по домам. Настроение у нас было очень веселое и хорошее.

Я поймал окуня.

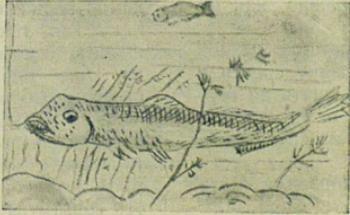

Рисунок Вили Хмырова

ВЕСНА

Стихотворение Феры Кричевской

Днепропетровск

Весна — это клейкие листочки,
 Весна — это ветер с полей,
 Весна — это горькие почки,
 Несущиеся домой журавли.
 Весна — это твердые зерна,
 Весна — это черный пар,
 Весна — это жгучее солнце,
 Весна — это веселый гам.

БЕЛКА

Письмо Володи Кокурина

г. Иваново, местечко Староумсково, Вязниковская ул., 27/4

Иду я однажды лесом. Вышел на лесную полянку, гляжу: белка на ели прыгает.

Ну, думаю: моя будешь, белочка, живую поймаю.

Ель одна стоит на поляне. Загоню белку на вершину, она с нее и не спрыгнет, решил я и полез на дерево. Трудно лезть: ель толстая, не обхватишь. Добрался до толстых сучьев, а дальше, как медведь через кустарник, лезу, только сучья летят. На руки сера налипла. Весь в царапинах и ссадинах. Но скоро вершина: ствол уже становится тонким и качается подо мной. Белка на самой верхушке сидит и тоже качается. Выше взбираться страшно, как бы не сломилась вершина.

Ладно, думаю, рукой не достану — палкой сшибу. Опустился пониже, палку срезал и снова полез вверх. Добрался опять до вершины, только поднял палку, а... белка уже вниз упала. Я скорей стал вниз спускаться, там найду.

Я положу ее под грибы в корзинку. Мать будет вынимать грибы и увидит. Спросит:

- Что это такое?
- Белка, — скажу.
- Ну и молодец, ну и охотник, — скажет она. — Без ружья ходил, а зверя убил.

Так я размышлял, слезая с дерева. Слез. Обошел кругом. Но что такое: не видать ее нигде. Куда делась белка? Еще раз обошел. Нет ее. В это время из лесу вышел старичок.

- Чего ты ищешь? — спросил он.
- Белку, дедушка.
- А разве белки растут под деревьями?
- Да нет, белка с дерева спрыгнула, с самой вершины. Я и ищу, куда она упала.
- Так, так, — говорит дедушка. — Я, значит, знаю, где она. Подходил я к поляне, мне она и повстречалась. «Здравствуй, — говорит, — дедушка. — Здравствуй, — отвечаю. — Куда ты, — торопишься? — Да вон с дерева мальчишка согнал, полез на ель и поймать меня хотел», — смеется надо мной дедушка. — Она не убилась, а просто спрыгнула и убежала. А ты ищешь!

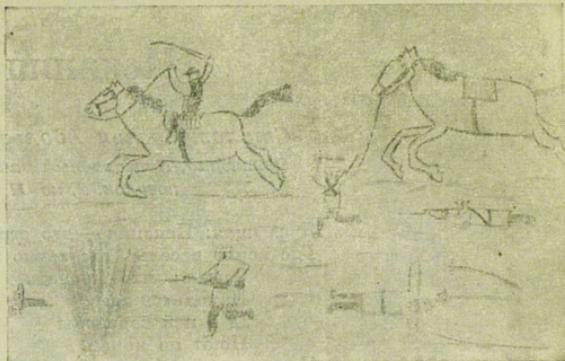

Рисунок Шурика Тачаева

Водопад

Стихотворение Игоря Бланкенгорна, станция Обираловка, неполная средняя школа № 11.

Далеко у скалы шумит водопад.
С деревьев в него листочки летят.
И весело слышать, когда он шумит.
Когда он по скалам, по камням бежит.
Чистая струйка быстро течет,
Чистые камни с собою несет.
Высоко над ним деревья шумят,
И вместе с ними шумит водопад.

Китайские партизаны в бою

Степь

Наблюдения Вити Сидорчука

УССР, Березинский район, село Локнистое

Весна — самое лучшее время года в степи. В марте становится тепло, снег тает быстро, земля покрывается травой и цветущими растениями. Из теплых стран прилетают птицы. Просыпаются животные, которые спали зимой.

Многие думают, что хомяк зимой спит. А я считаю, что зимой хомяк не спит. Я пришел к этому после наблюдений над жизнью хомяка.

Осенью хомяки зарываются в землю. Я отправился откапывать их норки. Я нашел небольшую норку хомяка и начал ее

раскапывать. Норка была вначале неглубокая, дальше она стала глубокой и свернула в сторону. Ширина норы была 20 сантиметров. Я решил докопаться до ее конца. В углу норки лежала гречка. А за гречкой сидел хомяк. Я собрал всю гречку и принес ее домой. Она была очень чистая.

Я заинтересовался этим и несколько раз раскапывал норки хомяков и всегда находил там гречку или зерно.

Поэтому я решил: хомяк зимой не спит. Если бы он спал, он не делал бы таких заготовок, не готовился бы к зиме.

На Дальний Восток

Письмо Коли Черняева

Дальне-Восточный край, ст. Бикин, ул. имени Дзержинского, 23.

Раньше мы жили в Ленинграде, а в позапрошлом году мы поехали на Дальний Восток. Дорога была очень интересная, и я не отходил от окна вагона. Мы проезжали мимо станции Волочаевка. Здесь во время гражданской

войны наша армия разгромила японских интервентов. На сопке стоит памятник красным партизанам и бойцам, погибшим в этой борьбе. Я увидел Амур и громадный Амурский мост. Поезд в'ехал на мост с сильным

грохотом. По Амуру шли пароходы.

В Хабаровске мы жили недолго, а затем поехали в Бикин. Дальний Восток мне очень нравится: это замечательный край.

Испания

Стихотворения Адольфа Байле

*Ленинград, Пригородный район, Новый
поселок, 2, кв. II*

Я слышал: Испания — это страна,
Где вечно веселье, где вечно весна;

Слышал, что Гренада
Находится там
И в ней серенады
Поют по ночам.

Но вот я газеты столбцы пробежал
И про Испанию прочитал:

Огромным пожаром объята она,
Испания, песен и солнца страна.

Гренада вылает,
Кордова в огне!
Фашизм угрожает
Свободной стране!

Но храбрый и смелый испанский народ
С винтовкой и с песней врагов своих бьет.
Газету сложил и задумался я.

Мне так захотелось попасть в те края,
Сквозь дым и снаряды к друзьям прибе-
жать,

Друзьям пролетарский привет передать.

Винтовка

Тихо кругом. За нами Мадрид,

Тьмой ночью объятый, стоит;

Тихо, ни звука, там, впереди,

Там, где за холмами засели враги.

Держу я винтовку, подружку мою,
Больше всего тебя я люблю!

Ты верно пулю вдаль посылаешь

И сердце фашиста со свистом пронзаешь.

Лег не один от пули твоей,

От верной винтовки, подружки моей.

Республика гимнастов

Триста лет тому назад поселился в Дагестанских горах лак Рамадан вместе со своими тремя приятелями. Рамадан бывал в Иране, увлекся там народными гимнастами и привез отсюда «аркан» — канат на стойках. Рамадан обучил своих приятелей трудному искусству — акробатике, хождению по канату, эквилибристике.

Скоро лакские пахлаваны (акробаты) стали известны всему Дагестану. Одно селение за другим стало им подражать. Дагестанские пахлаваны славятся по всему Востоку — они были желанными гостями на праздниках и в Монголии, и в Танну-Туве, и в Индии.

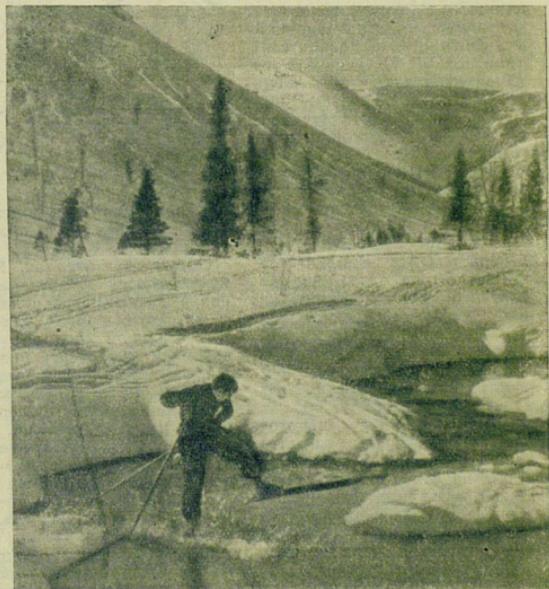
Жизнь в горах приучает дагестанцев к ловкости и чувству равновесия. На самые неприступные вершины могут забраться дагестанцы, пользуясь только «неменди» — упругой веревкой из козьей шерсти. Ловко забрасывают они петлю «неменди» на выступ скалы и карабкаются вверх.

Когда дагестанцы носят в горах траву, им приходится обвязываться за талию веревками и иногда даже висеть вниз головой.

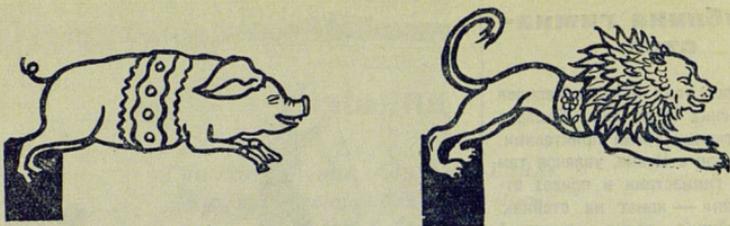
Любовь к акробатике и жизнь в горах сделали почти всех дагестанцев замечательными гимнастами и акробатами. Есть целые селения, где все колхозники умеют ходить по канату или проделывать такие акробатические номера, которые не снились цирковым акробатам. Семидесятилетние старики легко делают сальто. Начиная с 2—3 лет дагестанские мальчики и девочки уже начинают заниматься жонглированием камешками и легкими гимнастическими номерами. В 7—8 лет благодаря постоянной тренировке ребята — уже замечательные гимнасты. И не даром Дагестан называют страной гимнастов.

У финиша четырехдневной лыжной гонки Ярославль—Москва. Победитель гонки Д. Васильев обходит Трифонова (второе место).

Неудачный прыжок через ручей. Снимок Черепова в Хибинах.

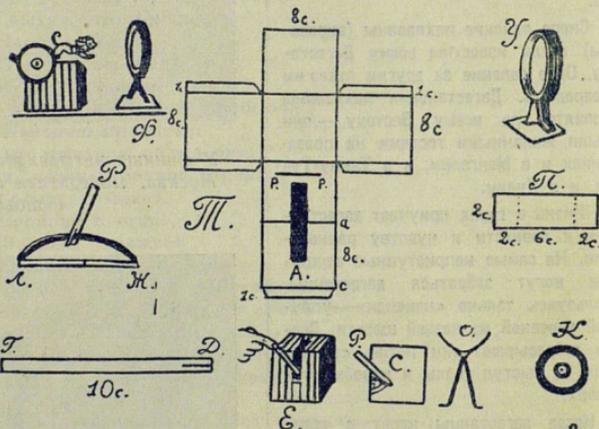

Прыгающие звери

На рисунке «Ф» показан общий вид игрушки. Она состоит из куба, сделанного из картона и обруча на подставочке. В кубе устроен механизм, с помощью которого зверь прыгает через обруч, подставленный к кубу.

Берете кусок картона, из него вырезаете фигуру «Т», из которой складывается куб, размер каждой стороны его 8 сантиметров. Сделайте прорез «А» в 1 сантиметр шириной; затем вырежьте картонную полоску шириной в 2 сантиметра и длиной сантиметров в 20, изогните ее в виде лука так, чтобы линия «ЛЖ» была в 7 сантиметров, и склейте; насадите лучиночку «Р» — «ГД» длиной в 10 сантиметров. Приклейте на развернутый из картона куб «Т» под прорезом «А» (место приклейки обозначено линией «р.р.») и пропустите в отверстие «А» лучиночку «Р». Теперь оклейте весь куб «Т» так, чтобы из отверстия «А» выступал конец лучиночки «Р». Оклейте весь куб белой или желтой бумагой с красными полосками; их можно нарисовать или лучше нарезать из красной бумаги и наклеить на куб вокруг.

Картон обладает некоторой упругостью. Отведите пальцем рычаг — лучиночку «Р», а на отверстие «А» склеенного куба поставьте вырезанную из бумаги фигуру зверя, загнув прежде у задних ног зверя черные площадки так, чтобы вырезанный по контуру рисунок стоял. Теперь отпустите рычаг «Р». Он ударит по загнутой черной площадке, и зверь

прыгнет. Если вы подставите обруч «У», то он прыгнет в обруч.

Обруч сделайте так. Возьмите полоску бумаги шириной в 2 сантиметра и длиной в 50 сантиметров. Если такой длиной полоски нет, возьмите склейте ее из нескольких частей, покрасьте в красный цвет или в какой вам понравится. Сверните обруч из этой полоски. Чем толще бумага, тем лучше будет обруч. Обруч «У» наклейте на подставочку шириной сантиметров в 5—6 из 2 полосок картона «П». На фигуре «О» показано, как изогнуть полоски картона «П» и часть обруча, к которому полоски прикреплены. На куб приклейте круг «К» диаметром в 6—7 сантиметров.

М. Филиппович

Автомобильные Гонки

Автомобили делаются из пятимиллиметровой фанеры. Вырежьте из нее лобзиком три составные части (рисунок 1) и склейте их столярным клеем. Из той же фанеры вырежьте 8 кругов: четыре — диаметром в 30 миллиметров (все размеры на рисунках даны в миллиметрах) и четыре — диаметром в 20 миллиметров. Затем склейте каждый большой круг с маленьким и проделайте в середине колеса отверстия. Эти колеса привинтите к кузову шурупами (короткими) так, чтобы они свободно вращались на них (рисунок 2). Из мягкой жести вырежьте мельницу, показанную на рисунке. Все движущие меха-

низы привинтите к одной доске. К автомобилю спереди прибейте гвоздик. За гвоздик привяжите нитку. Другой конец нитки привяжите или намотайте на ось соответствующего движущего механизма.

Отметьте линию старта и линию финиша. Выстройте машины у линии старта против соответствующих движущих механизмов, которые должны быть выстроены на 100 миллиметров за линией финиша. По сигналу судьи начинайте дуть в лопасти. Они будут вращаться и закручивать нитки на ось. Автомобили будут подезжать к финишу. Чтобы удобнее было дуть, склейте из картона трубочку и дуйте через нее. Каждый заезд дает игроку столько очков, сколько игроков. За переезд линии финиша сбавляйте очко.

Г. Гаспарьян.

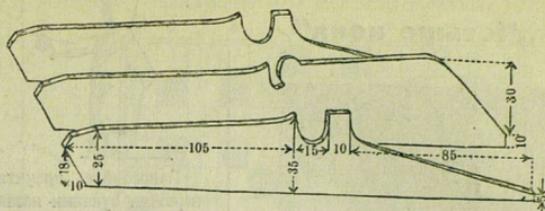

Рисунок 1. Так делается автомобиль.

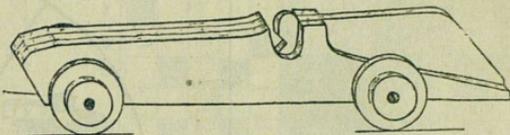
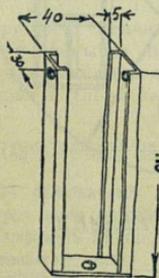
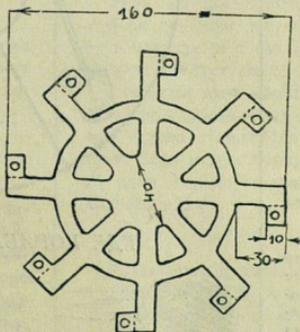

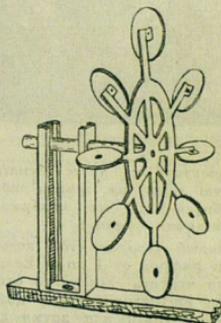
Рисунок 2. Готовый автомобиль

Станина из мягкой жести

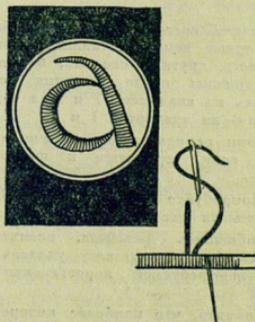
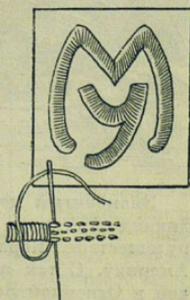
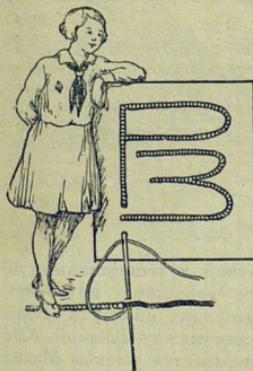

Мельница из жести

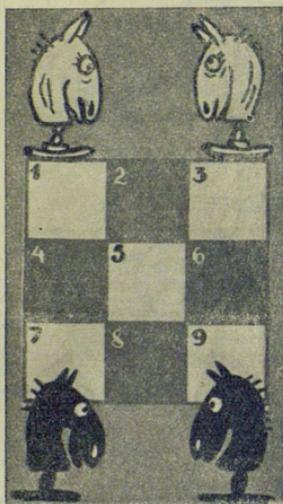

Двигательный механизм

Буквы для меток на одежде

„Четыре коня“

Начертите на листе бумаги шахматную доску из девяти квадратов, подобную той, что изображена на прилагаемом рисунке.

Каждый квадрат этой доски обозначен цифрой от 1 до 9. Если вы не хотите чертить доску, то отгородите уголок шахматной доски двумя полосками бумаги или двумя дощечками так, чтобы получилась доска из девяти квадратов.

На квадраты 1 и 3 поставьте два белых шахматных коня, а на квадраты 7 и 9 поставьте два черных коня.

Задача состоит в том, чтобы белые и черные кони поменялись местами, то есть, другими словами, белые кони должны после решения задачи стоять на квадратах 7 и 9, а черные кони — на квадратах 1 и 3.

Коня передвигаются обычным ходом коня, принятым в шахматной игре.

Попробуйте решить эту задачу, записывая свои ходы.

Добившись решения, посчитайте: за сколько ходов вам удалось добиться требуемой перестановки коней?

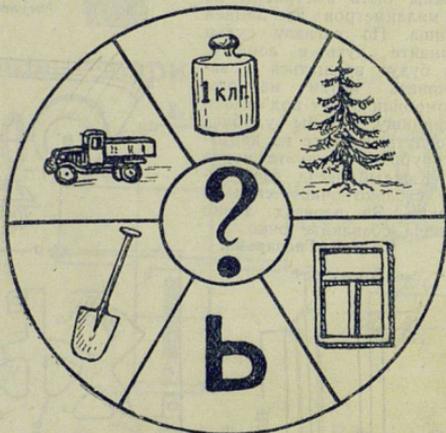
Понятно, что наиболее интересным решением задачи явится то, для которого потребовалось наименьшее количество ходов.

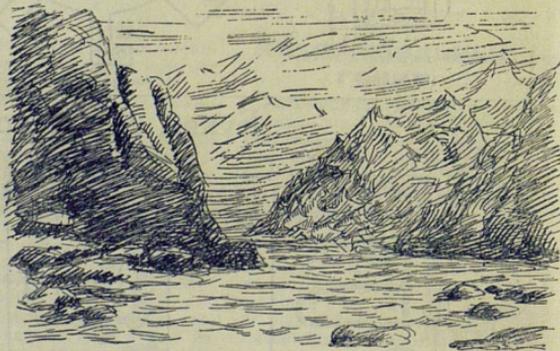
Загадки, задачи,
игры и фокусы

ПРОЧИТЕ

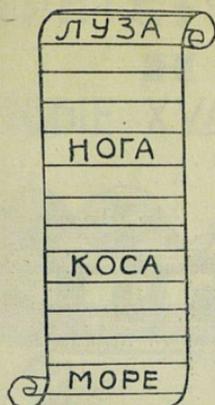
Попробуйте прочитать, что здесь написано, пользуясь первыми буквами названий нарисованных здесь предметов.

ГДЕ КОРАБЛЬ МАГЕЛЛАНА?

Знаменитый португальский путешественник Фердинанд Магеллан первым совершил кругосветное путешествие. Корабли Магеллана обогнули Южную Америку. С тех пор пролив между Южной Америкой и Огненной Землей называется именем Магеллана. Найдите корабль Магеллана. Он как раз проходит через Магелланов пролив.

(Задача, присланная Борисом Пульвером и Александром Бекслером из Москвы).

Попробуйте, меняя по одной букве и вписывая по одному слову в клетку, переделать слово «луза» в слово «море».

ТАИНСТВЕННЫЙ КВАДРАТ

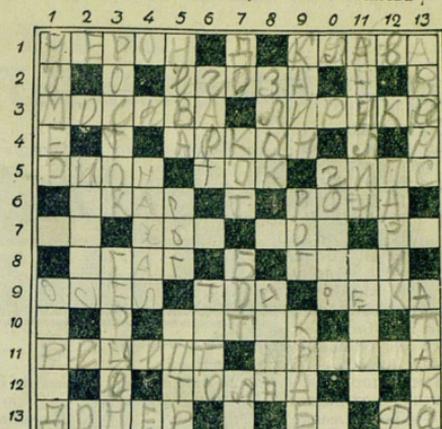
Из 64 однозначных и двухзначных чисел этого квадрата постарайтесь вычеркнуть 29 так, чтобы сумма оставшихся чисел была равна 800. При этом надо выполнить еще одно условие: из клеток с одинаковыми числами одна, хоть раз, но должна быть зачеркнута и одна оставлена.

Напишите, сколько раз надо вычеркнуть каждое число в квадрате.

8	8	8	8	8	8	8	8
8	16	16	16	16	16	16	8
8	16	32	32	32	32	16	8
8	16	32	64	64	32	16	8
8	16	32	64	64	32	16	8
8	16	32	32	32	32	16	8
8	16	16	16	16	16	16	8
8	8	8	8	8	8	8	8

Кроссворд,

присланный Я. Меером из Могилева,

Если вы посмотрите на этот кроссворд, то заметите, что он непохож на обычные кроссворды: цифры стоят не в клетках, а сбоку и сверху, а в объяснениях за одной цифрой следует несколько слов.

Решается этот кроссворд так же, как и обычные. Только цифры обозначают ряды горизонтальные и вертикальные. Слова отделяются друг от друга черными квадратиками. Если между черными квадратиками встречается только один белый, то он заполняется не словом, а буквой другого ряда.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Император древнего Рима; имя девочки
2. Непоседа.
3. Город в СССР; род поэзии
4. Лассо
5. Река в СССР; движение электронов; строительный материал
6. Вид мебели; река во Франции
7. Генерал южан в войне севера и юга в Америке; музыкальный коллектив; призыв, нота
8. Минерал; город на Кавказе
9. Животное; высота звука; водное пространство
10. Напиток
11. Указание врача; небольшой сосуд для определенной дозы лекарства
12. Беспорядочное сборище
13. Человек, дающий кровь другому; нота; нота.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Комната в гостинице; обычно установленный порядок церемонии
2. Болезнь
3. Побег растения; автор «Былое и думы»
4. Определение грубого человека
5. Река в СССР; музыкальный инструмент охотников; дискуссия
6. Металлический сплав для шрифта; крепость раствора
7. Нота; домашнее животное; небольшое судно; мера земли
8. Зерновое растение; характер
9. Легендарный человек, убивший своего брата; музыкальный инструмент охотников; морской рак
10. Особенности языка
11. Вещество для производства красок; вид задач
12. Часть грима
13. Предварительная выплата; наступление

СО Д Е Р Ж А Н И Е Н О М Е Р А

Приговор народа	3
Черемыш, брат героя — <i>Лев Кассиль. Рис. Б. Винокурова</i>	7
Письма матерям:	
В. И. Ленина	31
Г. Димитрова	32
Н. А. Островского	33
В. Н. Фигнер	33
Н. В. Гоголя	34
А. А. Блока	35
И. И. Мечникова	36
Песня английского моряка — <i>Алэн Кеннингэм. Перевод с английского Н. Кончаловской.</i> <i>Рис. Ю. Кискачи</i>	37
Ему было бы семьдесят лет — <i>А. Роскин</i>	38
В театре и цирке — <i>Максим Горький</i>	40
Как землю выловили — <i>Вопульская сказка. Б. Быков. Рис. П. Кузьмичева</i>	44
На великих плотинах — <i>И. Соколов-Микитов</i>	45
Секрет — (<i>Продолжение</i>) <i>К. Чуковский. Рис. К. Клементьевой</i>	53
Эрнст Тельман — борец за мир и свободу — <i>Фриц</i>	69
„Компас“ — <i>Известия Географического общества читателей журнала „Пионер“ № 16</i>	
Женщины-путешественницы — <i>Л. С. Баранов</i>	76
Снежные лавины	82
Загадка одиночного холма — <i>Юра Мазин</i>	84
Фонд Географического общества	85
Вильгельм Гауф — <i>А. Роскин</i>	86
Молодой англичанин — <i>В. Гауф, Перевод с немецкого И. Татариновой. Рис. Ю. Кискачи</i>	87
Профессия собаки — <i>Н. Розенкноп</i>	98
Время — <i>Э. Зелкович. Рис. П. Рябова</i>	106
ПОЧТА:	
Наша газета — <i>Письмо Эллы Зеймаль, Туси Ром, и др.</i>	115
Знакомство по почте — <i>Письмо Жени Лютикова</i>	116
Остров — <i>рассказ Шуры Примаченко</i>	118
Весна — <i>Стихи Феры Кричевской</i>	120
Белка — <i>Письмо Володи Кокурина</i>	120
Водопад — <i>Стихотворение Игоря Бланкенборна</i>	121
Степь — <i>Наблюдения Вити Сидорчука</i>	121
На Дальний Восток — <i>Письмо Коли Черняева</i>	121
Испания. Винтовка — <i>Стихотворения Адольфа Байле</i>	122
Республика гимнастов. — Спорт	123
Самоделки	124
Загадки, задачи, игры и фокусы	126

На обложке картина И. Гурвича „Паланинцы“

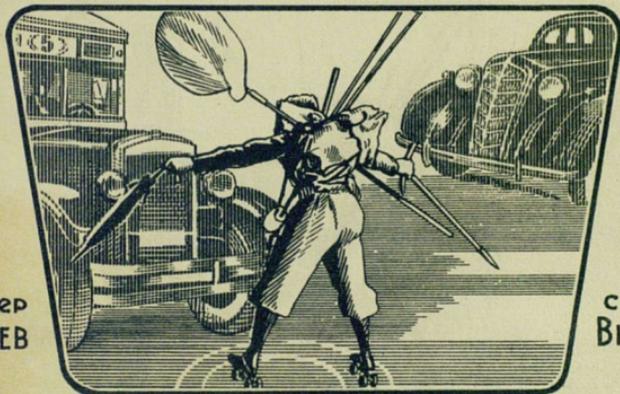
Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24, комната 822, тел. Д 3-30-73.

Ответ. редактор Б. ИВАНТЕР	Отв. секретарь В. Поддубнял	Худ. редактор М. Аскинази
Зам. редактора В. Фраерман		
Сдано в набор 26/II—38 г.	Подписано к печати 21/III—38 г.	Изд. № 259
Уполномоченный Главлита № Б — 31704. 82×110. 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.		
Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Зак. № 494 Тираж 98 000.		

СМОТРИТЕ! СЛУШАЙТЕ!

Н О В Ы Е
ЗВУКОВЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФИЛМЫ:

Человек рассеянный

режиссер
Н. ЖУРАВЛЕВ

сценарий
ВИНОКУРОВА

ВОЗДУШНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

режиссер
Т. АРУСИНСКАЯ

оператор
АПТЕКМАН

производство "Союздетфильм"

Цена 1 руб. 50 коп.